

ВЕСТНИК МГЛУ

*СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ*

№1 (50) / 2011

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

А.М. Горлатов (*главный редактор*),
З.А. Харитончик (*зам. главного редактора*),
П.В. Васюченко, Т.С. Глушак, Т.И. Голикова, Е.В. Зарецкая,
Г.Ф. Лепесская, С.Е. Кунцевич, В.В. Макаров, Т.Ф. Плеханова,
А.Н. Степанова, О.А. Судленкова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Арцёмава В.А.</i> Вербалізацыя канцэпту «блізка – далёка» ў беларускай і англійскай фразеалогіі	6
<i>Басовец И.М.</i> Конструкции деавторизации с устраненным субъектом в англо- и белорусскоязычных публицистических текстах	13
<i>Кирюшкина А.А.</i> Культурная обусловленность эмоциональных концептов.....	22
<i>Смирнов А.И.</i> Базовые семантические компоненты лексических маркеров дискурса глобализации	28
<i>Суркова Е.С.</i> <i>Lingua Latina</i> и <i>linguae vernaculae</i> в западнохристианском ареале в IX в.: к вопросу о статусе	38
<i>Третьякова Г.Н.</i> Дискурсивные процессы микроуровневой локализации: результаты и перспективы исследования	44
<i>Щербакова Л.Г.</i> Особенности прагматических значений междометий в немецком и белорусском языках.....	54

Романское и германское языкознание

<i>Бадюля А.С.</i> Отвлеченность и обобщенность как абстрактные значения имени существительного	61
<i>Голодов А.Г.</i> Футбол как феномен массовой культуры и влияние его языка на политическую и экономическую лексику (на материале немецкого языка футбола)....	67
<i>Грищенко Н.М.</i> Динамика развития символа в испаноязычном поэтическом тексте.....	77
<i>Казловская Л.П.</i> О психологической темпоральной референции высказывания в настоящем времени	85
<i>Курилович О.Ф.</i> Актуализация компонентов ассоциативного поля при порождении высказывания в английском языке	90
<i>Мирский А.А.</i> Свободная косвенная речь в современном немецком языке	99
<i>Станкевич В.И.</i> Просодические средства выражения ремы в инициальной и финальной позициях повествовательного фоноабзаца (на материале французского языка).....	110
<i>Сысоева Т.А.</i> Критерии разграничения малоформатных медийных текстов.....	122
<i>Тропец Т.В.</i> Новейшие англицизмы в итальянском языке (структурно-морфологический аспект)	130
<i>Шпаковская И.Н.</i> Особенности порождения пунктуации в английском языке в условиях русско-английского билингвизма	138

Литературоведение

<i>Марданов А.А.</i> Фиктивность истории как философско-эстетическая концепция произведений Джулиана Барнса.....	148
<i>Мостобай Т.Ф.</i> Подходы к изучению творчества Дж. Фаулза в контексте литературы второй половины XX в.	155
<i>Наши авторы</i>	163

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Artsiomava V.A.</i> The Verbalization of the Concept «Near – Far» in Belorussian and English Phraseology.....	6
<i>Basovets I.M.</i> Deauthorization Structures with Eliminated Subject in English and Belarusian Newspaper Texts	13
<i>Kirushkina A.A.</i> Cultural Conditionality of Emotional Concepts	22
<i>Smirnov A.I.</i> Basic Semantic Components of the Globalization Discourse Key Lexemes	28
<i>Sourkova E.S.</i> <i>Lingua Latina</i> and <i>Linguae Vernaculae</i> in Western Christian Area in the 9th Century: on the Question of Status	38
<i>Tretjakova G.N.</i> The Discourse Processes of Micro-level Location: Results and Perspectives of the Research.....	44
<i>Shcherbakova L.G.</i> Peculiarities of Pragmatic Meanings of Interjections in the German and Belarusian Languages	54

Romance and Germanic Linguistics

<i>Badiulia A.S.</i> Abstractness and Generalization as Two Abstract Meanings of Nouns	61
<i>Golodov A.G.</i> Football as a Phenomenon of Mass Culture and Its Influence on Political and Economic Vocabulary	67
<i>Grischenko N.M.</i> Dynamics of the Development of Symbols in Spanish Poetic Texts.....	77
<i>Kazlovskaya L.P.</i> Psychological Reference of the Sentences in the Present Tense.....	85
<i>Kurilovich O.F.</i> The Role of the Associative Field in Sentence Processing in the English Language	90
<i>Mirskij A.A.</i> Free Indirect Speech in Modern German.....	99
<i>Stankevitch V.I.</i> Prosodic Means in Expression of Initial and Final Rheme of Oral Paragraph in French	110
<i>Sysoyeva T.A.</i> Criteria of Differentiating Small-Sized Media Texts.....	122
<i>Tropets T.V.</i> The Recent Anglicisms in the Italian Language: Analysis of the Morphological Structure.....	130
<i>Shpakouskaya I.N.</i> Peculiarities of Punctuation Production in the English Language in the Context of the Russian-English Bilingualism	138

Studies in Literature

<i>Mardanau, A.A.</i> History's Fictitiousness as a Philosophical and Aesthetical Concept of Julian Barnes' Works	
<i>Mastabai T.F.</i> Approaches to the Study of Works by John Fowles in the Context of the Second Half of the 20th Century Literature	155
<i>Our authors</i>	163

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В.А. Арцёмава

**ВЕРБАЛИЗАЦЫЯ КАНЦЭПТУ «БЛІЗКА – ДАЛЁКА»
Ў БЕЛАРУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ ФРАЗЕАЛОГІІ**

Прастора – усеагульная форма быцця, катэгорыя культуры і свядомасці чалавека, што ўспрымаецца і адлюстроўваецца на ўсіх моўных узроўнях, адным з якіх выступае фразеалогія. Кантрастыўное даследаванне канцэпту «блізка – далёка» як фрагмента прасторавай карціны свету ў беларускім і англійскім фразеалагічных фондах выявіла агульныя, універсальныя рысы ўспрымання дадзенай прасторавай характарыстыкі: эталоннасць і антрапацэнтрычна-саматычны характар блізкага месцазнаходжання аб'екта, адноснасць і трохкампанентнасць адлегласці, сінкрэтычнасць часу і прасторы. Нацыянальна-спецыфічныя асаблівасці дадзенай прасторавай характарыстыкі праяўляюцца ў міфалагізаванасці і эматыўнасці далёкага месцазнаходжання аб'екта ў беларускай лінгвакультуры, слыхавой перцэпцыяй і нейтральнасцю адлегласці ў англійскай лінгвакультуры.

Прастора, побач з часам і рухам, з'яўляецца адной з фундаментальных формаў існавання матэрыі, катэгорыяй культуры і свядомасці чалавека, фрагментам «наіўнай» карціны свету. Яна ўспрымаецца і адлюстроўваецца на ўсіх узроўнях моўнай сістэмы, ва ўсіх класах моўных з'яў, аб чым сведчаць шматлікія даследаванні замежных (Т.В. Булыгіна, У.Р. Гак, М.У. Усеваладава, А.С. Якаўлева, Л. Талмі, У. Чэйф, Р. Джакендоф і інш.) і беларускіх лінгвістаў (П.В. Васючэнка, І.А. Жылінская, П.Р. Кошман, Л.Я. Мазур, М.С. Яўневіч, І.С. Роўда, І.М. Казароз і інш.).

Адным з такіх моўных узроўняў выступае фразеалогія. Пад фразеалагізмамі мы разумеем устойлівыя, узнаўляльныя, не менш як двукампанентныя моўныя адзінкі, якія спалучаюцца са словамі свабоднага ўжывання і маюць цэласнае значэнне, не роўнае суме значэнняў іх кампанентаў [1, с. 5]. На думку Б.А. Ларына, вывучэнне менавіта фразеалагічнага фонду пэўнай мовы з'яўляецца найбольш прадуктыўным для даследавання «наіўнай» карціны свету: у вобразнай аснове фразеалагічных адзінак (ФА) адлюстроўваюцца характэрныя рысы светабачання пэўнага этнасу, захавана эвалюцыя мовы і тыповыя рысы лексіка-граматычнага ладу [2].

Фразеалагізмы з прасторавай семантыкай на матэрыяле славянскіх моў даследуюцца ў працах П.А. Рэдзіна (украінская мова), Г.В. Саўчук, Н.А. Сабуравай, В.П. Ігнаценкі, В.П. Піваваравай, Т.М. Філаненкі (руская мова) і інш. У супастаўляльным аспекце прасторавыя ФА вывучаюцца ў працах В.У. Бяскроўнай, М.Э. Ігнацьевай (англійская і руская мовы) і інш.

Але беларускія фразеалагічныя сродкі вобразнай намінацыі прасторы ў супастаўленні з іншымі мовамі пакуль не сталі асобным прадметам

даследавання навукоўцаў. У сувязі з гэтым нам уяўляецца перспектыўным прааналізаваць і параўнаць прастору, што ўспрымаецца чалавекам, у межах пачуццёва-абстрактных мадэляў, якія захаваны ў фразеалогіі дзвюх моў – беларускай і англійскай. У сваю чаргу падобны аналіз дае магчымасць дэтальна даследаваць сувязі паміж успрыманням і вербалізацыяй прасторы, выявіць універсальныя рысы, а на іх фоне – нацыянальныя, этнаспецыфічныя асаблівасці прасторавых уяўленняў у беларускай і англійскай лінгвакультурах.

Прадметам нашага даследавання сталі беларускія і англійскія ФА з прасторавай семантыкай у супастаўляльным аспекце. У якасці спосабу вывучэння катэгорыі прасторы ў фразеалогіі намі быў выкарыстаны метады семантычнага поля, пад якім разумеецца сукупнасць моўных адзінак, аб'яднаных агульнай (інтэгральнай) семантычнай прыметай. З прычыны спецыфікі фразеалагізмаў як вобразных адзінак з ускладнёнай семантыкай у нашым даследаванні разнавіднасцю семантычнага поля выступае фразеасемантычнае поле – «сукупнасць ФА, якія адносяцца да адной паняццёвай сферы і характарызуюцца пэўнымі сістэмнымі адносінамі паміж сабой» [3, с. 54]. Матэрыялам для даследавання паслужылі беларускія і англійскія слоўнікі фразеалагізмаў [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15]. Метадам суцэльнай выбаркі, у залежнасці ад наяўнасці прасторавых лексем-меркёраў у слоўнікавай дэфініцыі ФА, намі было вылучана 1070 беларускіх і 1016 англійскіх ФА з прасторавай семантыкай.

Трактоўка ФА з пункту гледжання семантычнай непадзельнасці абгрунтоўвае мэтазгоднасць прымянення метаду кампанентнага аналізу: цэльнае тлумачэнне фразеалагізма, прапанаванае слоўнікам, дзеліцца на шэраг дробных семантычных кампанентаў – сем. У залежнасці ад дынамічнага або статычнага характару прасторавых адносін намі былі выдзелены два цэнтры: мікраполе дынамікі і мікраполе статыкі. Паралельна былі ўстаноўлены ўзаемасувязі і супадпарадкаванні значэнняў ФА ў межах кожнага мікраполя на аснове бінарных апазіцый. Выяўленне членаў апазіцыі праводзілася па пэўнай семантычнай прымеце: хуткасць перамяшчэння аб'екта, памер, адлегласць і інш. У выніку праведзенага аналізу было вылучана 10 бінарных прасторавых апазіцый рознай ступені абстракцыі, сукупнасць якіх уяўляе сабой сістэму пакрокавага члянэння прасторавага фрагмента пазамоўнай рэчаіснасці, адлюстраванай у мове фразеалагічнымі сродкамі.

Адной з такіх апазіцый у беларускай і англійскай фразеалогіі выступае канцэпт «блізка – далёка». Варта адзначыць, што колькасць ФА прыблізна аднолькавая: 90 беларускіх (8,4 %) і 116 англійскіх ФА (11,4 %). Дадзеная бінарная апазіцыя з'яўляецца адной з самых рэпрэзентатыўных разам з апазіцыямі «хуткае – павольнае перамяшчэнне», «прыезд, прыход, з'яўленне – ад'езд, адыход, знікненне», «добрае, роднае, вядомае месца – дрэннае, чужое, невядомае месца», што падкрэслівае важнасць адлегласці месцазнаходжання аб'екта ад назіральніка як аднаго з асноўных відаў прасторавых адносін у беларускай і англійскай лінгвакультурах.

У аснове вызначэння месцазнаходжання аб'екта ляжыць трохмернасць прасторы: восевыя вертыкальныя і гарызантальныя вымярэнні, ёмістасць. Яны дэтэрмінуюць канцэптуалізацыю і моўную катэгарызацыю прасторы ў свядомасці чалавека. Неабходна адзначыць, што вертыкальнае вымярэнне «высока – нізка» ў дачыненні да месцазнаходжання аб'екта амаль не знаходзіць свайго адлюстравання ў беларускай і англійскай фразеалогіі: былі вылучаны толькі 1 беларуская (з *вышыні птушынага палёту*) і 2 англійскія ФА (*pride of place* 'вялікая вышыня', *a bird's eye view* 'выгляд з птушынага палёту') са значэннем 'высокае месцазнаходжанне аб'екта'. Для аналізу канцэпту «блізка–далёка» гарызантальнае вымярэнне з'яўляецца вызначальным.

Беларускія і англійскія фразеалагізмы аналізуемай групы выконваюць акалічнасна-прыслоўную функцыю і ўжываюцца з дзеясловамі месцазнаходжання (беларус. *быць, знаходзіцца, жыць* і англ. *be* 'быць', *live* 'жыць', *stay* 'заставацца') і дзеясловамі перамяшчэння (беларус. *ісці, рухацца, бегчы* і англ. *go* 'ісці', *walk* 'ісці пешшу', *stroll* 'гуляць'). Па меркаванні С.Д. Кацнельсона, спалучальнасць падобных дзеясловаў з акалічнасцю месца (ФА са значэннем месцазнаходжання ў прасторы) выклікана неабходнасцю ўдакладнення іх прасторавай лакалізацыі ў адрозненне ад непрасторавых дзеясловаў, якія характарызуюцца паўнотай прэдыкацыі [16, с. 593]. Дадзены пункт гледжання падзяляе і У. Чэйф, які сцвярджае, што ў сказах са статычнай лакалізаванасцю дзеяслоў *to be* 'быць' і іншыя блізкія яму па значэнні дзеясловы выконваюць граматычную функцыю часу, ліку, роду і асобы, г.зн. яны выступаюць як дэлексікалізаваныя, чыста граматычныя формы, так званыя звязкі, пазбаўленыя лексічнага значэння. Гэтыя формы выражаюць у сказе толькі кампаненты прэдыкацыі і дапасавальныя катэгорыі, таму маюць патрэбу ў прасторавым вызначэнні [17, с. 184].

Разгледзім адзін з членаў такой бінарнай апазіцыі – паняцце *блізка*. Неабходна падкрэсліць значнае колькаснае перавышэнне ФА са значэннем 'блізкае размяшчэння аб'екта' над колькасцю ФА са значэннем 'аддаленае размяшчэнне аб'екта' як у беларускай, так і ў англійскай мовах: у беларускім фразеалагічным фондзе было выяўлена 55 ФА са значэннем 'блізка' і 35 ФА са значэннем 'далёка', у англійскай – 76 ФА са значэннем 'блізка' і 40 ФА са значэннем 'далёка'.

Колькасная перавага ФА падгрупы «блізка» падкрэслівае важнасць падобнага размяшчэння аб'екта, дзе галоўную ролю выконвае зрокавая альбо тактыльная перцэпцыя: *блізка* тое, што можна ўбачыць, да чаго можна дакрануцца (беларус. *перад вачыма* 'побач, блізка' – англ. *in front of eyes* 'побач, блізка', беларус. *над рукой* 'побач' – англ. *at hand* 'побач'). У англійскіх ФА блізкае месцазнаходжанне аб'екта побач са зрокавым і тактыльным успрыманням сувымяраецца з тым, што знаходзіцца ў межах слыху: англ. *within call, within earshot, within hail, within hearing* 'блізка, у межах слыху'.

Магчымасць перцэптыўна ўспрымаць аб'ект абгрунтоўвае наяўнасць у структуры беларускіх і англійскіх ФА са значэннем 'блізка' лексем-саматызмаў: беларус. *рука, твар, плячо*, англ. *hand* 'рука', *face* 'твар', *shoulder* 'плячо' і інш.: беларус. *твар у твар* – англ. *face to face*, беларус. *рука ў руку* – англ. *hand in hand*, беларус. *плячо ў плячо* – англ. *shoulder to shoulder*. Пры аналізе падобных ФА было вылучана два віды арыентацыі аб'ектаў адносна адзін аднаго:

1) арыентацыя на адной лініі, дзе акцэнтуюцца судотык бакавых левай ці правай плоскасцяў аб'екта. У якасці такіх плоскасцяў выступаюць часткі цела чалавека: беларус. *плячо ў плячо, рука ў руку* і англ. *shoulder to shoulder, arm in arm, side by side*;

2) фронтальная арыентацыя, калі аб'екты знаходзяцца адзін насупраць аднаго: беларус. *твар у твар, вочы ў вочы, грудзі ў грудзі*, англ. *face to face*.

У такіх арыентацыйных мадэлях аб'екты ўяўляюць сабой аднастайныя прадметы, часцей за ўсё адушаўлёныя істоты, у якіх ёсць твар, вочы, рукі, бок, плечы і г.д.: беларус. *твар у твар, вочы ў вочы*, англ. *arm in arm, side by side, shoulder to shoulder*. У той жа час нешматлікасць беларускіх ФА (беларус. *плот у плот, вугал з вуглом*) і адсутнасць англійскіх ФА, якія рэпрэзентуюць фронтальную арыентацыю неадушаўлёных аднародных прадметаў, яшчэ раз падкрэсліваюць саматычны характар намінацыі блізкага месцазнаходжання аб'екта, што, на думку У.Р. Гака, звязана са звычайнай чалавека ўспрымаць і сувымяраць навакольнае асяроддзе з часткамі свайго цела [18, с. 128].

Важным аспектам, які неабходна ўлічваць пры супастаўленні разнамоўных фразеалагізмаў, з'яўляецца іх вобразная аснова. Яе аналіз паказаў, што блізкае размяшчэнне аб'екта, вербалізаванае беларускімі і англійскімі ФА, заснавана на вобразах

1) частак цела чалавека: беларус. *нос (насам) у нос, вочы ў вочы*, англ. *shoulder to shoulder, arm in arm, side by side*;

2) прадметаў і з'яў штодзённага жыцця чалавека: беларус. *плот у плот*, англ. *next door*, беларус. *вугал з вуглом*, англ. *at close quarters*;

3) рухаў і дзеянняў чалавека з рознымі прадметамі: беларус. *рукой падаць, за два крокі*, англ. *within a stone's throw* 'не далей кінутага каменя', *at a spitting distance* 'не далей пляўка'.

4) зрокавага, тактыльнага або слыхавога ўспрымання (прытым слыхавое ўспрымання характэрна толькі для англійскіх ФА: *within call, within earshot, within hearing* 'блізка, ў межах слыху').

Такім чынам, у беларускай і англійскай лінгвакультурах блізкая прастора антрапацэнтрычная: яна арганізуецца вакол чалавека і яго жыццядзейнасці.

Супастаўленне функцыянальна-стылістычнай афарбоўкі беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў са значэннем 'блізка' паказала, што яны з'яўляюцца размоўнымі, функцыянальна не замацаванымі і эматыўна нейтральнымі па прычыне ўспрымання блізкага месцазнаходжання аб'екта

як эталоннага і звычайнага для прадстаўнікоў беларускай і англійскай лінгвакультур. Аднак наяўнасць у слоўнікавых дэфініцыях ФА дадзенай групы такіх прыслоўяў-інтэнсіфікатараў, як *зусім, вельмі* і англ. *very* 'вельмі', *the most* 'самы' робіць іх экспрэсіўнымі.

Тоеснасць сігніфікатыўна-дэнататыўнага значэння, блізкасць вобразаў, падабенства структурна-граматычнага складу і функцыянальна-стылістычнай афарбоўкі беларускіх і англійскіх ФА дадзенай групы абумоўліваюць вялікую колькасць поўных і частковых міжмоўных фразеалагічных эквівалентаў у параўнанні з падгрупай «далёка»: беларус. *плячо ў плячо* – англ. *shoulder to shoulder*, беларус. *пад рукой* – англ. *at hand*, беларус. *рука ў руку* – англ. *hand in hand*, беларус. *твар у твар* – англ. *face to face*, беларус. *пад <самым> носам* – англ. *under the very nose* і інш. Як бачна з прыведзеных прыкладаў, поўная або частковая эквівалентнасць назіраецца ў ФА, якія маюць у сваёй структуры кампаненты – саматызмы. Гэта сведчыць аб універсальнасці прасторавай мадэлі, пры якой адвольны аб'ект атаясамліваецца і арыентуецца па аналогіі з цэлам чалавека [19, с. 98], і пра ўсеагульнасць законаў мыслення.

У адрозненне ад падгрупы «блізка», падгрупа «далёка» прадстаўлена ў колькасным дачыненні значна вузей. Гэта звязана з успрымманнем аддаленай прасторы як чужой, неабжытай і нават небяспечнай у беларускай і англійскай лінгвакультурах. Аб гэтым сведчыць адсутнасць саматызмаў ў структуры ФА дадзенай групы: аддалены аб'ект нельга ўбачыць, дакрануцца ці пачуць. А тое, што нельга ўспрыняць органамі пачуццяў, міфалагізуецца і сакралізуецца. Невыпадкова ў фразеалагізмах са значэннем 'далёка' выяўляюцца вобразы, звязаныя

1) з краем, мяжой чаго-небудзь: беларус. *на краі свету*, англ. *at the world's end*;

2) са зрокавым успрымманнем у беларускай мове (*за вачыма* 'вельмі далёка') і слыхавым успрымманнем у англійскай мове (*out of earshot, a far cry, out of hearing* 'за межамі чутнасці');

3) з міфалагічнымі істотамі і прадстаўнікамі фаўны: *чорт* (у *чорта ў зубах*), *мядзведзь* (*мядзвежы куток*), *крумкач* (*куды крумкач касцей не зносіў*), *зяюля* (*дзе заюлі не кукуюць*), *камар* (*дзе камар козы пасе*). Падобныя беларускія ФА маюць адмоўную канатацыю ў сілу вобразаў, якія ўзнікаюць у свядомасці моўцы: ідыёма *ў чорта ў зубах* не толькі абазначае 'вельмі далёка', але і нясе пеяратаўную афарбоўку, што падкрэслівае нежаданне чалавека пераадольваць сябе і рабіць фізічныя намаганні для дасягнення аб'екта, што знаходзіцца на вялікай адлегласці. У падобных беларускіх ФА яскрава праяўляецца прынцып эканоміі энергіі. Англійскія ФА падгрупы «далёка» пазбаўлены канатацыі і з'яўляюцца нейтральнымі: *nowhere near, out of the way, miles away* 'вельмі далёка'. Такім чынам, можна гаварыць пра пэўную міфалагізацыю аддаленага месцазнаходжання аб'екта ў беларускай мове і яе адсутнасць ў англійскай.

Несупадзенне вобразаў, азначнасці, функцыянальна-стылістычнай суаднесенасці і марфемна-сінтаксічнай структуры ўплываюць на ступень эквівалентнасці беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў са значэннем ‘далёка’: дадзеная група характарызуецца найменшай колькасцю фразеалагічных эквівалентаў і перавагай фразеалагічных адпаведнасцей і безэквівалентных ФА ў параўнанні з пагрупай «блізка». Прыкладам беларускіх безэквівалентных ФА ў супастаўленні з англійскай мовай выступаюць наступныя фразеалагізмы: *дзе зязюлі не кукуюць, дзе камар козы пасе, у чорта ў зубах*. Прыкладамі англійскіх ФА, якія не маюць адпаведнікаў у беларускім фразеалагічным фондзе, з’яўляюцца фразеалагізмы *out of earshot, a far cry, out of hearing* ‘за межамі слыху’. Наяўнасць безэквівалентных беларускіх і англійскіх ФА падкрэслівае «асаблівасці псіхалогіі, спосабу мыслення, спецыфічных умоў матэрыяльнага і духоўнага жыцця носьбітаў мовы» [20, с. 116] і выяўляе нацыянальную спецыфіку вобразнага ўспрымання прасторавых адносін у беларускай і англійскай лінгвакультурах.

Аднак, нягледзячы на якасныя і колькасныя адрозненні, у беларуска-англійскай фразеасемантычнай бінарнай апазіцыі «блізка – далёка» былі выяўленыя наступныя падобныя рысы.

1. Адсутнасць адлюстравання абсалютнай адлегласці як фундаментальнага паняцця еўклідавай геаметрыі (у беларускіх і англійскіх ФА блізкая ці далёкая адлегласць выражаецца прыблізна і з’яўляецца адноснай).

2. Сінкрэтызм прасторавых і часавых значэнняў у семантыцы некаторых беларускіх і англійскіх ФА дадзенай групойкі, што, на думку навукоўцаў (У.Р. Гак, А.С. Кубракова), звязана з узнікненнем часавых паняццяў на аснове прасторавых: беларус. *не за гарамі* азначае ‘блізка па адлегласці’ і ‘хутка па часе’, англ. *long haul* мае значэнне ‘параўнальна вялікая, значная адлегласць’ і ‘параўнальна вялікі тэрмін’. Такім чынам, можна зрабіць выснову, што сінкрэтычнасць часавых і прасторавых уяўленняў (хранатоп, у тэрміналогіі М.М. Бахціна [21, с. 234]) назіраецца не толькі на граматычным, лексічным ці сінтаксічным узроўнях моўнай сістэмы, але таксама і на фразеалагічным.

3. Рэпрэзентацыя беларускімі і англійскімі ФА адлегласці да аб’екта ў выглядзе трохкампанентнай мадэлі “бліжэйшая (блізка) – прамежкая (недалёка) – далёкая (далёка)”: беларус. *пад носам – не за гарамі – дзе камар козы пасе*, англ. *under smb’s nose – out of reach – at the back of beyond*. Гэта дазваляе разглядаць месцазнаходжанне аб’екта ў выглядзе антанімічнага канцэпту, дзе ваганне сэнсу адбываецца паміж двума палярнымі кампанентамі ‘блізка’ і ‘далёка’, што складаюць ядзерную апазіцыю [22, с. 21]. Наяўнасць падобных рыс у рэпрэзентацыі блізкага і далёкага месцазнаходжання аб’екта ў беларускай і англійскай фразеалогіі падкрэсліваюць універсальнасць і ўсеагульнасць механізмаў успрымання і адлюстравання прасторавых уяўленняў.

Такім чынам, бінарная апазіцыя «блізка – далёка» ў беларускай і англійскай лінгвакультурах характарызуецца наступнымі агульнымі рысамі: эталоннасць і антрапацэнтрычна-саматычны характар блізкага месцазнаходжання аб'екта, адноснасць і трохкампанентнасць адлегласці, сінкрэтычнасць часу і прасторы. Нацыянальна-спецыфічныя асаблівасці гэтай прасторавай характарыстыкі вызначаюцца міфалагізаванасцю і эматыўнасцю далёкага месцазнаходжання аб'екта ў значэнні беларускіх ФА, слыхавой перцэпцыяй месцазнаходжання аб'екта і нейтральнасцю адлегласці ў значэнні англійскіх ФА.

Неабходна адзначыць, што даследаваная намі ў кантрастыўным аспекце беларуска-англійская фразеасемантычная бінарная апазіцыя «далёка – блізка» з'яўляецца толькі невялікім фрагментам прасторавай карціны свету, адлюстраванай ФА. У перспектыве вынікі ўсебаковага кампаратыўнага вывучэння прасторы на матэрыяле беларускага і англійскага фразеалагічных фондаў дадуць важны матэрыял для разумення асаблівасцей вобразнага засваення дадзенай катэгорыі і выяўлення механізмаў, якія ляжаць у аснове яе катэгарызацыі і канцэптуалізацыі ў беларускай і англійскай лінгвакультурах.

ЛІТАРАТУРА

1. *Лепешаў, І.Я.* Фразеалогія сучаснай беларускай мовы / І.Я. Лепешаў. – Мінск : Вышэйш. шк., 1998. – 271 с.
2. *Ларин, Б.А.* История русского языка и общее языкознание / Б.А. Ларин. – М., 1977. – 224 с.
3. *Кириллова, Н.Н.* Сопоставительная фразеология романских языков / Н.Н. Кириллова. – Л. : ЛГПИ, 1986. – 81 с.
4. *Аксамітаў, А.С.* Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа / А.С. Аксамітаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 655 с.
5. *Кунин, А.В.* Большой англо-русский фразеологический словарь. – М. : Рус. яз., 2005. – 1224 с.
6. *Лепешаў, І.Я.* Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008.
7. *Новый англо-русский словарь / В.К. Мюллер [и др.].* – М. : Рус. яз., 1995. – 880 с.
8. *Санько, З.* Малы расейска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Санько. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 224 с.
9. *Янкоўскі, Ф.М.* Фразеалагічны слоўнік / Ф.М. Янкоўскі. – Мінск : Народная асвета, 1973. – 352 с.
10. *Янкоўскі, Ф.М.* Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Ф.М. Янкоўскі. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 494 с.
11. *Cowie, A.P.* Oxford Dictionary of Current Idiomatic English: Phrase, Clause and Sentence Idioms / A.P. Cowie, I.R. Vacin. – Oxford Univ. Press, 1983. – 685 p.

12. *Daphne, M.G.* The Penguin Dictionary of English Idioms / M.G. Daphne, D. Hinds-Howell. – London : Penguin Books, 2001. – 378 p.
13. *Freeman, W.A.* Concise Dictionary of English Idioms / W. Freeman. – London: Hodder and Stoughton, 1982. – 215 p.
14. Longman English Dictionary of Contemporary English. – London: Longman, 1995. – 1668 p.
15. *Sinclair, J.* Cobuild Dictionary of Idioms / J. Sinclair. – London : Collins Publishers, 1995. – 493 p.
16. *Кацнельсон, С.Д.* Категории языка и речевое мышление: Из научного наследия / С.Д. Кацнельсон. – М. : Языки слав. культуры, 2001. – 864 с.
17. *Чейф, У.* Значение и структура языка / У. Чейф. – М. : Прогресс, 1975. – 432 с.
18. *Гак, В.Г.* Пространство вне пространства / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Языки рус. культуры, 2000. – С. 127–134.
19. *Подлеская, В.И.* Лицом к лицу / В.И. Подлеская, Е.В. Рахилина // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Языки рус. культуры, 2000. – С. 98–107.
20. *Арсентьева, Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц / Е.Ф. Арсентьева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та., 1989. – 125 с.
21. *Бахтин, М.М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Вопр. литературы и эстетики. – М. : Худож. лит, 1975. – С. 234–407.
22. *Погребная, Н.А.* Антонимический концепт в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; 10.02.19 / Н.А. Погребная. – Калининград, 2006. – 23 с.

The article presents common features of the perception and verbalization of the close and distant location of an object in Belorussian and English phraseology: the antropocentricity and somatic character of close location, the relativity and the triple structure of the distance, the syncretism of space and time. The idioethnical peculiarities are the sacredness and the emotiveness of distant location in Belorussian, auditory perception and the neutrality of distance in English.

Поступила в редакцию 25.01.11

И.М. Басовец

КОНСТРУКЦИИ ДЕАВТОРИЗАЦИИ С УСТРАНЕННЫМ СУБЪЕКТОМ В АНГЛО- И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В статье определяются и сопоставляются структурные и семантические характеристики *конструкций деавторизации с устраненным субъектом* в публицистических текстах на английском и белорусском языке. В результате анализа определяются синтаксические характеристики *конструкций деавторизации*

с устрaненнoм субъектoм в aнглийскoм и белoрусскoм языкaх, устанaвливаются корреляции между типoм синтаксической структуры конструкции деавторизации и представленной в нем разновидностью субъекта, а также выявляются взаимосвязи между типoм референции субъекта и типoм семантического субъекта конструкции деавторизации.

В связи с возрастающим интересом современной лингвистики к проблеме *субъекта высказывания*, а также с необходимостью оптимизации способов подачи информации в массовой коммуникации особую актуальность приобретает исследование средств выражения субъекта в публицистической речи. Важную роль в этом отношении играют *конструкции деавторизации* (КД), представляющие собой синтаксические конструкции, в которых субъект речи, мысли, оценки, восприятия явлений объективной действительности предстает как неидентифицируемый.

Проблема изучения языковых средств, способных реализовать в структуре предложения значение нереферентного обобщенного, неопределенного субъекта речи, мысли, оценки, восприятия, пока не получила достаточного освещения в современном языкознании. На данный момент исследованы лишь некоторые ее аспекты в работах, посвященных

- феномену авторизации [1], [2], [3];
- способам выражения в предложении генерализованного и неопределенного субъекта [4], [5], [6], [7];
- референциальным характеристикам субъекта [8], [9].

В то же время малоизученными пока остаются вопросы, касающиеся выбора языковых средств, используемых для построения КД в английском и белорусском языках, выявления сходств и различий КД в рассматриваемых языках, а также определения особенностей функционирования КД в разных функциональных стилях.

Целью данной статьи является определение и сопоставление структурных и семантических характеристик КД *с устрaненнoм субъектoм* в публицистических текстах на английском и белорусском языке. Реализация указанной цели потребовала решения следующих **задач**: 1) определение синтаксических характеристик КД *с устрaненнoм субъектoм* в английском и белорусском языках; 2) выявление корреляций между типом синтаксической структуры КД и представленной в нем разновидностью субъекта; 3) установление взаимосвязи между типом референции субъекта и типом семантического субъекта КД.

Анализ фактического материала (по 2000 высказываний, содержащих КД, отобранных методом сплошной выборки из англо- и белорусскоязычных публицистических текстов) показал, что КД *с устрaненнoм субъектoм* в исследуемых языках представлены конструкциями, образованными в результате номинализации глагольного предиката, а также пассивными,

безличными и неопределенно-личными (в белорусском языке) конструкциями, причем частотность таких КД в англо- и белорусскоязычной публицистике различна (таблица).

Т а б л и ц а

Конструкция деавторизации с устраненным субъектом в публицистике

	Вид КД с устраненным субъектом	Количество в англоязычной публицистике, %	Количество в белорусскоязычной публицистике, %
1	Номинализованные КД	18,9	11,7
2	Пассивные КД	48,3	21,3
3	Безличные КД	32,8	45,7
4	Неопределенно-личные КД	-	21,3
5	Итого	100	100

1. Номинализованные КД.

Как видно из таблицы, частотность номинализованных КД в англоязычной и белорусскоязычной прессе относительно невысока: на их долю приходится 18,9 % и 11,7 % всех КД с устраненным субъектом соответственно. Тем не менее они достаточно интересны в семантическом отношении.

Как известно, семантическим итогом использования номинализованных конструкций является исчезновение субъекта [10, с. 40; 8, с. 93], в силу чего в высказывании «звучит голос без имени», имеет место «процесс без субъекта» [11, с. 83]; поскольку такие конструкции позволяют не упоминать в тексте важные аспекты описываемой ситуации – актантов ситуации [12, с. 130], они страдают некоторой неясностью [13, с. 286].

В большинстве случаев в таких конструкциях как в англо-, так и в белорусскоязычных публицистических текстах представлен **неопределенный** субъект. Это может быть:

- субъект речи:

(1) *Wilder **talk suggested** that it was not ill health but rumours of the alleged insubordination of his son, Bandar, that seemed to threaten Sultan's accession;*

- субъект мысли:

(2) *Напрыклад, **распаўсюджана думка** пра тое, што Іван – імя славянскае, хаця гэта зусім не так;*

- субъект оценки:

(3) *A common **estimate** of the total number of illegals in the United States is 11m – roughly the population of Ohio;*

- субъект восприятия:

(4) *Падчас знаёмства са шматлікімі кантэкстамі ўжывання тых ці іншых лікаў **складваецца ўражанне**, што асноўны водападзел праходзіць па мяжы цотнасці і няцотнасці.*

Несколько иная картина наблюдается в высказываниях с номинализованными КД, где номинация семантического субъекта занимает позицию либо обстоятельственного детерминанта места (5, 7), т.е. в качестве «заместителя названия субъекта выступает форма “in/y/ŷ + суц./предл. п.”, обозначающая среду, коллектив» [1, с. 266], либо дополнения в родительном падеже (6, 8). В таком случае субъект является **обобщенным** и означает:

- участников некоторой сферы деятельности:

(5) *He has already suffered a string of nerve-testing weeks, during which **rumours have spread in the German media** that he would be ousted as head of the sports carmaker;*

- жителей страны/стран:

(6) *This utilitarian **view of the EU** is nevertheless tinged with a genuine idealism that inhibits Italy from playing rough;*

- членов общества:

(7) *Але і зараз у грамадстве існуе старое **разуменне** рэлігіі.*

- социальную (профессиональную и т.д.) группу:

(8) *У навучэнцаў і педагогаў у першую чаргу **сфарміравалася разуменне** таго, што ад кожнага з нас залежыць энергетычная бяспека дзяржавы.*

Интересно, что в данном типе КД и в англо-, и в белорусскоязычной публицистике наиболее широко представлены субъект речи и субъект мысли (в конструкциях с неопределенным субъектом), и субъект мысли (в конструкциях с обобщенным субъектом), в то время как субъект оценки и субъект восприятия используется гораздо реже.

2. П а с с и в н ы е КД.

Данный тип КД используется в англо- и белорусскоязычной публицистике довольно широко: его частотность составляет 48,3 % и 21,3 % отобранных КД с устраненным субъектом соответственно. При этом в публицистических текстах на английском языке это самая распространенная КД с устраненным субъектом, в то время как в белорусскоязычных публицистических текстах данный тип КД по частотности уступает безличным КД и имеет равную степень представленности с неопределенноличными КД.

Как и в случае с номинализованными КД, в англо- и белорусскоязычной прессе, в пассивных КД, в которых «отсутствует всякое, эксплицитное и имплицитное, указание на субъект» [14, с. 67], в большинстве случаев семантический субъект является неопределенным и может быть

- субъектом оценки:

(9) *So it is particularly interesting to see that on a burger basis the euro **is still overvalued** when compared with many other rich-world currencies;*

- субъектом речи:

(10) *Амаль адразу пасля трагедыі **быў названы** верагодны віноўнік – Паўночная Карэя;*

- субъектом восприятия:

(11) *Нізкая наведвальнасць кінаатраў назіралася на працягу пост-савецкіх гадоў – з 1995 па 2005 год;*

- субъектом мысли:

(12) *Business leaders, like politicians, **are meant to be** examples to the people they lead.*

В английском языке такие КД могут быть представлены в виде пассивно-усложненного сказуемого и использоваться с тремя типами семантического субъекта, а именно субъектом мысли (12), субъектом оценки (13): *It already has the highest debt-to-GDP ratio of any rich nation, approaching 200 % of GDP (see chart on previous page), and this **is estimated to reach** 250 % by 2014;* или субъектом речи: (14) *This year's flood level **is said to be** short of what it reached in 1998.* Интересно, что хотя сам оборот «сложное подлежащее» предполагает использование глаголов чувственного восприятия и соответственно субъекта восприятия, в англоязычной прессе в пассивно-усложненных КД субъект восприятия не встречается. Глаголы типа *perceive*, *see* употребляются в таких конструкциях в оценочном значении, причем субъект оценки является неопределенным: (15) *There would be hellish choices about which banks **are perceived** to be too big to fail, and whether lower-risk retail banks should be charged less.* Иногда в КД данного типа номинация семантического субъекта происходит косвенно, т.е. в высказывании содержится указание на обобщенный субъект КД, который занимает позицию обстоятельственного детерминанта места. В таком случае обобщенный субъект пассивной КД может быть представлен двумя разновидностями семантического субъекта

- субъектом речи:

(16) *Tesco PLC, the country's biggest retailer by market share, also said it would back any government move to set minimum prices on beer, wine, alcoholic cider and spirits – a measure that **has been much-debated** in the U.K. but not explicitly proposed by the country's new coalition government;*

- субъектом оценки:

(17) *Yet this is not how things **are seen** in France;*

(18) *І калі раней разводы ў японскім грамадстве лічыліся ганьбай, то цяпер у Токіа нават існуе адмысловае агенцтва, якое арганізоўвае ўрачыстыя цырымоніі з нагоды расстання былых сужэнцаў і іх уваходжання ў новае жыццё.*

Таким образом, если неопределенный субъект пассивной КД и в англо-, и в белорусскоязычной публицистике представлен разными семантическими разновидностями, то в конструкциях с обобщенным субъектом обычно представлен субъект оценки.

3. Б е з л и ч н ы е КД.

Данный тип КД употребляется с глаголами, наречиями, именами существительными, именами прилагательными и краткими страдательными причастиями информационной семантики.

Одним из главных отличий английского безличного предложения от белорусского является то, что в его синтаксической структуре подлежащее всегда выражено формальными *it* или *there*, которые, как отмечает ряд исследователей, не вносят никакого семантического вклада в предложение, в котором они употреблены, являясь фиктивным, семантически пустым [15, с. 55–57], эксплетивным, имперсональным субъектом [16, с. 36]. Такое языковое различие отчасти объясняет разную представленность безличных КД в публицистических текстах на английском и белорусском языке. Необходимость употребления формального субъекта в высказывании на английском языке обуславливает относительную редкость использования безличной КД в англоязычной публицистике, на долю которой приходится 32,8 % всех КД с устраненным субъектом, по сравнению с белорусскоязычной прессой, где аналогичный показатель составляет 45,7 %.

Общими для английского и белорусского языков являются безличные КД, которые включают в свой состав глаголы речи, мысли, восприятия (в конструкциях типа *it was announced, it is thought, there seems / наведамляецца, мяркуецца, адчуваецца*).

В то же время только в публицистических текстах на белорусском языке употребляются безличные КД, содержащие

- предикативные наречия (*вядома, агульнавядома* и т.п.);
- краткие страдательные причастия (*устаноўлена, вызначана, даказана, заўважана* и т.п.).

Только в англоязычной публицистике представлены безличные КД, включающие

- имена существительные информационной семантики (в конструкциях типа *there is talk, it was common knowledge*);
- имена прилагательные (*clear, obvious* в конструкциях типа *it was clear*);
- глагол информационной семантики *seem* в составе оборота Complex Subject (в конструкциях типа *shareholders seem to have*):

(19) *The big banks seem to think that the provisioning cycle for bad debts overall is at or near a peak*; (20) *The strategy seems to be working*.

Глагол *seem* в составе такого оборота употребляется в активном залоге (в то время как большинство глаголов этого оборота используются в пассивной форме), а высказывания с таким оборотом передаются на белорусский язык сложноподчиненными предложениями, главная часть которых становится безличной КД: (19а) *Здаецца, крупныя банкі лічаць, што працэдура стварэння рэзерваў на пакрыццё ўсіх доўгатэрміновых абавязкаў дасягнула ці наблізілася да сваёй мяжы*; (20а) *Здаецца, гэтая стратэгія працуе*. Кроме того, такие высказывания воспринимаются читателем под влиянием семантики самого глагола *seem* 'казаться', поэтому создается впечатление, что говорящий сам не очень уверен в том, что он сообщает (кому кажется? и почему только кажется?).

Как в английском, так и в белорусском языке в состав сложного предложения могут входить все рассмотренные безличные КД, в то время как в состав простого предложения входят лишь КД с глаголами речи, мысли, восприятия и именами существительными информационной семантики (в английском языке). Кроме того, безличные КД могут быть представлены – хотя реже – как вводные конструкции (с союзом *as/як* без союза).

В англоязычной публицистике наиболее широко представлены безличные КД с глаголом *seem* (как в составе оборота «сложное подлежащее»: (21) *A cooperative trade network seems to have turned into something more like colonialism*; так и употребленным с формальным *it/there*: (22) *To take just one example, it seems that Europe had a period of rapid warming in the 1730s similar to today*), на долю которых приходится 45,8 % всех безличных КД в английском языке. В публицистических текстах на белорусском языке наиболее частотны два типа безличных КД: с наречием *вядома/агульнавядома* и с формами глагола *лічыць* (*лічыцца, лічылася, прынята лічыць*), процентное содержание которых составляет 45,2 % всех безличных КД, причем на долю первых приходится 31,9 %, а вторых – 13,3 %: (23) *Агульнавядома, што многія сабакі, якія жывуць у сем'ях еўрапейцаў і амерыканцаў, таксама як і іх гаспадары, церпяць ад атлусцення*; (24) *Лічыцца, што сапраўдны васабі забівае мікробаў у сырой рыбе*.

Наиболее распространенным типом субъекта безличной КД в англоязычной прессе является субъект восприятия, а в белорусскоязычной прессе – субъект речи и мысли (субъект оценки в безличных КД не зафиксирован). Кроме того, в безличных КД в англо- и белорусскоязычной публицистике используется только неопределенный субъект.

4. Н е о п р е д е л е н н о - л и ч н ы е К Д .

Данный тип КД с устраненным субъектом свойственен только белорусскому языку и отсутствует в английском. В неопределенно-личных конструкциях, как отмечают лингвисты, значение субъекта затушевывается [7, с. 9–10], поскольку субъект не обозначен, намеренно устранен [17, с. 72], при этом он не случайно недосказан, намеренно представлен как неизвестный, неопределенный [18, с. 371], [19, с. 19]. Неопределенно-личные КД используются с глаголами речи, мысли, оценки и достаточно широко представлены в белорусскоязычной публицистике: их число составляет 21,3 % от всех КД с устраненным субъектом. Самой частотной неопределенно-личной КД является уже ставшая клишированной конструкция (*як*) *кажуць/казалі*, на долю которой приходится 28 % отобранных нами неопределенно-личных КД.

В белорусскоязычной прессе используются неопределенно-личные КД, которые могут входить в состав простого (25, 28), сложного предложения (26) или вводной конструкции (27), с неопределенным семантическим субъектом двух основных разновидностей

- субъектом речи:

(25) *Сярод магчымых вынікаў зніжэння рэйтынгу **назваюць** вялікі знешні доўг ЗША, высокі ўзровень беспрацоўя, які набліжаецца да 10 %, а таксама рэформу аховы здароўя, якую пакуль не атрымалася ажыццявіць;*

(26) ***Кажуць**, што перамены ў бізнес-клімаце адбываюцца ва ўсім свеце;*

(27) *Адзіны шлях, **кажуць**, – браць ільготны крэдыт пад 5 % і будавацца;*

- и субъектом оценки:

(28) *Увогуле Муай Тай **лічылі** адным з самых жорсткіх баявых мастацтваў.*

Как и в случае с пассивными КД, субъект неопределенно-личной КД может быть обобщенным, занимая позицию обстоятельственного детерминанта места. В таком случае степень деавторизации в высказываниях разная, и семантический субъект может обозначать

- население достаточно широкого географического региона:

(29) *На Усходзе **лічылі**, што кава весяліць сэрца, паскарае думкі, дапамагае ад многіх хваробаў;*

- жителей страны/стран:

(30) *У Аргенціне **лічаць**, што няма падстаў верыць васьміногу больш, чым сабаку, але калі ўжо ў такіх пытаннях спадзявацца на "прадказанні", зробленыя жывёламі, то сама меней выходзіць нічыя;*

- жителей города/городов:

(31) *У Наваполацку, да слова, адразу **ацанілі** перавагі адкрыцця ў горадзе Інфармацыйнага цэнтра;*

- представителей социальных институтов, коллектив нескольких учреждений:

(32) *У прыёмных камісіях з жалем **канстатуюць**, што абітурыенты ўсё часцей выбіраюць не будучую прафесію, не канкрэтную ВНУ, а арыентуюцца на прахадны бал і нават не могуць сфармуляваць свае прафесійныя намеры.*

Самыми распространенными типами семантического субъекта в рассматриваемых конструкциях является субъект речи (для КД с неопределенным субъектом) и субъект мысли (для КД с обобщенным субъектом).

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

1. Частотность синтаксических разновидностей КД с устраненным субъектом в англо- и белорусскоязычной публицистике заметно различается: в англоязычной прессе доминируют пассивные КД, в белорусскоязычной – безличные. Кроме того, частотность употребления КД с устраненным субъектом в белорусскоязычной публицистике значительно выше (47 % всех КД), чем в англоязычной прессе (29 %).

2. Между синтаксическим типом КД и типом субъекта наблюдаются определенные корреляции: если в номинализованных, пассивных, неопределенно-личных (в белорусском языке) КД субъект может быть неопределенным и обобщенным, то в безличной КД представлен только неопределенный субъект.

3. Существует четкая взаимосвязь между типом референции субъекта и его семантическими характеристиками: так, наиболее распространенным типом обобщенного нереферентного субъекта является субъект мысли, который преобладает в номинализованных и неопределенно-личных КД, и субъект оценки, доминирующий в пассивных КД. В отношении неопределенного нереферентного субъекта картина более пестрая: для пассивных КД характерно использование всех типов субъекта, для номинализованных – субъекта речи и мысли, для неопределенно-личных – субъекта речи, а для безличных КД – в английском языке субъекта восприятия, в белорусском языке – субъекта речи и мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Золотова, Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 351 с.
2. *Иванова, Г.Н.* Авторизация и способы ее выражения в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Г.Н. Иванова ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. – Л., 1981. – 18 с.
3. *Лилова, Г.Г.* Авторизация и способы ее выражения посредством глагольных предикатов в предложениях русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Г.Г. Лилова ; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1989. – 19 с.
4. *Ильичева, Н.В.* Предложения с генерализованным субъектом: формальный и функциональный аспекты : На материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.В. Ильичева ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2007. – 19 с.
5. *Имеретинская, Н.Д.* Неопределенные субъекты в семантической структуре текста: На материале немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.Д. Имеретинская ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2002. – 17 с.
6. *Кормилицына, М.А.* Семантически осложненное (полипрозитивное) простое предложение в устной речи / М.А. Кормилицына ; под ред. О.Б. Сиротининой. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 152 с.
7. *Линева, Е.А.* Структура и семантика неопределенно-личных предложений с локативным детерминантом : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.А. Линева ; Моск. гос. обл. пед. ин-т. – М., 2007. – 22 с.
8. *Арутюнова, Н.Д.* Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – 5-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 384 с.
9. *Падучева, Е.В.* О семантике синтаксиса: материалы к трансформационной грамматике русского языка / Е.В. Падучева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : КомКнига, 2007. – 296 с.
10. *Степанов, Ю.С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века : сб. ст. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 35–73.

11. О языке власти: критический анализ / П. Сериио // Философия языка: в границах и вне границ / Ю.С. Степанов [и др.]. – Харьков : ОКО, 1993. – С. 83–100.
12. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие / А.Н. Баранов. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 592 с.
13. Розенталь, Д.Э. Практическая стилистика русского языка / Д.Э. Розенталь. – 4-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1977. – 316 с.
14. Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – 4-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 208 с.
15. Breivik, L.E. Existential It Revisited / L.E. Breivik ; ed. G. Bergh, J. Herriman, M. Mobärg // An International Master of Syntax and Semantics. – Göteborg : Acta Univ. Gothoburgensis, 2004. – P. 51–58.
16. Kaltenböck, G. It-extraposition and non-extraposition in English / G. Kaltenböck. – Wien : Braumüller, 2004. – 324 p. (A study of syntax in spoken and written texts).
17. Современный русский язык : учебник для вузов : в 2 ч. / В.П. Вомперский [и др.] ; под ред. Д.Э. Розенталя. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1979. – Ч. 2. Синтаксис. – 256 с.
18. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – 8-е изд., доп. – М. : Языки слав. культуры, 2001. – 544 с.
19. Сабитова, З.К. Категория определенности/неопределенности предложения (сравнительно-историческое исследование) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / З.К. Сабитова ; Казах. гос. нац. ун-т им. аль-Фараби. – Алматы, 1999. – 51 с.

In the result of the conducted analysis syntactical characteristics of deauthorization structures with eliminated subject in English and Belarusian are defined, correlations between the syntactic type of deauthorization structures and its subject type are specified, and interrelation between subject reference type and semantic subject type of deauthorization structures is stated.

Поступила в редакцию 03.01.11

А.А. Кирюшкина

КУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ

Данная статья представляет собой попытку выявить лингвокультурную специфику концепта, репрезентируемого в русском языке лексемой *любовь*, а во французском лексемой *amour*, поскольку такая эмоциональная универсалия как любовь, являясь неотъемлемым компонентом духовной культуры человека вообще, проявляет определенную специфику запечатленных в разных языках представлений о ней. Автор

приходит к выводу, что в сопоставляемых языках изучаемые концепты сгруппированы по разным признакам. Кроме того, лексема *amour* способна представлять в речи концепты, воспринимаемые как разные носителями русской лингвокультуры.

С антропоцентрической точки зрения, *человек*, использующий систему языка, сводится к понятию *говорящий субъект*: акцентируется его роль как главного действующего лица мира, о котором он говорит. При этом каждый естественный язык отражает способ восприятия и устройства мира, или языковую картину мира. Как следствие, всякая *языковая личность*, участвующая в процессе коммуникации, обладает набором признаков, маркирующих ее определенным образом. Иными словами, у говорящих языковых личностей – представителей разных культур – существуют различные «ментальные схемы». С точки зрения психологов, культуроносным является каждое слово, участвующее в процессе межкультурного общения, поскольку восприятие коммуникантами обозначенного этим словом объекта основывается на разных ассоциациях.

Одной из наиболее сложных областей описания лингвокультурной специфики того или иного народа является сфера *эмоций*. Будучи неотъемлемой частью речевой деятельности и человека в целом, э м о ц и и являются в то же время и одной из важнейших характеристик последнего, ибо через языковое выражение эмоций познается и сам человек как *языковая личность*.

Специфика эмоций, по определению В.В. Шаховского, заключается в том, что они одновременно являются и объектом отражения в языке, и средством отражения самих себя и других объектов действительности, а также в том, что их невозможно отделить от отражающего субъекта. С.Л. Рубинштейн отмечает, что чувства человека отражают строение его личности, выявляя ее направленность, ее установки; что оставляет человека равнодушным и что затрагивает его чувства, что его радует и что печалит, обычно ярче всего выявляет – а иногда выдает – истинное его существо.

Для лингвиста интересны языковые средства, используемые при выражении чувств говорящего и воздействующие на эмоциональную сферу слушающего, а также эмоциональные фрагменты языковой картины мира разных культур.

Представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде, и человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Совокупность представлений о мире, заложенных в значения разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов, или предписаний, и принимается в качестве обязательной носителями языка.

Владение языком предполагает концептуализацию мира. При этом конфигурации идей, содержащихся в значении слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, и у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. Но при сопоставлении

разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними.

Анна Зализняк анализирует концепт специфически русского чувства *обиды*, отмечая отсутствие точного эквивалента этому слову в таких языках как английский, французский и немецкий. Действительно, такие слова, как английские *to offend, offense*, французские *offenser, offense*, немецкие *beleidigen, Beleidigung*, приводимые в словарях в качестве перевода слов *обидеть, обида*, на самом деле имеют значение, соответствующее русскому ‘оскорбить’, ‘оскорбление’, т.е. заключают в себе иной концепт.

Е.В. Димитрова на примере другого типично русского концепта “тоска” убедительно доказала, что он не имеет абсолютных эквивалентов во французской лингвокультуре. Его эмотивные смыслы транслируются посредством частичных эквивалентов, только в своей совокупности способных к репрезентации смыслового потенциала русского концепта «тоска» и его эмоциональной составляющей.

Вл. Набоков отмечает, что, как и в случае со словом-концептом “тоска”, русское слово-концепт “пошлость” имеет множество смысловых оттенков, которые рассыпаны в ряде английских слов и не составляют определенного целого.

Эмоции накладывают свой неизгладимый отпечаток на все результаты человеческой деятельности. А поскольку язык эти результаты облекает в свои формы, то он включает в них и эмоциональный отпечаток, который национально специфичен, оригинален.

Объектом нашего интереса стала такая эмоциональная универсалия, как *любовь*, которая, являясь неотъемлемым компонентом духовной культуры человека вообще, проявляет определенную специфику запечатленных в разных языках представлений о ней, так как «некие общечеловеческие (если не универсальные) концепты по-разному группируются и по-разному вербализуются в разных языках в тесной зависимости от собственно лингвистических, прагматических и культурологических факторов, а, следовательно, и фиксируются в разных значениях» [1, с. 84].

Сопоставляя набор признаков концепта, обозначенного в русском языке лексемой *любовь*, а во французском языке лексемой *amour*, мы обнаружили следующие различия.

В русском языке лексема *любовь* имеет семему ‘любовь-болезнь’, не отмеченную у лексемы *amour* (*Страдать, сохнуть, умирать по кому-либо от любви. То, что мы называем любовью, простолюдин называет порчей, сухотой* (В. Даль). *От любви твоей загадочной, // Как от боли, в крик кричу, // Стала желтой и припадочной, // Еле ноги волочу* (А. Ахматова).

Концептуальный признак ‘преданность’, свойственный концепту “любовь” не выражен у концепта “*amour*”. Он не фигурирует ни в качестве семы языкового знака, ни в качестве синонима, как это имеет место в русском языке.

Кроме того, только в русском языке существует противопоставление *любовь – влюбленность*. Согласно определению О.М. Воеводской,

объединение лексем, их словоформ и дериватов входит в лексико-грамматическое поле лексемы, репрезентирующей концепт [2, с. 111]. На наш взгляд лексемы *любовь* и *влюбленность* представляют два разных концепта.

Попытаемся обосновать нашу точку зрения. Анализ словарных дефиниций показал, что лексема *влюбленность* среди своих смысловых составляющих не содержит сем 'преданность' и 'глубина чувства'. Однако семантическое пространство языка – это только часть концептосферы, получившей выражение с помощью языковых знаков. Поскольку «мир мыслей никогда не находит полного выражения в языковой системе» [3, с. 58], совокупность признаков, полученная из семантического анализа языковых знаков, объективирующих концепт, не представляет содержания концепта полностью. Для описания последнего нами был проведен эксперимент. Носителям русского языка, семидесяти молодым людям в возрасте от 19 до 23 лет, было предложено описать свой чувственный образ, связанный со словами *любовь* и *влюбленность*. Признак засчитывался, если его отметило более половины опрошенных.

В первом случае были выявлены признаки:

- 1) уникальность человека, выбранного объектом любви и, как следствие, готовность мириться с возможными недостатками, полное принятие (незаменимость, один раз в жизни, забота, терпение, жертва, прощение);
- 2) значимость человека, выбранного объектом любви (боязнь потерять, невозможность жить без него/нее, смысл жизни);
- 3) готовность видеть его спутником жизни (семья, брак, дети);
- 4) длительный и неизменный характер отношений (до конца жизни, вечно, навсегда, до старости, устойчивость, постоянно);
- 5) исключительная близость (единое целое, половинка, взаимопонимание);
- 6) наличие доверительных отношений (доверие, уверенность, верность, постоянство, преданность);
- 7) основательный характер (уважение, защищенность, надежность);
- 8) противопоставление концепту "ненависть".

Для чувственного образа, связанного со словом *влюбленность* характерны следующие признаки:

- 1) периодичность и повторяемость данного состояния (часто, периодически, иногда, частота, в очередной раз, очередное свидание);
- 2) недолговечность (недолговременно, кратковременно, мгновение, мимолетно, временно, недолго);
- 3) неглубокие отношения (легкость, легкомысленность, несерьезно, игра, хорошее времяпрепровождение, дискотека, внешность);
- 4) непрочность (нестабильность, непостоянство, неуверенность, наверное, несерьезность);
- 5) преходящий характер (расставаться, находить, новые ощущения, сейчас, мимолетно, кажется, что навсегда);
- 6) выраженные сопутствующие физические ощущения и состояния (состояние невесомости, полет, летать, учащенное сердцебиение, взыграли

гормоны, искрящиеся глаза, дрожь, страх, взбудораженность, худеть, улыбка без причины, качели, прыжок с парашютом, перепады настроения, хорошее настроение, розовый цвет);

7) опрометчивость (делать глупости, бесшабашные поступки, безрассудство, иллюзии, идеализировать, разочарование);

8) неожиданность (хаос, вспышка, сюрприз, спонтанность);

9) не предполагает исключительности человека, выбранного объектом (сравнивать, раньше, другие).

Как видим, описываются два разных образа, каждый со своими признаками, т.е. два разных концепта. Выделенные признаки пронумерованы только для большей наглядности, и не могут быть упорядочены, поскольку постоянно «перетекают и переливаются внутри концепта» [3, с. 75]. Отсутствие подобной оппозиции во французском языке доказывает, что носители французской лингвокультуры репрезентируют концепт «amour» иначе.

Общеизвестно, что эмоционально-оценочная лексика тесно связана с национальным сознанием, с разного рода национальными факторами, национальной культурой, традициями, обычаями и т.п. Язык является средством накопления социального опыта, а эмоции представляют собой часть этого опыта. Иначе говоря, эмоциональный концепт культурно обусловлен.

Можно предположить, что для французов, о которых принято говорить, что они влюбчивы и легкомысленны [4, с. 91], более значимым является сама возможность получения удовольствия, положительных эмоций от взаимоотношений любого рода. Тогда как носителям русского языка свойственно пристальное внимание к нюансам человеческих отношений, являющееся одним из ключевых сквозных мотивов русской языковой картины мира [5, с. 16]. Как результат, русское языковое сознание продемонстрировало бóльшую дифференциацию в лексикализации рассматриваемого эмоционального концепта, бóльшую нюансированность в концептуализации эмоций. Приведем пример того, как французский язык прибегает к одинаковой лексической объективации разных с точки зрения носителей русского языка концептов.

Je ne sais pas si c'était de l'amour que j'avais pour lui en ce moment – j'ai toujours été inconstante et je ne tiens pas à me croire autre que je ne suis – mais en ce moment je l'aimais plus que moi-même, j'aurais donné ma vie pour lui [S., p. 86]. – *Не знаю, было ли мое чувство к нему в эту минуту любовью, – я всегда была непостоянной и не хочу прикидываться другой. Но в эту минуту я любила его больше, чем себя самое, я могла бы отдать за него жизнь* [С., с. 2].

Je lui devais donc mes premières élégances et mes premières amours et lui en avais beaucoup de reconnaissance [S., p. 78]. – *Словом, ей я была обязана первыми элегантными нарядами и первой влюбленностью и была преисполнена благодарности к ней* [С., с. 96].

Показательным является и еще одно выявленное расхождение в сфере языкового представления все тех же любовных отношений. В русском языке слова *влюбленный* и *любовник* представляют два совершенно разных типа

взаимоотношений, д в е разных м о д е л и поведения. Если в *первом* случае налицо положительно оцениваемая идея человека очарованного, всецело увлеченного, испытывающего любовное влечение, то *второе* является носителем негативной коннотации, поскольку предполагает в первую очередь плотские, физические отношения, необязательно сопровождаемые отношениями личностными и не одобряемые окружающими. Эти коннотации нашли подтверждение и в данных ассоциативных словарей. При чем далеко не всегда *влюбленный* будет являться *любовником* для объекта своих чувств, равно как и *любовник* совсем необязательно будет *влюбленным*.

Однако при наличии отдельных лексем для обозначения и того, и другого французский язык допускает использование одного и того же языкового знака для их представления.

Погоди... зайдем в этот дворик и условимся, а то я боюсь, что кто-нибудь из знакомых увидит меня и потом скажут, что я была с любовником на улице [Б., с. 477]. – *Attends ... entrons dans cette cour pour réfléchir, sinon, j'ai peur que quelqu'un de connaissance ne me voie et n'aille ensuite raconter à mon mari que je me promène dans la rue avec un amoureux* [В., р. 503].

Человек спереди мгновенно выхватил из рук Иуды кошель. И в тот же миг за спиной Иуды взлетел нож, как молния, и ударил влюбленного под лопатку [Б., с. 479]. – *Le premier des deux hommes arracha aussitôt la bourse des mains de Judas. Au même instant, dans son dos, un couteau fendit l'air et se planta sous l'omoplate de l'amoureux* [В., р. 506].

Как видим, одно и то же слово может в разных коммуникативных условиях репрезентировать, представлять в речи разные признаки концепта и даже концепты, воспринимаемые как разные носителями другой лингвокультуры – в зависимости от коммуникативных потребностей, объема, количества и качества информации, которую говорящий хочет передать в своем коммуникативном акте.

Данное положение вещей осложняется еще и тем, что никакое общение без эмоций практически невозможно. Если эмоции могут быть вызваны не только взаимодействием с другими людьми, то коммуникация неразрывно связана с эмоциональными переживаниями. Однако их репрезентация и интерпретация варьируются в разных лингвокультурах и потому заслуживают изучения и осмысления. В процессе коммуникации общающиеся должны владеть хотя бы базовыми знаниями об эмоциональных культурных концептах речевого партнера. Проникновение в концептосферу позволяет лучше осмысливать миропонимание и поведение людей, раскрывает универсальные черты, присущие концептосферам всех народов и национально-специфические черты концептосфер. За пределами родной культуры этим знаниям языковых личностей надо обучать специально как внешним знаниям. Решение этой задачи, по-видимому, требует разработки соответствующих учебных пособий или спецкурсов, ориентированных на подготовку к межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кубрякова, Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова. – М. : МГУ, 1997. – 245 с.
2. *Воевудская, О.М.* Лексико-грамматическое поле концепта / О.М. Воевудская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 111–113.
3. *Попова, З.Д.* Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2003. – 193 с.
4. *Николаева, Ю.В.* Исторические корни национальных стереотипов / Ю.В. Николаева // Русская и европейская философия: пути схождения : сб. материалов конф. – СПб. : Науч.-издат. центр «Кафедра», 1997. – С. 94–105.
5. *Зализняк, А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. Зализняк, И. Левонтина, А. Шмелев // Отечеств. записки. – 2002. – № 3. – С. 12–24.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- S. – *Sagan, F.* Bonjour, tristesse / F. Sagan. – P. : Julliard, 1969. – 135 p.
- C. – *Саган, Ф.* Пруд одиночества: повести и рассказы / Ф. Саган. – Вильнюс : Полина, 1993. – 327 с.
- Б. – *Булгаков, М.* Избранные произведения / М. Булгаков. – Минск : Мастац. літ., 1990. – 540 с.
- В. – *Boulgakov, M.* Le maître et Marguerite / M. Boulgakov. – P. : Éd. du groupe «Ebooks libres et gratuits», 1989. – 631 p.

The sphere of feelings and emotions is generally recognized as one of the most difficult areas in the description of linguistic and cultural specificity of this or that people. Having made an attempt to reveal the linguistic and cultural specificity of a concept represented in Russian by a lexeme *любовь*, and in French by a lexeme *amour*, the author comes to the conclusion, that in compared languages the studied concepts are grouped according to different criteria. Besides, the lexeme *amour* is capable to represent in speech the concepts which are perceived as different by the native speakers of Russian linguistic culture.

Поступила в редакцию 20.12.10

А.И. Смирнов

БАЗОВЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ ДИСКУРСА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Дискурс глобализации следует понимать как разновидность идеологического дискурса неолиберализма, описывающего ситуации политического взаимодействия в терминах экономического дискурса. В статье рассматриваются лингвистические способы актуализации семантических компонентов естественности, объективности и желательности в лексических маркерах дискурса глобализации. Выявление семантических

признаков, характерных лексическим единицам исследуемого дискурса, позволяет сделать заключение об отражении социальной действительности как независимой от воли реальных агентов политических и экономических отношений.

Лингвистические исследования на современном этапе проводятся преимущественно в дискурсивно-когнитивной парадигме. Основные задачи, решаемые лингвистами в рамках данной парадигмы, касаются вопросов категоризации, хранения и использования знаний, смыслопорождения. При этом анализ языковых единиц производится с учетом экстралингвистических факторов, включая социальную обусловленность и антропоцентризм когнитивно-коммуникативной деятельности человека. На сегодняшний день в области дискурс-анализа имеется значительное число работ по изучению как дискурса в целом (Т.А. ван Дейк, В.И. Карасик, М.Л. Макаров, В.Е. Чернявская и др.), так и отдельных типов дискурса (политический дискурс – Н. Фэрклоу, Е.И. Шейгал, О.Л. Михалева, А.Н. Баранов, И.Ф. Ухванова-Шмыгова; военно-политический дискурс – С.Е. Кунцевич; научный дискурс – Т.П. Карпилович; экономический дискурс – Е.В. Лавренко и др.). Языковые характеристики и функционирование идеологического дискурса рассматриваются в работах таких известных лингвистов критического направления, как Н. Фэрклоу и Р. Водак. Однако наиболее последовательно и глубоко указанная сфера к настоящему времени разработана нидерландским исследователем Т.А. ван Дейком, который многие годы занимался анализом особенностей дискурса расизма [1; 2; 3; 4]. Ввиду устойчивого интереса к изучению идеологического дискурса перспективным остается выявление лексических средств выражения идеологически заданных смыслов.

Объектом настоящего исследования является идеологический *дискурс глобализации*, рассмотренный на материале 85 аналитических статей ведущих СМИ Великобритании и США за период с 2004 по 2010 годы включительно. Исходя из определения *идеологии*, данного В.Л. Акуловым [5, с. 143], под *идеологическим дискурсом* мы понимаем языковое воплощение идеологических взглядов, ценностей и ценностных ориентаций в текстах, связанных едиными базовыми понятиями и отражающих окружающую действительность в соответствии с коренными, фундаментальными интересами определенной социальной общности. Поскольку идеологические взгляды и убеждения касаются в первую очередь социального взаимодействия в сфере политики, идеологический дискурс напрямую связан с политическим дискурсом и глубоко проникает в него [2, р. 135]. Дискурс глобализации является разновидностью идеологического дискурса *неолиберализма*¹, на что указывает наличие

---

¹ Идеология *неолиберализма* рассматривает *свободный рынок* и *неограниченную конкуренцию* как основное средство обеспечения прогресса и достижения социальной справедливости, возможных прежде всего на основе экономического роста, который измеряется валовым внутренним продуктом. Социальная концепция неолиберализма основана на рыночной интерпретации всех типов общественных связей: каждый человек рассматривается как свободный предприниматель, организующий собственную жизнь как предприятие, а каждое социальное взаимодействие – как контракт (акт купли-продажи) [6].

в данных дискурсах общих лексических маркеров. Примечательной особенностью дискурса глобализации является то, что в нем ситуации политического взаимодействия описываются в терминах экономического дискурса [7]. В лексико-семантическом плане дискурс глобализации выстраивается вокруг доминантного понятия *globalization* в сочетании с маркерами неолиберального дискурса, обозначающими понятия, относящиеся к сфере экономики (*liberalization, privatization, deregulation, free market, company, profit, inflation*) и политики (*citizens, government, the Democratic Party, terrorists, the USA*). Сфера референции данных маркеров зачастую уточняется атрибутами типа *international, transnational, global*. В аналитических статьях СМИ Великобритании и США дискурс глобализации представлен корпусом текстов, тематически объединенных вокруг процесса, именуемого *globalization*.

Идеологически маркированные элементы дискурса могут быть выделены на всех уровнях языка [4, p. 32]. Вместе с тем, как отмечает Т.А. ван Дейк, особую важность в изучении семантики идеологического дискурса приобретает анализ лексических единиц. Это связано прежде всего с тем, что идеологический характер дискурса наиболее очевидным образом проявляется через отбор лексем, высвечивающих необходимые значения слов, которые, в свою очередь, способствуют выражению определенного отношения к явлениям действительности [1, p. 259]. Семантический анализ вышеперечисленных маркеров дискурса глобализации путем выделения компонентов их лексических значений либо на основании изучения мотивировочных признаков самих лексических единиц не способен дать четкого представления об идеологическом потенциале рассматриваемого дискурса. Лексико-семантические поля дискурса глобализации в силу его идеологического характера недостаточно устойчивы и не в полной мере регламентированы, поскольку сам дискурс глобализации возник 20–30 лет назад.

Явления и отношения, описываемые дискурсом глобализации – довольно сложные предметные области, что обуславливает абстрактность и размытость семантики обозначающих эти области лексических единиц. Многие лексемы, относящиеся к данному дискурсу, не имеют единого определения в словарных статьях. Эта особенность свидетельствует о нестабильности и динамичности семантической структуры лексических единиц, а следовательно, об отсутствии общепринятого научного взгляда относительно содержания и объема выражаемых ими понятий. З.А. Харитончик по этому поводу отмечает: «Динамическую орбиту семантического ядра значения составляют актуализируемые в разных контекстах его модифицирующие и оценочные семантические компоненты, обуславливающие диффузность и изменчивость лексического значения <...> Неразрывная связь с концептом детерминирует актуализацию разных дополнительных семантических компонентов, которые с течением времени могут обрести социальную значимость и войти в импликационал или даже интенционал лексического значения» [8, с. 83]. Такие слова

и словосочетания, как *globalization, free trade, liberalization, free markets* и пр., активно используются политиками и журналистами в разных контекстах для оправдания принимаемых решений и формирования необходимого политической элите общественного мнения, что указывает на определенную степень регулярности и устойчивости семантики маркеров дискурса глобализации. Неконкретность семантического значения рассматриваемых лексических единиц открывает возможность для метафорического осмысления обозначаемых понятий и делает их привлекательными для использования в дискурсе с целью направления сознания реципиента по вектору, необходимому автору. Установление группы наиболее стабильных семантических признаков исследуемых нами единиц оказывается возможным посредством анализа метафорических моделей и контекстного анализа, фокусирующих внимание на функционировании и сочетаемости единиц в реальном дискурсе.

Выделение актуализируемых компонентов значения в лексических маркерах в нашем исследовании основывается на *когнитивной теории* метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [9], получившей свое развитие в *дескрипторной теории* метафоры А.Н. Баранова [10; 11]. Суть обеих теорий сводится к тому, что осмысление новых и сложных предметных областей в сознании человека происходит посредством процесса *метафоризации*. *М е т а ф о р и з а ц и я*, в свою очередь, – взаимодействие двух структур знания, структуры *источника* (конкретной и хорошо изученной области) и структуры *цели* (абстрактной и новой области), в процессе чего область *цели* структурируется так же, как и область *источника*. Объекты цели, или реалии, начинают осмысляться в терминах источника, т.е. происходит профилирование свойств, содержащихся в метафорической модели. Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют два основных типа метафор – *онтологические*, позволяющие видеть события, действия, эмоции, идеи и т.д. как некую субстанцию; и *ориентационные*, не определяющие один концепт в терминах другого, но организующие всю систему концептов в отношении друг к другу. *Д е с к р и п т о р н а я т е о р и я* метафоры, разработанная А.Н. Барановым, приближает *когнитивную теорию* Дж. Лакоффа и М. Джонсона к сфере собственно лингвистических исследований. Согласно дескрипторной теории метафоры, область источника – это особый способ организации знания, который соответствует набору понятий, соединенных между собой тесными семантическими связями и образующими *метафорическую модель*. Набор понятий, образующих *м е т а ф о р и ч е с к у ю м о д е л ь*, именуется *сигнификативными дескрипторами* данной метафорической модели. *С и г н и ф и к а т и в н ы е д е с к р и п т о р ы* описывают соответствующую тематическую область и с формальной точки зрения представляют собой совокупность нормализованных лексем языка. Область цели есть совокупность реалий, характерных для определяемой проблемной области и описывается *денотативными дескрипторами* [11]. Иными словами, в процессе регулярной сочетаемости лексических единиц

в рамках определенных метафорических моделей происходит встраивание семантических признаков из семантики лексем, являющихся сигнификативными дескрипторами, в семантику лексем, выступающих д е н о т а т и в - н ы м и д е с к р и п т о р а м и модели.

Важно подчеркнуть, что дескрипторная теория метафоры не является линейным продолжением исследования метафоры в рамках теории тропов, которая развивалась в концепциях Аристотеля, А.А. Ричардса, М. Блэка, Н.Д. Арутюновой, с чем связаны некоторые терминологические и понятийные расхождения этих двух теоретических направлений¹. И все же когнитивная и дескрипторная теории метафоры могут считаться логическим продолжением лингвистических концепций метафоры и рассматриваться в качестве взаимодополняющих подходов, эффективных в плане семантического изучения дискурса.

Проведенный нами анализ практического материала на данном этапе исследования дал *следующие результаты*.

1. П е р в ы м и важнейшим семантическим компонентом лексических маркеров в дискурсе глобализации, является признак *естественности*.

Одним из наиболее распространенных способов выражения семантики е с т е с т в е н н о с т и оказываются лексические единицы, относящиеся к маркерам метафоры *персонификации*. Как одна из важнейших онтологических метафор, метафора п е р с о н и ф и к а ц и и актуализирует значение естественности за счет того, что «позволяет осмыслять наш опыт взаимодействия с неживыми сущностями в терминах человеческих мотиваций, характеристик и деятельности», т.е. наделяет предметы и явления свойствами живых и разумных сущностей. «Очеловечивание» абстрактных понятий обеспечивает такое понимание, которое самоочевидно для большинства людей, и, следовательно, может использоваться для оправдания политических и экономических действий правительства или иных социальных групп [9, с. 59–60].

В основном метафора персонификации в проанализированном материале проявляется в приписывании отвлеченным и абстрактным понятиям дискурса глобализации (*rising inflation, globalization, a genuinely global economic system, the process of globalization, competition, improved productivity, strategic impact of globalisation*², *a global tax*) предикатов и модификаторов, обозначающих действия и признаки человека (*to chip away, to cut into, to beget, to come, to tempt, to sort out, to impact, to generate, to raise, to redistribute*). Подобные признаки придаются посредством как креативных (*globalization tempts nationalism*), так и стертых метафор

---

¹ Например, включение персонификации и метонимии, рассматриваемых стилистикой как независимые тропы, в разряд метафор в рамках дескрипторной теории и указание на необходимость их различения с учетом особенностей референтной отнесенности [12] или синтаксических функций [13, с. 348] в рамках традиционной теории тропов.

² Здесь и далее встречается как британское, так и американское написание терминов дискурса глобализации (*globalisation – globalization, labour – labor* и пр.) в зависимости от источника примера.

(*globalization begets interdependence*), переносные значения которых фиксируются в толковых словарях [10, с. 45].

В примере *Globalization begets interdependence, and interdependence begets the necessity of a common value system to make it work* [14] за счет каузативного компонента в семантике глагола *to beget* ('2 to cause something and to make it happen'¹) понятие *globalization* наделяется активной способностью порождать взаимозависимость субъектов социальной деятельности. При этом *globalization* оказывается единственным агентом описываемого автором процесса.

В следующем примере *In some of its most controversial passages, the authors float ideas for a global tax that would redistribute the fruits of globalisation to the world's poor* [16] семантические компоненты в значении глагола *to redistribute* ('to give something to each member so that it is divided up in a different way than it was before') наделяют понятие *global tax* признаками живого и разумного существа, способного обеспечить благосостояние некоторой части жителей планеты (*the world's poor*).

Среди важных метафор, выражающих семантику естественности в дискурсе глобализации, особым типом выделяются когнитивные метафоры природных явлений, животного и растительного мира, живого организма, а также болезни. Такое явление наблюдается в контексте: "*There is little we can do to avoid the easing of global disinflationary forces,*" *the former Federal Reserve chairman wrote in his recent book, The Age of Turbulence* [17], где абстрактное понятие *disinflationary forces* описывается в терминологии стихии, противостояние которой невозможно либо проблематично. Тем самым экономическому процессу приписываются свойства естественности и неподконтрольности социальным агентам, из контекста выводится референция к политическим и экономическим группам, несущим ответственность за принятие решений, связанных со снятием экономических регуляторов инфляции.

В примере *Can globalisation be tamed?* [16] семантические компоненты значения глагола *to tame* '2 to train a wild animal to obey you and not to attack people' эксплицитно противопоставляют мир человека миру глобальных экономических изменений, конструируя описание ситуации на базе метафоры животного мира. При этом компонент *wild* используемого автором глагола наделяет понятие *globalization* такими признаками как неконтролируемость, нерациональность, непредсказуемость.

В примере *But this can only put the brakes on global recovery, global finance capacity and ability to respond to global liquidity problems* [18] значение '1 a process of getting better after an illness, injury etc.' имени существительного *recovery* вводит в описание социальных отношений метафору болезни, усиливая ее метафорой живого организма за счет компонентов значения конструкции *global finance capacity and ability to respond*. Целью применения

---

¹ Словарные дефиниции приводятся по третьему изданию Словаря современного английского языка Лонгмана и приводятся с указанием номера словарной дефиниции [15].

данных метафор в дискурсе является репрезентация происходящих событий как естественных, возможно, требующих вмешательства «профессионалов» (в данном случае экономистов и финансистов), но не политиков или граждан.

2. Вторым системным компонентом семантики лексических маркеров в дискурсе глобализации является значение *объективности*.

Среди средств первой группы, выражающих семантику объективности, выделяются слова и словосочетания научного дискурса (*the survey, has recorded, the era of financial globalization, for the first time in history*). Основной целью научного дискурса считается получение нового истинного знания о предмете, явлении, их свойствах и качествах [19, с. 230]. В дискурсе глобализации значение лексических единиц научного дискурса вводит семантику объективного существования описываемых явлений и процессов. Так, в примере *The survey has recorded a consistent and dramatic reduction in corporate tax rates over that 14-year period* [20] семантика объективности при описании процесса снижения уровня налогов достигается за счет употребления глагола *to record* и имени существительного *the survey*, указывающих на научно обоснованное освещение происходящего. Эффект научности подаваемой информации достигается также посредством репрезентации глобализации как исторического процесса в выражениях *the era of financial globalization u for the first time in history*, как в следующих примерах: *The era of financial globalization may becoming to an end* [21]; *For the first time in history, a genuinely global economic system has come into being with prospects of heretofore unimagined well-being* [18].

Для подчеркивания логичности, последовательности и точности своих высказываний авторы изучаемых статей применяют такие единицы, как *premise, definition, proposition*, используемые в терминологии логики, философии и общенаучной методологии. Посредством таких терминов понятие *globalization* наделяется компонентами значения реально существующего и поддающегося изучению явления. Например, *The basic premise of globalization is that competition will sort out the most efficient, a process that, by definition, involves winners and losers* [18]; *They will not be mollified by the valid proposition that the benefits of global growth far outstrip its costs* [18].

Вторая группа лингвистических средств выражения семантики объективности в дискурсе глобализации представлена лексическими и лексико-синтаксическими конструкциями со значением *экзистенциальности* (*there is, there occurs, globalization is, globalization begets*). Исследованию глаголов, выражающих значение *экзистенциальности*, посвящено большое количество работ [13; 22; 23; 24]. Как отмечает С.Г. Виноградова, некоторое число английских экзистенциальных глаголов употребляется в качестве предикатов в экзистенциальных предложениях, которые с точки зрения логики рассматриваются как выражающие суждения о мире,

а не об отдельном предмете или явлении. Синтаксической структурой экзистенциального предложения многими из указанных лингвистов признается модель *There PS (Loc/Temp)*, где *There* – специальное вводное слово, *P* – предикат, *S* – субъект, указывающий на объект/объекты и их количество, а *Loc* и *Temp* – обстоятельства соответственно места и времени, которые носят факультативный характер. Экзистенциальные глаголы, используемые в таких предложениях, передают общее значение существования или указывают на факт бытия чего-либо в окружающем мире [22, л. 22], что в дискурсе глобализации выражает семантику объективности существования описываемого явления.

В частности, значение объективности наблюдается в контексте *It says that "there is a serious democratic deficit at the heart of the system" and calls for more influence for developing countries and the poor on the key institutions of global governance like the World Bank and IMF* [16]. Как видно, при описании существования проблем, связанных с процессом глобализации, нарастание антидемократических тенденций в мире постулируется в рамках экзистенциальной безагенсной конструкции *there is a serious democratic deficit at the heart of the system*. Тем самым цитируемый автор высказывания и автор аналитической статьи фокусируют внимание на существовании проблемы, не указывая на ее источники и причины, т.е. подают ее как объективную. Ситуация описывается как объективная и в следующем примере: *At the same time, there occurs a migration away from menial jobs, which are then filled by workers from abroad* [18]. Эффект усиливается за счет номинализации *a migration away from menial jobs*.

3. Третьим системным семантическим признаком маркеров дискурса глобализации является наличие компонента *желательности*, который получает свое выражение на лексико-семантическом уровне благодаря употреблению слов с положительной коннотацией в синтагматических структурах, содержащих в своем составе лексемы, обозначающие ключевые понятия данного дискурса: *Some Japanese firms, of course, embraced globalisation years ago and have prospered as a result—notably Toyota, which is now nearly the world's biggest carmaker* [25].

В приведенном текстовом фрагменте значение желательности воспроизводится путем употребления лексики *globalisation* в субъектно-предикатной группе с переходным глаголом *to embrace* ('3 to accept and use new ideas, options eagerly'), т.е. глобализация рассматривается как желательная альтернатива выбора пути экономического развития. Данное значение закрепляется конструкцией *and have prospered as a result*, имеющей позитивные коннотации, так как экономическое процветание – одна из главных ценностных установок идеологии неолиберализма.

В контексте *Likewise, free trade – or as Farrell puts it, "exposure to global best practices" – is critical to fostering innovation of all sorts. Globalization forces U.S. companies to innovate or die – and in the process raises our standard of living* [26] словосочетание *free trade* при всей своей смысловой

неопределенности (отсутствие референта) приобретает позитивные коннотации, поскольку оно семантически соотнесено с синонимическим выражением *exposure to global best practices* со столь же размытым значением, где атрибутивный компонент используется в превосходной степени. Позитивная коннотация лексемы *globalization* и значение желательности глобализации актуализуются благодаря приданию этому явлению способности повышать уровень жизни (*raises our standard of living*).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что базовыми семантическими компонентами, актуализируемыми на лексико-семантическом уровне в дискурсе глобализации, являются естественность, объективность и желательность. Основным способом выражения семантики естественности является использование лингвистических вариантов концептуальных метафор персонификации, природных явлений, животного и растительного мира, живого организма, а также болезни. Семантический компонент объективность актуализируется посредством контекстуального сочетания маркеров дискурса глобализации с лексемами, относящимися к сфере научного дискурса, а также посредством экзистенциональных лексико-синтаксических структур. Основным способом реализации семантики желательности в проанализированных нами текстах становится употребление маркеров дискурса глобализации в синтагматических конструкциях, содержащих слова с положительной коннотацией. Выделенные компоненты значения способствуют безагентивному отражению социальной действительности, что делает рассматриваемый дискурс закрытым для разрешения реально существующих в обществе социальных противоречий. Это, в свою очередь, переводит дискурс глобализации из прагматико-политического измерения в мифическое, представляющее социальную реальность как область взаимодействия вымышленных сущностей и сил.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dijk, van T.A.* Discourse Semantics and Ideology // *Discourse & Society* / ed. T.A. van Dijk. – 1995. – Vol. 6, № 2. – P. 243–289.
2. *Dijk, van T.A.* Ideological discourse analysis // *Interdisciplinary Approaches to Discourse Analysis* / eds. E. Ventola, A. Solin. – New Courant, English Dep., Univ. of Helsinki. – 1995. – Vol. 4. – P. 131–161.
3. *Dijk, van T.A.* Ideology. A Multidisciplinary Approach / T.A. van Dijk. – London : Sage Publ. Ltd, 1998. – 384 p.
4. *Dijk, van T.A.* Discourse analysis as ideology analysis / T.A. van Dijk // *Language and Peace* / eds. C. Schaffner, A. Wenden [Electronic resource]. – Aldershot : Dartmouth Publishing, 1995. – P. 17–33. – Mode of access : <http://www.discourse-in-society.org/Discourse%20analysis%20as%20ideology%20analysis.pdf>. – Date of access : 23.01.2009.

5. *Акулов, В.* Еще раз об идеологии и идеологах / В. Акулов // Неман. – 2004. – № 11. – С. 137–152.
6. Неолиберализм // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Неолиберализм>. – Дата доступа : 18.08.2010.
7. *Fairclough, N.L.* Blair's contribution to elaborating a new 'doctrine of international community' / V.L. Fairclough // J. of Language and Politics. – 2005. – Vol. 4, № 1. – P. 41–63.
8. *Харитончик, З.А.* Динамика лексического значения в зеркале изменчивого лексикографического дискурса / З.А. Харитончик // Язык – когниция – коммуникация : тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 3–6 нояб. 2010 г. / Минский гос. лингв. ун-т ; редкол. : З.А. Харитончик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 82–84.
9. *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем. – Пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – 2-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.
10. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики / А.Н. Баранов [и др.] ; под общ. ред. А.Н. Баранова. – М. : Фонд ИНДЕМ, 2004. – 94 с.
11. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафорики ('взаимоотношения бизнеса и власти', 'коррупция') / А.Н. Баранов [и др.] ; под общ. ред. А.Н. Баранова. – М. : Фонд ИНДЕМ, 2006. – 84 с.
12. *Кобозева, И.М.* Семантические проблемы анализа политической метафоры / И.М. Кобозева // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9, Филология. – 2001. – № 6. – С. 129–148.
13. *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки рус. культуры, 1998. – 896 с.
14. *Blair, T.* A Battle for Global Values / T. Blair // Foreign Affairs [Electronic resource]. – 2007. – Jan.–Febr. – Mode of access : <http://www.foreignaffairs.com/articles/62271/tony-blair/a-battle-for-global-values>. – Date of access : 16.01.2010.
15. Longman Dictionary of Contemporary English. – 3 rd ed. with New Words Supplement / ed. D. Summers [et al.]. – Harlow : Pearson Education Ltd, 2001. – 1722 p.
16. *Schifferes, S.* Can globalisation be tamed? / S. Schifferes // BBC News, Analysis / BBC News [Electronic resource]. – 2004. – Febr. 24. – Mode of access : <http://news.bbc.co.uk/2/hi/business/3516197.stm>. – Date of access : 24.08.2008.
17. *Shinkle, K.* Stagflation Lurks, a '70s-Style Threat / K. Shinkle // U.S. News [Electronic resource]. – 2008. – Jan. 4. – Mode of access : <http://www.usnews.com/articles/opinion/2007/11/23/comments-policy.html>. – Date of access : 02.02.2008.
18. *Kissinger, H.A.* Globalization and its discontents / H.A. Kissinger // The New York Times [Electronic resource]. – 2008. – May 29. – Mode of access : http://www.nytimes.com/2008/05/29/opinion/29iht-edkissinger.1.13311978.html?_r=1. – Date of access: 03.03.2009.

19. *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
20. *Pethokoukis, J.* The French Election and Globalization / J. Pethokoukis // U.S. News [Electronic resource]. – 2007. – May 8. – Mode of access : <http://www.usnews.com/articles/opinion/2007/11/23/comments-policy.html>. – Date of access : 02.02.2008.
21. *Norris, F.* A Retreat From Global Banking / F. Norris // The New York Times [Electronic resource]. – 2009. Jul. 24. – Mode of access : http://www.nytimes.com/2009/07/24/business/economy/24norris.html?_r=1. – Date of access : 24.02.2010.
22. *Виноградова, С.Г.* Категориальные и субкатегориальные значения английских экзистенциальных глаголов в поэтическом тексте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С.Г. Виноградова. – Тамбов, 2002. – 178 л.
23. *Уфимцева, А.А.* Типы словесных знаков / А.А. Уфимцева. – М. : Наука, 1974. – 206 с.
24. *Есперсен, О.* Философия грамматики / О. Есперсен. – М. : Изд-во иностр. лит., 1958. – 404 с.
25. No country is an island // The Economist [Electronic resource]. – 2007. – Nov. 29. – Mode of access : <http://www.economist.com/node/10169924>. – Date of access : 24.01.2008.
26. *Pethokoukis, J.* Will Hillary's High-Tech Agenda Work? / J. Pethokoukis // U.S. News [Electronic resource]. – 2007. – Jun. 5. – Mode of access : <http://www.usnews.com/articles/opinion/2007/11/23/comments-policy.html>. – Date of access : 02.02.2008.

The globalization discourse should be treated as a subtype of the ideological discourse of neoliberalism which depicts the situations of political interaction in terms of the economic discourse. The article deals with the linguistic means of actualization of the semantic components of naturalness, objectivity and desirability in the key lexemes of the globalization discourse. Identification of these semantic markers specific to the lexical units of the discourse under consideration makes it possible to conclude that the social reality is reproduced herein as independent of the will of real agents in political and economic relations.

Поступила в редакцию 20.01.11

Е.С. Суркова

LINGUA LATINA и *LINGUAE VERNACULAE*
В ЗАПАДНОХРИСТИАНСКОМ АРЕАЛЕ В IX в.:
К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ

В статье определяются основания для построения модели описания языковых ситуаций, сложившихся в ареале распространения латинского языка к IX в. Моделирование таких языковых ситуаций предполагает воссоздание и интерпретацию основных моментов “внешней” истории классических языков средневековья, в связи

с чем возникает необходимость системного анализа проблем социального, политического, философского и риторического характера. В числе таких проблем – вопрос о соотношении латыни и народных языков в Западной Европе к IX в., вопрос об экклесической латыни и литургическом моноязычии в западнохристианской Церкви того времени.

Распространение христианства на Западе и Востоке осуществлялось разными темпами (на Востоке быстрее) и предполагало неодинаковую динамику в развитии представлений о статусе сакральных и народных языков. Христианизация в ареале *Pax Orthodoxa* даже в рамках политики эллинизации все же допускала, что религиозные границы могут не совпадать с границами языковыми, тогда как в *западнохристианском ареале* было распространено мнение о том, что доступ к истинному знанию возможен посредством только одного языка – латинского. Следствием этого стали определенные тенденции в истории западной Церкви, которые на протяжении нескольких столетий обусловили господство в Западной Европе доктрины о «триязычии».

До IX в. в Западной Европе на фоне большого количества местных наречий существовал стандартный письменный язык, который использовался немногочисленной образованной элитой и ассоциировался с очень престижным названием *латынь*. Это был язык религии и образования, права и делопроизводства. В отличие от латыни локальные языковые формы либо вообще не имели наименования, либо назывались по имени населенного пункта, в котором использовались. По аналогии с греческим социолингвистическим контекстом латынь (*lingua latina*) была противопоставлена *lingua barbara* – прото-романским языкам [1, p. 117], что нашло отражение в исторических памятниках. Так, в «Житии св. Галла» («Vita Galli»), написанном около 834 г., сообщается о том, что святой Галл “ut non solum Latinae sed etiam barbaricae locutionis cognitionem non parvam haberet” (*MGH SS. Vol. 4, p., 289*). В то же время епископ Гаито Базельский требовал от священников своего диоцеза умения обучать молитве Господней и Символу веры “tam Latine quam barbarice” (“*Nettonis Capitulare*”, II) (*PL. Vol. 105, col. 763*).

А. Варваро определяет латинский языковой универсум в средние века как “обширное пространство с основательным, но гибким куполом (нормой), под которым действуют необузданные силы инноваций, отклонений и экспрессии” [2, p. 48]. В некоторых случаях (на уровне орфоэпических норм и словоупотребления) эти “силы” проявлялись в локальном масштабе. Однако чаще всего латинская языковая норма носила устойчивый характер, детерминируя восприятие романского мира как гомогенного.

К социальным факторам, определявшим основные тенденции в развитии национальных языков в Западной Европе, можно отнести то, что сама идея народного языка возникла в среде феодальной элиты, желавшей противопоставить свой образ жизни и образ мышления тем нормам, которые

задавались Церковью с ее латынью. Поэтому изначально письменные романские языки были связаны преимущественно с законодательной сферой, а также с деятельностью представителей тех слоев средневекового общества, которые могли влиять на политическую и культурную жизнь.

Как показывают исследования по истории романских языков [3; 1; 4], вплоть до IX в. языковое сознание средневековых носителей романских наречий не отражало факта существования иных, нежели латинский, языков: термин *lingua Romana* имел то же значение, что и *lingua Latina*. В результате на языковой карте Западной Европы не были представлены наименования для *vernaculae*¹ – народных языков, которые не были дифференцированы относительно латыни. Так, по данным Р. Райта, слово *Latinus* использовалось для обозначения как письменной (собственно латинской), так и устной (вернакулярной) форм языка в некаталанской Испании до 1080 г. [4]. А во Франции в IX в. латынь изучалась не как классический язык, но как письменная форма языка повседневной коммуникации [5].

Однако после “Каролингского возрождения” разница между разговорной речью и письменным языком стала предметом осмысления, вследствие чего отождествление народных языков с латынью постепенно исчезало. Источники этого времени фиксируют регулярное использование наречия *Romanice*, а также имен прилагательных *Romanicum*, *Romancium*, *Romanica (lingua)* для обозначения вернакулярных языков [1, с. 117]. По мнению П.М. Ллойда, причиной дифференциации романских языков и латыни была именно “рефлексия по поводу новой системы представления устной формы бытования латыни и/или романских наречий, отличной от традиционной письменной системы” [6, с. 15]. Эту точку зрения поддерживает Т. Дженсон, хоть и с оглядкой на то, что в исторических источниках нет подтверждения факта возникновения такой рефлексии [7, с. 21].

Возникновение официального названия для вернакулярных языков – *rustica Romana lingua* – относится к 813 г. и связано с орфографической и орфоэпической реформой, проведенной Алкуином [4]. Зафиксированный актами Турского собора, этот термин буквально обозначал ‘деревенский романский язык’ (*‘la langue romaine rustique’*, *sermo rusticus*), который был противопоставлен *sermo urbanus* и таким образом указывал на социальное происхождение и статус говорящего, имея при этом негативную коннотацию [1, с. 117].

Однако даже несмотря на то, что термин *lingua Romana* уже был зафиксирован источниками IX в., носители этого языка по-прежнему не различали письменную латынь и разговорный народный язык, как не видели разницы между чтением вслух заученных письменных латинских текстов и повседневной устной коммуникацией. Реальный процесс разграничения латыни и *lingua Romana* начинается лишь в XI в. По мнению Т. Дженсона,

---

¹ От лат. *vernaculus* ‘местный, отечественный, туземный’.

установление этого факта имеет первостепенное значение, поскольку доказывает, что начало языковой дифференциации в Западной Европе относится “не ко временам Каролингов, но к длительному периоду латинской экспансии, которая наступила после катастрофического X века” [7, с. 22]. Наиболее важные вехи в истории романских языков отмечены в период с 1000 по 1300 гг. – время возникновения новых письменных систем, когда языки уже было необходимо называть. И даже в этот период не была осуществлена окончательная фиксация названий романских языков: в частности, во Франции доминирующий термин *français* долгое время замещался словом *roman*; а в Италии Данте ни разу не использовал слово *italiano*, предпочитая называть итальянский язык термином *latino*. Так или иначе, названия романских языков относились преимущественно к письменным системам и в основном использовались образованной элитой.

Исследователи отмечают межэтнический характер *lingua Romana*, который в источниках XIII в. определен как *noſtre lengage*, распространенный во всем ареале *Pax Romana*¹ [8]. Сам ареал воспринимался как целостный в языковом отношении: в нем существовал единый язык, имевший диалектное членение и единую письменную форму, по обыкновению называемую *lingua latina* (*lingua gramatica* у Данте).

Традиционным местом любой дискуссии о языке в средние века был вопрос о приоритете классической латыни над латынью вульгарной. Латинские грамматисты воспринимали классическую латынь как *Ursprache* – по аналогии с древнееврейским языком, который почитался как идеальный язык – язык общения с Богом. Такое отношение к двум формам существования латинского языка порождало конфликт между языком “Вульгаты”, а также образцовым языком Вергилия и других римских поэтов. Различие между классической и вульгарной латынью было закреплено идеологически (в IX в. в Каролингской империи в ходе реформ Алкуина) посредством констатации факта сосуществования элитарного (“правильного”) латинского языка с менее престижным (“народным”) языком в абсолютной диглосной ситуации [9, с. 56].

Создателем экклесической² латыни считают Тертуллиана. Этот язык, сориентированный на вышедших из социальных низов последователей христианства, был близок к разговорному латинскому. Вместе с тем литургическая латынь имела лексикон, грамматику и синтаксис, идентичные классической латыни. При этом в ней также встречались элементы, недопустимые в литературной практике классического периода. Эти элементы появились в латыни в связи с ее использованием в качестве языка перевода: экклесический латинский заимствовал либо калькировал языковые конструкции из греческого койнэ. Кальки и заимствования

---

¹ Данное положение сопоставимо с ситуацией, имевшей место в Древней Греции, когда тексты как на ионическом, так и на дорийском диалектах читались и распространялись по всей Греции.

² От греч. ἐκκλησία ‘церковь’.

встречаются в латинских переводах (особенно в “Вульгате”) настолько часто, что некоторые исследователи считают возможным определять экклесическую латынь как особый диалект, используемый и понимаемый исключительно христианами [10].

Помимо греческого влияния латынь времен Каролингов, которую историки называют “восстановленной” относительно классической традиции¹, не избежала проникновения романизмов на разных уровнях языковой системы, в результате чего латынь стала восприниматься как *latinitas mixta*. Анализ языка Алкуина демонстрирует тот факт, что сам великий реформатор использовал в своих текстах *phrasé roman* для стилизации *sermo simplex*, которая временами напоминала *sermo vulgaris* [11, с. 586, 597].

Тем не менее экклесическая латынь, представленная также в западнохристианской патристике, почиталась канонической. Именно этот язык – не классический латинский, но тот, который использовался при написании любого типа текста как светского, так и сакрального содержания, – стал языком книжной традиции западнохристианского ареала, а также основанием для культурного, религиозного и интеллектуального единства, обусловившего процесс формирования европейской цивилизации.

Моментом исключительной важности в этом процессе была христианизация народов Центральной и Восточной Европы, которая проходила в то время, когда западноевропейские этносы, занимающие территории от берегов Ирландии до Эльбы, Альпы и Адриатику, уже были христианизированы и благодаря этому вовлечены в сферу влияния Римской церкви. Это влияние предполагало культурное и конфессиональное моноязычие, допускавшее использование одного языка – латыни – для трансляции культурных ценностей, унаследованных от античного и средневекового Рима. Как известно, Запад, в отличие от Византии, поддерживал распространенную в средние века доктрину о “триязычии”.

В этой ситуации только англосаксонский этнос добился права для своего родного языка стать вторым языком культуры наряду с латынью. Однако англо-саксонский пример не имел резонанса на континенте, где складывалась новая империя короля франков Карла Великого, чье стремление возродить былую славу Римской империи обусловило предпочтительное использование латыни, введение богослужения римского образца, распространение римских обычаев и традиций. Идеологи Каролингской империи допускали мысль о том, что Бог услышит молитвы верующих на любом языке, и даже официально разрешали использовать *vernaculae* (народные языки) в Церкви для проповеди, катехизации, исповеди (с этой целью на некоторые местные языки были переведены Молитва Господня и Символ веры). Однако месса могла проводиться исключительно на латыни (либо теоретически на греческом или еврейском). *Vernaculae* статус литургических иметь не могли.

---

¹ По сравнению с латынью Мерovingов, которую иначе называют *декадентской*.

Диахроническое исследование языковой ситуации на западе христианского мира в IX в. позволяет сделать вывод о том, что здесь сложились условия, обусловившие дифференциацию латыни (чей статус *lingua sacra* определял высшую степень ее престижности) и народных языков, сферы использования которых были существенно ограничены.

Таким образом, оценивая статус языка в средневековых обществах, мы неизбежно сталкиваемся с проблемами социального, политического, философского и риторического характера, которые предусматривают воссоздание и интерпретацию основных моментов «внешней» истории классических языков средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Van Uytvanghe, M.* The consciousness of a linguistic dichotomy (Latin – Romance) in Carolingian Gaul: the contradictions of the sources and of their interpretation // *Latin and the Romance Languages in the Early Middle Ages* / ed. R. Wright. – Pennsylvania: Univ. Park, 1996. – P. 114–129.
2. *Varvaro, A.* Latin and Romance: fragmentation or restructuring? // *Latin and the Romance Languages in the Early Middle Ages* / ed. R. Wright. – Pennsylvania: Univ. Park, 1996. – P. 114–51.
3. *Muller, H.F.* On the use of the expression *lingua romana* from the first to the ninth century / H.F. Muller // *Zeitschrift für romanische Philologie*. – 1923. – Bd. 43. – P. 9–19.
4. *Wright, R.* Late Latin and Early Romance in Spain and Carolingian France / R. Wright. – Liverpool: Cairns, 1982. – 322 p. – (ARCA Classical and Medieval Texts, Papers and Monographs, vol. 8).
5. *Law, V.* The Insular Latin Grammarians / V. Law. – Woodbridge: Boydell & Brewer, 1982. – 131 p.
6. *Lloyd, P.M.* On the names of languages (and other things) // *Latin and the Romance Languages in the Early Middle Ages* / ed. R. Wright. – Pennsylvania: Univ. Park, 1996. – P. 9–18.
7. *Janson, T.* Language change and metalinguistic change: Latin to Romance and other cases / T. Janson // *Latin and the Romance Languages in the Early Middle Ages*; ed. R. Wright. – Univ. Park, 1996. – P. 19–28.
8. *Holtus, G.* Zur Sprach- und Wortgeschichte von «latino» und «volgare» in Italien / G. Holtus // *Latein und Romanisch: Romanisches Kolloquium I*; ed. W. Dahmen [et al.]. – Tübingen, 1987. – S. 340–354.
9. *Amsler, M.* History of Linguistics, ‘Standard Latin’, and Pedagogy / M. Amsler // *History of Linguistic Thought in the Early Middle Ages* / ed. V. Law. – Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins Publ. Com., 1993. – P. 49–66. – (Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science. Series III, Studies in the history of the language sciences. – Vol. 71).
10. *Collins, J.F.* A Primer of Ecclesiastical Latin / J.F. Collins. – Washington: The Catholic Univ. of America Press, 1985. – 451 p.

11. *Banniard, M. Théorie et pratique de la langue et du style chez Alcuin : rusticité feinte et rusticité masquée / M. Banniard // Francia. Forschungen zur Westeuropäischen Geschichte. – 1986. – Bd. 13. – S. 579–601.*

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

MGH SS – Monumenta Germaniae historica, Scriptores. – In 5 vol. – Hannoverae : Impensis Bibliopoli Hahniani, 1980–2000.

PL – Patrologiae cursus completus, series Latina / ed. J.P. Migne [et al.]. – In 221 vol. – Paris, 1844–1900.

The essay defines the basis for constructing a model of describing the linguistic situations in Western Christian area in the 9th century. Modeling of such situations involves reconstruction and interpretation of the basic moments of "external" history of the medieval classical languages. It also demands a systemic analysis of the problems of social, political, philosophical, and rhetorical nature. The question about the relations between Latin and vernacular in Western Europe and the problem of Church Latin and liturgical monolingualism in Western Christian Church are among those issues.

Поступила в редакцию 29.12.10

Г.Н. Третьякова

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ МИКРОУРОВНЕВОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются варианты дискурсивной фокусировки топологической семы 'близко'. На материале современного немецкого языка строится 10-балльная шкала фокусировки рассматриваемой семы с учетом лексико-морфологических, синтаксических и коммуникативных характеристик лексем, содержащих в своей семантической структуре указанную сему. Данная шкала проецируется на фрагменты художественного дискурса с позитивной и негативной эмотивными составляющими. Строятся графики микроуровневого процесса развертывания топологической характеристики "близко". На основе анализа графиков выводится тенденция зависимости семантических и прагматических параметров в анализируемых фрагментах немецкоязычного художественного дискурса. Намечаются перспективы исследования *дискурсивных процессов микроуровневой локализации*.

Исследование *процессуальных аспектов языка* – одна из важнейших задач лингвистики. Еще В. фон Гумбольдт обращал внимание на то, что язык следует рассматривать «не как мертвый продукт», а «как деятельность», «как созидающий процесс (Erzeugung)» [1, с. 69–70]. Такой подход позволяет лингвистам сконцентрироваться на взаимосвязи языка с различными видами человеческой деятельности – с мышлением, коммуникацией и т.д. [2].

Процессуальные аспекты языка рассматриваются исследователями с учетом двух факторов – *временного* и *пространственного*. Учет первого фактора – *временного* – дает возможность анализировать языковые процессы в двух направлениях: *диахронии* (выявляются изменения языковых единиц и правил их комбинирования в процессе развития языка) и *синхронии* (описываются семантические модификации единиц, реализуемых в разных контекстах одного и того же временного среза в языке) [3, с. 15]. Учет второго фактора – *пространственного* – позволяет наметить также два направления в анализе языковых процессов: *макроструктурное* (определяются диапазоны варьирования знаковых единиц языка, большинство из которых без труда вычлениваются из потока речи не только лингвистами, но и обычными носителями языка¹); *микроструктурное* (описывается динамика отдельных компонентов указанных выше единиц; эти компоненты могут быть скрыты от наблюдателя и требуют в случае их выявления использование особых исследовательских процедур [5]).

В данной статье выбран такой ракурс анализа языковых процессов, в котором сочетаются два наименее описанных (вероятно, вследствие наибольшей сложности их применения на конкретном материале) способа исследования динамики единиц: *фиксация и моделирование языковых изменений в синхронии + микроуровневая локализация описываемых процессов* (временной фактор → синхронический аспект; пространственный фактор → микроструктурный аспект).

Внимание исследователей к *микроструктурам* дискурса усилилось благодаря разработке лингвистических проблем, связанных с процессами понимания. *Микроструктуры* как функционально-семантические составляющие композиционных фрагментов дискурсивного пространства, благодаря которым регулируется поиск фактуальной информации, описываются на примерах делового, научного, лексикографического дискурсов [6]. Однако при анализе такого типа дискурса, как художественный, который обладает не только информационным, но и эстетическим потенциалом, требуется более детализированный подход к микроструктурной организации описываемого объекта [7].

В микроструктурной организации *художественного дискурса* целесообразно выделять, по нашему мнению, не только функционально-семантические структуры, детализирующие опорные точки в развитии сюжета, которые, как правило, осознаются реципиентом, но также и не осознаваемые реципиентом динамические структуры, порождаемые взаимодействием отдельных сем, важных для формирования эмотивной составляющей дискурса.

Одной из таких сем выступает топологическая сема ‘близко’, которая – в сочетании с семой ‘движение’ – участвует в вербальном кодировании ситуаций приближения/удаления, связанных с активированием эмоций

---

¹ При обосновании психической реальности базовых единиц языка Э. Сепир подчеркивал, что даже «у наивного индейца, совершенно непривычного к понятию написанного слова, никогда не чувствуется серьезного затруднения при диктовке ученому-лингвисту текста слово за словом ... он способен сразу же выделять слова как таковые и повторять их как отдельные единицы» [4, с. 50].

реципиента (быстрое приближение крупного объекта – *страх*, приближение субъекта к цели – *радость*). К.Э. Изард считает, что «врожденная реакция на чувственное переживание положительной эмоции вызывает у человека ощущение благополучия, побуждает и поддерживает реакцию приближения ... отрицательные эмоции, напротив, переживаются как вредоносные и труднопереносимые, пробуждают реакцию отстранения» (разрядка наша. – Г.Т.) [8, с. 57].

Способность художественного дискурса затрагивать эмоциональную сферу реципиентов лежит в основе его эстетического потенциала¹, именно поэтому анализ динамики сем, способных кодировать эмотивно маркированные ситуации, имеет важное значение для исследования данного типа дискурса.

В предлагаемой статье анализируется немецкоязычный художественный дискурс на временном срезе конца XX – начала XXI вв. с целью обнаружения особенностей семантических процессов микроуровня в локализации, происходящих при дискурсивном сцеплении топологических сем ‘близко’.

Проведенный анализ показал, что сема ‘близко’, участвующая в вербальном кодировании пространственных параметров описываемой ситуации, может обнаруживаться – с различной степенью коммуникативной фокусировки – на разных языковых уровнях: лексическом (*Nähe* ‘близость’, *verbinden* ‘связывать’), морфологическом (в значении множественного числа имен существительных и местоимений: *Steine* ‘камни’, *wir* ‘мы’), синтаксическом (при взаимодействии лексем в предложении: *abends bekam er bei ihr Brot und Oliven* ‘по вечерам он получал у нее хлеб и маслины’).

На степень дискурсивной фокусировки семы ‘близко’ влияют следующие факторы: лексическое значение содержащей данную сему единицы; морфологическая оболочка этой единицы (реализация в форме той или иной части речи); синтаксические функции этой лексической единицы (ее участие в формировании конструкций, имплицитующих характеристику “близко” вследствие сближения языковых компонентов в синтаксическом пространстве); коммуникативные характеристики лексической единицы, содержащей данную сему (функционирование рассматриваемой лексемы в рематической части высказывания).

Первый фактор – лексическое значение единицы – является одним из важнейших в дискурсивной фокусировке семы ‘близко’, поскольку лексическое значение – исходная точка для семантических модификаций в дискурсе.

Степень фокусировки семы ‘близко’ в лексических единицах выявляется при помощи дефиниционного анализа, проводимого в два этапа. Первый этап включает анализ словарной дефиниции лексемы, в результате

---

¹ Согласно концепции Я. Мукаржовского, «удовольствие является преобладающим ощущением в искусстве» [9, с. 68].

которого устанавливается наличие/отсутствие максимальной степени фокусировки рассматриваемой семы (дефиниционный аттрактор – концепт “расстояние”, языковые маркеры – элементы синонимического ряда со значением ‘расстояние’ *Entfernung, Distanz, Abstand, Ausdehnung, Strecke*, взаимодействующие – в рамках дефиниции – с лексемой со значением ‘количество’). Например, *Nähe – geringe Entfernung* (Duden) ‘близость – малое расстояние’, *Ferne – räumliche Entfernung, Distanz; größerer Abstand* (Duden) ‘даль – пространственное отстояние, дистанция; более значительное расстояние’. Второй этап анализа словарной дефиниции осуществляется при отрицательном результате первого анализа, т.е. при отсутствии указанных выше показателей максимальной фокусировки семы ‘близко’. Данный этап предусматривает дефиниционный анализ отдельных компонентов базовой дефиниции, за счет которого обнаруживается скрытое присутствие семы ‘близко’ в семантической структуре лексической единицы (дефиниционный аттрактор – сопряжение концептов “деятельность” + “расстояние” с профилированием концепта “деятельность”; языковые маркеры – предлоги с пространственным значением, вводящие в фокус внимания отношение объект/ориентир; лексемы со значениями ‘конечная/промежуточная/исходная точка пути’, ‘расстояние’, представленные – за счет синтаксического оформления дефиниции – как объект или фон деятельности). Например, *verbinden – zwei voneinander entfernte Dinge ... durch Überbrücken des sie trennenden Abstands zusammenbringen* (Duden) ‘соединить – установить связь между двумя удаленными друг от друга предметами за счет устранения разделяющего их расстояния’.

Лексемы, обнаруживающие маркеры семы ‘близко’ (в вариантах ‘близко⁺’, ‘близко⁻’) на первичном этапе дефиниционного анализа (*nahe* ‘близкий’, *fern* ‘дальний’, *weit* ‘далекий’ *sich nähern* ‘приближаться’, *sich entfernen* ‘удаляться’), обеспечивают изначально более высокую степень фокусировки данной семы, чем лексемы, в которых данная сема обнаруживается лишь на втором этапе дефиниционного анализа (*ankommen* ‘прибывать’, *verlassen* ‘покидать’, *berühren* ‘касаться’, *Grenze* ‘граница’, *Gestrüpp* ‘заросль’, *schmal* ‘узкий’, *benachbart* ‘соседний’, *zusammen* ‘вместе’, *hier* ‘здесь’).

Второй фактор, влияющий на степень дискурсивной фокусировки семы ‘близко’, это морфологическая оболочка лексической единицы. В соответствии с принципом *приоритета* [10] грамматическое оформление смысла содержит информацию о коммуникативной фокусировке его элементов. В данной статье мы исходим из того, что семантическое содержание, объективированное в форме глаголов и имен существительных, имеет изначально бо́льшую степень коммуникативной фокусировки, чем подобное содержание, объективированное в форме имен прилагательных и наречий (*eng* ‘тесный’ – *Enge* ‘теснота’, *breit* ‘широкий’ – *verbreitern* ‘расширять’, *teils* ‘частично’, *zerteilen* ‘делить на части’). Различие в фокусировке стало, вероятно, одной из причин того, что в древнейших концепциях исследователи неизменно выделяли лишь имена и глаголы

[11, с. 1093–1095], в то время как список других частей речи постоянно варьировался (ср. грамматику Панини, грамматику Варрона, Александрийскую грамматику). Рассматривая дихотомию глагол/имя существительное, можно предположить, что смысл, передаваемый с помощью глагола, выделен в большей степени, чем смысл, передаваемый с помощью имени существительного, поскольку глаголы, фиксирующие – за счет присущего им процессуального признака – изменяемость рассматриваемого фрагмента, способны в большей степени притягивать внимание реципиента¹, чем имя существительное, которое подчеркивает противоположную характеристику рассматриваемого фрагмента – его относительную неизменность, стабильность [13, с. 260–279]. Глагол намечает вектор развертывания смысла и регулирует ожидания реципиента, создает центр коммуникативной напряженности высказывания [14, с. 243], поэтому смысловое содержание, объективированное в форме глагола, обладает изначально наибольшей коммуникативной выделенностью.

При анализе коммуникативной фокусировки семы ‘близко’ мы учитывали восемь морфологических вариантов, объективирующих семантическое содержание языковой единицы, которые включают рассматриваемую сему: 1) глагол (*erreichen* ‘достичь’); 2) имя существительное (*Eindringen* ‘вторжение’); 3) имя прилагательное (*schmal* ‘узкий’); 4) наречие (*hierher* ‘сюда’); 5) причастие (*umschlingend* ‘обвивающий’); 6) предлог (*neben* ‘возле’); 7) местоимение (*beide* ‘оба’); 8) имя числительное (*der zweite* ‘второй’). Каждый морфологический вариант дает особую, только ему свойственную степень коммуникативной фокусировки объективируемого семантического содержания.

Принимая во внимание лишь важнейшие динамические аспекты – действие принципа приоритета (М.Б. Бергельсон, А.Е. Кибрик) и способность некоторых морфологических вариантов, объективирующих семантическое содержание языковой единицы, выступать в роли вершины синтаксических составляющих [15, с. 35], можно построить упрощенную шкалу коммуникативной фокусировки смысловых компонентов, объективированных в определенном морфологическом варианте:²

¹ По мнению С. Л. Рубинштейна, «для того чтобы внимание к какому-то предмету поддерживалось... предмет должен на наших глазах развиваться, обнаруживать перед нами новое содержание. Лишь изменяющееся и обновляющееся содержание способно поддерживать внимание» [12, с. 507].

² При построении упрощенной шкалы коммуникативной фокусировки смысла, объективированного в определенном морфологическом варианте, мы исходили из следующих когнитивно-коммуникативных аксиом:

- элементы в динамике заметны больше, чем элементы в статике (глагол vs. имя существительное);
- совокупность признаков заметна больше, чем отдельный признак (имя существительное vs. имя прилагательное, наречие);
- пропозиция, выраженная самостоятельным предложением, акцентирована больше, чем пропозиция, выраженная причастным оборотом (глагол vs. причастие);
- анафорические элементы фокусируют смысл слабее, чем кореферентные с ними элементы (местоимения vs. имена существительные);
- единицы, способные выступать в роли вершины синтаксических составляющих (VP, NP, AP, PP), акцентируют смысл больше, чем элементы, не выполняющие данную функцию (предлог vs. имя числительное).

1. Глагол; 2. Имя существительное; 3. Имя прилагательное/наречие/ причастие; 4. Предлог; 5. Местоимение/имя числительное.

Третий фактор, влияющий на степень дискурсивной фокусировки семы 'близко', это синтаксические функции лексемы, содержащей данную сему. Сема 'близко' может изначально не содержаться (находиться в удаленной периферии) в семантической структуре лексической единицы, но индуцироваться в ней (в ядре или ближайшей периферии семантической структуры) благодаря ее вхождению в определенные синтаксические конструкции, которые имплицитно характеризуют "близко" вследствие сближения¹ языковых компонентов в синтаксическом пространстве.

Рассмотрим три варианта конструкций, имплицитно содержащих сему 'близко' вследствие сближения языковых компонентов в синтаксическом пространстве: 1) многокомпонентные именные конструкции с тождественной синтаксической функцией всех компонентов (*Marie und Johannes sind längst in der Schule* 'Мария и Иоганн уже давно в школе'; *es stank nach altem Käse und nach saurer Milch* 'чувствовался неприятный запах старого сыра и кислого молока'); 2) генитивные конструкции со значением 'часть/целое' (*jetzt ist es wichtig, mit den Angestellten dieses Hotels gut klarzukommen* 'сейчас важно хорошо поладить со служащими этого отеля'); 3) сравнительные конструкции (*oft blieb er stehen... still wie ein Raubfisch* 'часто он останавливался... замирая, как хищная рыба'). Степень дискурсивной фокусировки семы 'близко' в рассмотренных конструкциях ниже, чем при использовании лексико-морфологических способов ее объективации, поскольку источником в этом случае выступает не отдельная лексема (так называемый точечный источник), а взаимодействие не менее двух лексических единиц (интерферентный источник, возникающий как результат наложения семантических потенциалов лексем, контактирующих в синтаксическом пространстве). Рассмотренные синтаксические конструкции сигнализируют о сближении ментальных пространств, активизируемых входящими в эти конструкции языковыми элементами. Первые две из указанных конструкций сигнализируют о сближении однодоменных ментальных пространств (входят в единую матрицу доменов, активизируемых высказыванием), последняя конструкция – сравнительная – о сближении разнодоменных ментальных пространств (входят в разные матрицы доменов, что порождает – при их дискурсивном сближении – стилистический эффект).

Четвертый фактор, влияющий на степень дискурсивной фокусировки семы 'близко', это коммуникативные характеристики лексической единицы, содержащей данную сему. Важнейшей коммуникативной

---

¹ В соответствии с одним из когнитивных принципов обработки информации «элементы, находящиеся близко друг от друга в пространстве и/или во времени, склонны восприниматься совместно [16, с. 551].

характеристикой, обеспечивающей выдвижение семантического содержания лексемы в фокус высказывания, является ее рематизация. При функционировании лексемы, содержащих сему 'близко', в рематической части высказывания ее общее семантическое содержание, в том числе и рассматриваемая сема, оказывается более акцентированным, чем при функционировании в тематической части высказывания: *Richtig erbittert wurde das, als Pa sich von Mutter trennte* 'по-настоящему ожесточенно это стало происходить тогда, когда отец ушел от мамы'.

С учетом названных четырех факторов можно построить упрощенную шкалу дискурсивной фокусировки семы 'близко' в диапазоне от 10 – макиальная фокусировка до 1 – минимальная фокусировка (таблица).

Т а б л и ц а

Шкала дискурсивной фокусировки семы 'близко'
(варианты 'близко⁺', 'близко⁻')

Степень дискурсивной фокусировки	Способы экспликации (выдвижения) семы 'близко'	Языковые средства	Примеры
10	Лексико-морфологические способы	Глагол: я д е р н а я локализация семы	<i>Sich nähern</i> 'приближаться', <i>sich entfernen</i> 'удаляться'
9		Существительное: я д е р н а я локализация семы	<i>Nähe</i> 'близость', <i>Ferne</i> 'даль'
8		Прилагательное/причастие/наречие: я д е р н а я локализация семы	<i>Nahe</i> 'близкий', <i>entfernt</i> 'удаленный', <i>fern</i> 'далекий'
7		Глагол: п е р и ф е р и й н а я локализация семы	<i>Ankommen</i> 'прибывать', <i>verlassen</i> 'покидать'
6		Существительное: п е р и ф е р и й н а я локализация семы	<i>Grenze</i> 'граница', <i>Gestrüpp</i> 'заросль'
5		Прилагательное/причастие/наречие: п е р и ф е р и й н а я локализация семы	<i>Schmal</i> 'узкий', <i>umschlingend</i> 'обвивающий', <i>zusammen</i> 'вместе'
4		Предлог	<i>Neben</i> 'возле'
3		Местоимение/числительное	<i>Beide</i> 'оба', <i>der fünfte</i> 'пятый'

2	Синтаксические способы	Однородные члены: именные конструкции со значением агентивности/ объектности	<i>Als der Empfangschef erscheint, überprüft Georg unwillkürlich Sakko, Hose und Hemd</i> ‘Когда появился администратор, Георг невольно окинул взглядом его <i>пиджак, брюки и рубашку</i> ’.
		Генитивные конструкции со значением ‘часть/целое’	<i>Er spürt die Beruhigung, die von den Räumen des Hotels ausgeht</i> ‘он ощутил успокоение, исходящее от <i>комнат отеля</i> ’.
		Сравнительные конструкции	<i>Oft blieb er stehen... still wie ein Raubfisch</i> ‘часто он останавливался ... замирая, как хищная рыба ’.
1	Коммуникативные способы	Рематическая часть предложения	<i>... als hätten wir uns vor wenigen Stunden nur kurz getrennt, um uns genau hier wieder zu begegnen</i> ‘как будто мы совсем недавно ненадолго <i>расстались</i> , чтобы именно <i>здесь</i> опять <i>встретиться</i> ’.

Используя данную шкалу, можно построить график дискурсивной фокусировки семы ‘близко’, который включает – в соответствии с указанными в шкале основными способами экспликации (выдвижения) семы ‘близко’ – лексико-морфологическую, синтаксическую и коммуникативную составляющие.

Анализ графиков, отражающих динамику дискурсивной фокусировки семы ‘близко’ в современном немецкоязычном романе, позволил выявить некоторые тенденции взаимовлияния семантических и прагматических параметров дискурса. Так, при реализации негативной оценочной составляющей дискурса наблюдается некоторое снижение гармоничности в волнообразном развертывании топологической семы ‘близко’, характерное – в произведениях признанных в социуме мастеров слова – для фрагментов дискурса с позитивной (нейтральной) эмотивной составляющей (рис. 1, 2 на стр. 52).

В приведенных примерах гармония в развертывании семы ‘близко’ снижается – при ее лексико-морфологической экспликации во фрагменте дискурса с негативной оценочной составляющей – в д в у х н а п р а в л е - н и я х : 1) нарушается слаженность в экспликации данной семы, что приводит к нейтрализации базовых – лексико-морфологических способов –

ее фокусировки (появление *лакун* на лексико-морфологической линии графика); 2) сужается диапазон средств экспликации семы 'близко', в результате чего происходит «зависание» на одном языковом средстве (удлинение горизонтальных фрагментов на соответствующей линии графика).

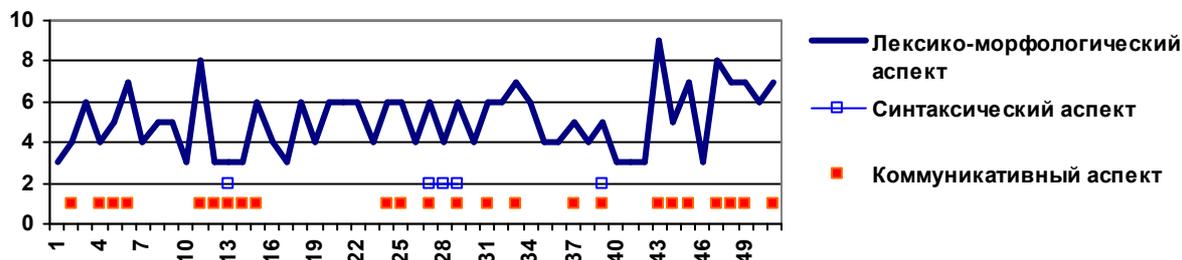

Рис. 1. Дискурсивная фокусировка семы 'близко' при реализации позитивной составляющей дискурса (начальный фрагмент романа N. Niemann «Willkommen neue Träume»)

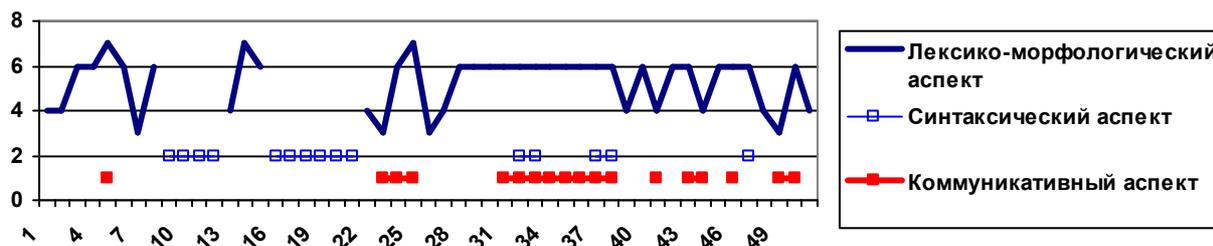

Рис. 2. Дискурсивная фокусировка семы 'близко' при реализации негативной составляющей дискурса (начальный фрагмент романа P. Süskind «Das Parfum»)

Выявленная тенденция взаимозависимости *семантических* параметров дискурса (характер дискурсивного развертывания одной из топологических сем – ослабление гармонии) и *прагматических* параметров дискурса (характер эмотивной составляющей рассматриваемого фрагмента дискурса – негативная) имеет теоретическое обоснование: психологами была обнаружена взаимосвязь между восприятием пространства (нарушениями ориентации в пространстве) и негативным эмоциональным состоянием человека [8, с. 87].

В перспективе для лингвистов может представлять интерес выявление зависимости между степенью *лакунарности* лексико-морфологической составляющей при экспликации пространственной семы 'близко' (а также между диапазоном «з а в и с а н и я» на одном языковом средстве при экспликации данной семы), с одной стороны, и типом *негативной* эмоции (страх, отвращение), передаваемой рассматриваемым фрагментом дискурса, с другой стороны. Не менее важным представляется анализ параметров

гармоничности, возникающих при экспликации семы 'близко' на фоне *позитивных* эмоций, передаваемых рассматриваемым фрагментом дискурса.

Исследование дискурсивных процессов микроуровневой локализации (в том числе и дискурсивного развертывания семы 'близко' как одного из их вариантов) позволит пролить свет на микроуровневые механизмы формирования эстетического потенциала художественного текста (уже в древности было замечено, что «скрытая гармония лучше явной» [17, с. 92]) и выявить скрытые закономерности устройства позитивно воздействующих текстов. Социальная значимость выявленных закономерностей проявляется в экологически ориентированной коммуникации, например, в работе службы «Телефон доверия».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт, В. фон. Форма языка / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – 2-е изд. – М. : УРСС, 2001. – С. 69–74.
2. Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – Благовещенск : БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 310 с.
3. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 608 с.
4. Сепир, Э. Элементы речи / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М. : Прогресс ; Универс, – 1993. – С. 43–56.
5. Mikrostrukturen und Makrostrukturen im älteren Deutsch vom 9. bis zum 17. Jahrhundert: Text und Syntax : Akten zum Intern. Kongr. an der Univ. Paris Sorbonne (Paris IV) 6. bis 7. Juni 2008 / hrsg. von Y. Desportes, F. Simmler, C. Wich-Reif ; Berliner Sprachwissenschaftliche Studien. – Bd. 19. – Berlin : Weidler, 2010. – 306 S.
6. Wiegand, H.E. Der Begriff der Mikrostruktur: Geschichte, Probleme, Perspektiven / H.E. Wiegand // Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires : Ein Intern. Handbuch zur Lexikographie. – Berlin ; N.Y. : de Gruyter, 1989. – S. 409–462.
7. Bierwisch, M. Poetik und Linguistik / M. Bierwisch // Literaturwissenschaft und Linguistik : Ergebnisse und Perspektiven / hrsg. von J. Ihwe. – Frankfurt/Main : Athenäum, 1971. – S. 568–586.
8. Изард, К.Э. Психология эмоций / К.Э. Изард. – СПб. : Питер, 2007. – 464 с.
9. Мукаржовский, Я. Исследования по эстетике и теории искусства / Я. Мукаржовский. – М. : Искусство, 1994. – 606 с.
10. Бергельсон, М.Б. Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка / М.Б. Бергельсон, А.Е. Кибрик // Известия АН СССР. – Сер. лит. и языка. – Т. 40. – 1981. – № 4. – С. 343–355.
11. Аристотель. Поэтика / Аристотель // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск : Литература, 1998. – С. 1013–1112.

12. *Рубинштейн, С.Л.* Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2002. – 781 с.
13. *Кубрякова, Е.С.* Части речи с когнитивной точки зрения // Е.С. Кубрякова. – М. : РАН, 1997. – 314 с.
14. *Делез, Ж.* Логика смысла / Ж. Делез. – М. : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – 480 с.
15. *Бейлин, Дж.* Краткая история генеративной грамматики / Дж. Бейлин // Современная американская лингвистика : Фундаментальные направления. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – С. 13–57.
16. *Солсо, Р.* Когнитивная психология / Р. Солсо. – М. : Тривола, 1996. – 600 с.
17. *Кессиди, Ф.* Гераклит / Ф. Кессиди. – СПб. : Алетейя, 2004. – 217 с.

The paper deals with the discourse focusing (profiling) of the topological seme ‘near’ in German fiction. The 10-grade scale of this seme focusing (profiling) on the basis of lexical, morphological, syntactic and communicative characteristics of the lexemes is presented. The schedules of micro-level process of discourse expansion of the topological characteristic “near” are surveyed. The interdependence of semantic and pragmatic parameters in the fragments of German fiction is described.

Поступила в редакцию 03.12.10

Л.Г. Щербакова

ОСОБЕННОСТИ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ МЕЖДОМЕТИЙ В НЕМЕЦКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье обосновывается актуальность исследования прагматических значений междометий в различных языках, так как они являются одним из средств выражения эмоционального состояния говорящего и побуждения его к определенным действиям. Проводится анализ научных работ, затрагивающих проблемы изучения семантических, морфологических и синтаксических особенностей этого класса слов, освещаются точки зрения на определение лингвистического статуса междометий. Излагаются некоторые наблюдения относительно их функций в зависимости от позиции в структуре высказывания. Важное место занимает обзор имеющихся в лингвистической литературе классификаций междометий, сопоставление их прагматических значений в немецком и белорусском языках.

Поскольку текст представляет собой продукт речевой деятельности говорящего, служащий для реализации определенного коммуникативного намерения, каждый элемент его структуры важен для формирования связности текста как базовой категории текстообразования и категории текстовой модальности.

Междометия предстают в речевом акте в качестве носителей текстуального коннотативного значения, отражающего отношения участ-

ников коммуникации, ее задачи и цели, эмоциональную насыщенность речи и т.д. С помощью междометий, которым присуща сжатость формы, богатство интонации, кратчайшим путем достигается выразительность речи, поэтому они и выступают неотъемлемым атрибутом речевого общения. Выражая эмоциональные состояния и волевые изъявления, междометия не означают и не называют их, т.е. не имеют номинативной функции, ввиду чего не имеют и предметно-логических значений. Наличие у них только коннотативного значения составляет специфику слов данной категории, что служит основой их тесной взаимосвязи со словами, обладающими предметно-логическим значением и являющимися эксплицитным выражением значений междометий.

Совокупность семантических, морфологических (отсутствие формально-грамматических показателей) и синтаксических (формальная синтаксическая изолированность от членов предложения, способность выступать как самостоятельное высказывание) категориальных признаков противопоставляет междометия другим частям речи. Междометие связано с основным предложением семантически, не входя в его структуру в качестве грамматического члена. Оно имеет определенное место в структуре предложения, зависящее от семантических отношений, связывающих его либо со всем предложением, либо с некоторой его частью. Существуют также определенные синтаксические и интонационные связи междометий с предшествующими и последующими элементами в потоке речи.

Междометия как особые лингвистические единицы являлись предметом научных исследований на материале различных языков: русского, английского, немецкого, белорусского и др. В научной литературе представлены также работы, посвященные сопоставительному изучению употребления междометий в русском и чешском, в немецком и английском, в немецком и русском языках, их тематика затрагивает следующие проблемы: семантические и структурные особенности междометий, синтаксические функции междометий, место междометий в системе частей речи, коммуникативно-прагматические значения междометий, интонация междометий и междометных высказываний и др. Особое внимание уделяется вопросам определения места междометий в системе частей речи, описанию их прагматических значений и просодической структуры.

О сложности определения лингвистического статуса междометий свидетельствуют встречающиеся в их описании весьма разнородные термины: «полуслова», «неполные слова», «эквиваленты предложений», «слова-предложения» и т.д. Представленные в толковых словарях русского языка определения характеризуют междометия как неизменяемую и не имеющую специальных грамматических показателей часть речи, служащую для выражения чувств и волевых побуждений. Однако нельзя утверждать,

что междометия находятся вне грамматики. Они, безусловно, входят в грамматическую структуру языка, употребляются в соответствии с определенными законами и правилами сочетаемости и несочетаемости языковых единиц.

Междометия – это морфологически неизменяемые и синтаксически изолированные слова, которые не принадлежат ни к самостоятельным, ни к служебным. В отличие от самостоятельных частей речи междометия не выполняют назывной функции, не изменяются, не членятся на морфемы и обычно не являются членами предложения. В отличие от служебных частей речи междометия не устанавливают отношений и не выражают связей с другими членами предложения. Данное определение, однако, не выражает точку зрения авторов, считающих, что междометия, как и наречия, союзы, предлоги, относятся к частицам (В. Флемиг, В. Кетц, Х. Глинц), которые не могут ни склоняться, ни спрягаться, не имеют категории падежа, числа и рода. Междометия выполняют экспрессивную и побудительную функцию, служат для выражения чувств, отношения говорящего к адресату и для установления контакта с ним.

В лингвистической литературе излагаются различные точки зрения относительно классификации значений междометий. Согласно Э. Штоку [1, с. 90], значения междометий являются:

1) ответной реакцией, например, утверждение (*mm, hm*), отрицание (*mh, mh*), подтверждение пристального внимания (*mhm, oje*);

2) сигналом говорящего, свидетельствующим о необходимости паузы хезитации (*ah, äh*);

3) выражением эмоций, например, радость (*ah, ha, juhu, hurra, hei*), нежность (*ei, eia*), боль, сожаление (*o weh, ach, herrje*), удовлетворение (*ah, oh*), брезгливость (*brr, pfui, ich, igihth, puh*), злость (*oho, ha, nana*), презрение, неприятие чего-л. (*ach (was), paperlapapp, ph(ö)*);

4) выражением приветствия (*hallo, hei, holla, he, heda*);

5) побуждением к действию, например, оставаться спокойным (*pst, sch, pscht*), удалиться (*sch, husch husch, ksch*), подойти поближе, позвать животных (*put put, miez miez*), работать в такт (*hau ruck*);

6) подражанием звукам и шумам (*hatschi, hihi, hala, hopp hopp, kikeriki, iah, kuckuck, ticktack, ritze ratze, tsch tsch tsch*).

Названные группы междометий представлены также в исследованиях других авторов как эмоциональные (эмоционально-оценочные), побудительные (императивные), междометия языкового этикета и звукоподражательные.

Эмоционально-оценочные междометия подразделяются на междометия с определенным значением (например, облегчение (*uff*), отвращение (*pfui*), радость (*ha, hä*) и междометия с неопределенным значением (например, междометие *ach* может выражать боль, печаль, тоску, сочувствие и др.). Семантика междометий определяется ситуацией и контекстом.

Чем шире значение слова, тем больше его зависимость от контекста. В группе эмоционально-оценочных междометий выделяются междометия с положительной оценкой, с отрицательной оценкой и с так называемой «промежуточной» оценкой, например: озадаченность, смущение.

Коммуникативно-прагматические значения междометий зависят от того, употребляются ли они как части высказывания (*Pst, sei doch endlich still!*), как члены предложения (*Hast du das Kikeriki gehört?*) или как самостоятельные высказывания (*Hee?* (произнесенное как вопрос)). Междометия в статусе сегментов актуализованных высказываний и речевых актов разделяются по их морфологической структуре на простые (первичные, истинные) или сложные (производные).

Производные междометия образуются от самостоятельных частей речи в результате потери ими лексических значений. Существительные, глаголы, наречия, модальные частицы, переходя в разряд междометий, сохраняют структуру тех классов слов, из которых они перешли в разряд междометий. Непременными условиями для образования производных междометий являются: синтаксическая изоляция, неспособность выступать в качестве члена предложения, неизменность слова, наличие авторских слов, поясняющих, что слово потеряло первоначальное значение, и др. В качестве междометно-восклицательных слов могут выступать существительные в форме обращения (*Junge, Kind, Mensch*), имена собственные, местоимения (*die, was, wie*), императивные формы глаголов (*komm, warte*), наречия (*schön, prima*), модальные слова (*ja, nein, doch*).

В зависимости от места в структуре включающего его высказывания различают междометия в препозиции, интерпозиции и постпозиции. Употребление междометия в препозиции имеет своей задачей эмоциональное подчеркивание содержания последующего высказывания, возбуждение у слушающего стремления постичь причину выраженной эмоции. В свою очередь, последующее высказывание служит основой для понимания прагматического значения междометия. Исключение междометия из структуры высказывания ведет к изменению его эмоциональной насыщенности (*Ach, den meinst du!*). Междометие участвует при этом в выполнении контактоустанавливающей функции. За ним нередко следует обращение (*Ach, Junge!*). Междометие побуждает слушающего к ответной реакции.

Интерпозиционные междометия членят высказывание, подчеркивая наиболее существенную в информативном плане часть (*Er ist, mein Himmel, merkwürdig!*).

Постпозиция не типична для междометий. Смещение междометий к концу высказывания связано со степенью возрастания эмоциональной насыщенности, которая определяется ситуацией общения и создаваемыми в результате речевого взаимодействия отношениями между коммуникантами. Положение в постпозиции характерно для репрезентативных, директивных и комиссивных речевых актов (*Bitte, schweigen Sie, ach!*).

Междометные высказывания могут употребляться в инициативных репликах, т.е. открывать диалогическое общение, оказывая воздействие на адресата и вызывая ответное действие. Их употребление может быть ограничено только репликами-реакциями, имеющими двоякую характеристику. С одной стороны, они представляют собой результат действия предшествующего высказывания, т.е. его перлокутивный эффект; с другой стороны, имеют собственную коммуникативную направленность и обладают определенной иллокутивной силой.

Решающим фактором при систематизации междометных речевых актов по коммуникативно-прагматическим типам являются интонационные характеристики междометий. Произнесенное с соответствующей интонацией междометие выполняет различные иллокутивные функции, варьирующе от всевозможных эмоциональных оценок до прямого побуждения участника коммуникативного акта к ответной реакции. В ряде случаев междометное высказывание сопровождается авторским комментарием, содержащим указание на интонацию произнесения („*Ach!*“ *sagt er, und es klingt fast bedauernd.* „*Oje, oje!*“ *rief er bestürzt*).

Междометные высказывания являются на семантико-синтаксическом уровне вводно-эмоциональными элементами, реализующими в зависимости от позиции во фразе такие коммуникативные функции, как контактоустанавливающая, контактоподдерживающая и контактозавершающая.

Контактоустанавливающую функцию выполняют междометия в апеллятивных (вокативных) речевых актах, употребляются с обращением и императивом (*He! Du! Hör doch!*). Междометные высказывания, произнесенные с восходящим движением тона, ставят своей целью привлечение внимания слушающего, вовлечение его в речевой контакт (*Na? Sag mal!*). Контактподдерживающую функцию выполняют, как правило, междометные вопросы (*Hm?*). Примером контактозавершающей функции являются междометия с выражением запрета (*Pst!*).

В работах немецких авторов, посвященных исследованию употребления междометий, проводится сопоставление прагматических значений отдельных междометий, описанных в разных научных источниках. Так, например, в книге К. Элиха «Междометия» [2] приводятся значения междометий *hm, na*, обусловленные речевой ситуацией и контекстом, отмечаются наиболее употребительные из них, которые чаще встречаются в экспериментальной выборке.

Изучению междометий на материале белорусского языка посвящены работы Э.Д. Блиновой, Л.Т. Выгонной, в которых рассматриваются не только прагматические значения междометий, но и их просодические характеристики (тембр голоса, паузы). В словаре контекстуальных значений немецких междометий и звукоподражательных слов, изданном авторским коллективом под руководством Н.И. Курьянко [3], описано около 300 немецких междометий с примерами, обозначением длительности гласных и направления движения тона в междометиях. Примечательным

является то, что дается перевод немецких фраз на белорусский язык с целью выражения аналогичных значений междометий в белорусском языке. Сопоставление значений междометий в немецких источниках, в названном словаре, в работах белорусских авторов позволяет сделать вывод о том, что некоторые из них относятся к интернациональным, употребляющимся во многих языках с близкими значениями. Однако для каждого языка большинство междометий специфические (нем. *eiaroreia*, *баю-бай*).

Как в немецком, так и в белорусском языках наиболее типичным для междометия является употребление в препозиции к включающему предложению с целью эмоционально подчеркнуть содержание всего последующего высказывания и вызвать у слушающего интерес постичь причину выраженной эмоции (*Nun, da bist du jetzt hier. Ай, ай, да чаго ж прыгожа!*) В белорусском языке междометия часто выступают в препозиции к местоимению *ты*, которое при таком употреблении теряет свое лексическое значение, приближается по функциям к частицам, интонационно сливается с междометием (*Эх ты, доля мая!*).

В качестве контактоустанавливающей функции междометие занимает иногда позицию перед обращением, указывающим на адресата речи, служит самовыражению говорящего, а также ставит своей целью активизировать собеседника (*Oh, Martin, das tut mir schrecklich leid! Ах, Мірон, каб хутчэй перастралі гэтых бандытаў!*). Междометия в интерпозиции и постпозиции встречаются в обоих языках крайне редко.

Самыми многозначными из контекстуальных междометий являются и в немецком, и в белорусском языках междометия *na* (*ну*) и *ach* (*ах*). В обоих языках междометие *na* может выражать [3, 28]:

- 1) нетерпение (*Na, wird's bald? Ну, скоро там?*);
- 2) удовлетворение (*Na, also! Ну, вось (бачыш)?*);
- 3) категорическое отклонение, неприятие (*Na, das verbiete ich mir aber! Ну, гэта я не пацярплю!*);
- 4) вежливое отклонение (*Na, hör mal! Was fällt dir ein? Ну, паслухай (прабач)! Што ты там надумаў?*);
- 5) вежливое обращение (*Na, mein Lieber, was möchtest du? Ну, мой даражэнькі, чаго жадаеш?*);
- 6) легкую угрозу (*Na, warte! Ну, пачакай!*);
- 7) облегчение (*Na, endlich! Ну, нарэшце!*);
- 8) недоверие, скептицизм (*Na, so was! Ну, і хто б падумаў!*).

Различаются немецкие и белорусские высказывания с междометиями своими просодическими характеристиками: направлением движения тона в междометиях, наличием или отсутствием паузы после междометия, ударением. Для более детального их описания требуется проведение экспериментального исследования на широком статистически достоверном языковом материале.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Stock, E. Deutsche Intonation / E. Stock.* – Berlin ; München ; Leipzig : Langenscheidt. Verl. Enzyklopädie, 1999. – 144 S.
2. *Ehlich, K. Interjektionen / K. Ehlich.* – Tübingen : Max Niemeyer Verl., 1986. – 289 S.
3. Слоўнік кантэкстных значэнняў нямецкіх выклічнікаў і гукапераймальных слоў / М.І. Кур'янка [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2005. – 43 с.

The article is devoted to the analysis of the pragmatic values of interjections, to the description of various definitions of interjections as a special class of words. The author focuses attention on the peculiarity in the use of interjections in the native and foreign languages.

Поступила в редакцию 24.01.2011

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А.С. Бадюля

ОТВЛЕЧЕННОСТЬ И ОБОБЩЕННОСТЬ
КАК АБСТРАКТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Процессы отвлечения и обобщения определяются задачами практической и познавательной деятельности субъекта и природой анализируемого объекта. Эти два вида абстрактности находят свою реализацию в двух разнонаправленных по способу формирования значениях имени – *отвлеченном* и *обобщенном*. *Отвлеченность* свойственна весьма неоднозначной группе существительных с особыми отличительными признаками. Использование абстрактного имени существительного во множественном числе сопровождается изменением его значения: отвлеченность действия, свойства, состояния от их носителя или материального предмета уступает место их конкретному проявлению или более тесной связи с субъектом. *Обобщение* как способ представления действительности имеет место, если речь идет об отсутствии связи передаваемого сообщения с конкретными ситуациями.

В практической деятельности человека процесс познания реальной действительности всякий раз ограничен кругом тех предметов, качеств, событий, действий, которые способны отразиться в сознании субъекта (*objet pensant*) в момент их восприятия. Отраженные предметы и их свойства сохраняются в форме понятий или логических категорий, которые, закрепляясь в системе языка, находят свое выражение в грамматике и лексике: «языковая форма является... не только условием передачи мысли, но прежде всего условием ее реализации. Мы постигаем мысль уже оформленной языковыми рамками» [1, с. 105].

Логико-философская интерпретация категорий *абстрактного* и *конкретного* состоит в противопоставленности мысленного образа, порождаемого на базе ощущений и представлений, материальному, чувственно воспринимаемому предмету, множеству предметов, которые являются первичными по отношению к мышлению, сознанию человека [2, с. 12]. Вместе с тем абстрактное как общее находится в оппозиции к конкретному как частному: такой процесс противопоставления реализуется в разнонаправленном – поступенчатом или постепенном – отвлечении, при котором низшая ступень/степень соответствует конкретности, а высшая – абстрактности [3; 4]. Иными словами:

1) абстрактное как нематериальное – это мысленный образ, представление; конкретное как материальное – это предмет или множество предметов;

2) абстрактное как общее представление о множестве предметов противопоставляется конкретному как частному (одному предмету); данная оппозиция раскрывается по разнонаправленным степеням отвлечения от

абстрактного или конкретного: высшая степень отвлеченности (образ, множество предметов) – абстрактность, низшая степень отвлеченности (предмет) – конкретность.

Радикально разграничиваясь, абстрактное и конкретное, как видим, имеют тем не менее точки соприкосновения.

Об этом свидетельствует тот факт, что говорящий, сознательно или бессознательно, “сочетает” абстрактное и конкретное: *убить время, воспоминания всплывают* и др.

Термины *конкретное* и *абстрактное* употребляются в языке довольно активно. Так, говорят о «конкретных фактах» и «конкретной истине», об «абстрактном мышлении» и «абстрактной живописи». В каждом случае такое словоупотребление имеет свое обоснование. Но если речь идет не о повседневном использовании, а о содержании категорий, исторически обозначаемых данными научными терминами, то они должны иметь свою лингвистическую дефиницию.

Категория *к о н к р е т н о г о* обычно понимается как многообразие единичных вещей и явлений, чувственно воспринимаемых человеком. Носителем конкретного является материальная действительность, т.е. мир объектов/предметов, способных быть воспринятыми и описанными человеком благодаря данным ему чувствам. Конкретность проявляется в объективной взаимосвязи свойств и определенных отношений, лежащих в основе того или иного предмета. Конкретность же познания раскрывается в формировании системы понятий, отражающих специфичность взаимодействия внутренних связей предмета, воспроизводящих его содержание.

Категория *а б с т р а к т н о с т и* соотносится не с реальными предметами, а их представлениями как «продуктом» мышления. Основу мыслительной деятельности человека создает понятие абстракции – «мысленного отвлечения, обособления от тех или иных сторон, свойств или связей предметов и явлений для выделения существенных их признаков» [4, с. 17–18].

Анализ подходов к содержанию абстрактности показывает, что эта проблема не является новой и опыт ее осмысления насчитывает десятки столетий. Тем не менее в языке, например, определение абстрактного имени и до настоящего времени остается как «неоднозначное, труднодостижимое и трудноинтерпретируемое» [5, с. 28]. Такой парадокс объясняется тем, что накопление знаний об этой части речи как языковом объекте способствует не столько решению старых проблем, сколько обнаружению новых.

Термин *абстрактный* используется на разных уровнях исследования – эмпирическом и теоретическом, поэтому и значимость этого термина неоднородна:

- во-первых, абстрактное – это форма разных способов процесса познания, что в быденном языке закреплено противопоставлением *мыслительное* (абстрактное) – *наглядно данное, чувственно воспринимаемое* (конкретное);

- во-вторых, абстрактное – это неполное, одностороннее знание об исследуемом объекте, т.е. всего лишь некоторая степень процесса познания;

- в-третьих, абстрактность/абстрактное – это научное понятие, полученное методом идеализации.

В.Г. Гак [6, с. 75–76] выделяет два вида абстрактности, отражающих разнонаправленность мыслительной деятельности субъекта: отвлечение и обобщение.

В языке первый вид соотносится с абстрактными единицами как обозначение свойства, отношения, состояния, отвлеченных от материальных предметов. Например, *Equipement (n.m.)* – 1. ‘Action d’équiper, de pourvoir du matériel, des installations nécessaires’ представлено *отвлеченное действие* как первичное значение этого абстрактного имени. Вторичное значение *Equipement (n.m.)* – 2. ‘Ensemble du matériel nécessaire à une activité’ [7, с. 381] сводится, по сути, к *обобщению* множества материальных предметов (*matériel*), объединенных весьма широким назначением (*nécessaire à une activité*).

Итак, процессы *отвлечения* и *обобщения* определяются задачами практической и познавательной деятельности субъекта и, естественно, природой анализируемого объекта. Эти два вида абстрактности находят свою реализацию в двух разнонаправленных по способу формирования значениях имени – отвлеченном и обобщенном.

Наличие в языке категории абстрактности, безусловно, связано с устройством человеческого мышления и является результатом отражения в нем абстрактных представлений о материальности окружающей действительности. Поскольку понятие абстрактного действительно только в соотнесенности с понятием конкретного, то и в языке определение разных абстрактных значений требует сопоставления со значением конкретным. При этом конкретность чаще всего интерпретируется как способность объекта воздействовать на органы чувств человека и возможность подвергнуть данный объект счету. Абстрактность понимается как неспособность объекта, обозначенного абстрактной единицей языка, ассоциироваться с какими-либо чувственно-наглядными образами и невозможность мысленно представить разделительное множество такого объекта.

При использовании этих положений в языке становится очевидным, что у категорий конкретного и о т в л е ч е н н о г о – совершенно разные сферы действия: первая имеет отношение к лицам, предметам и явлениям; вторая – к качествам, свойствам, действиям и состояниям. При этом речь идет исключительно об именах существительных, которым, как известно, свойственно категориальное значение предметности. Что же касается качества или действия, которые, на первый взгляд, исключают это определение, то следует пояснить: специфика человеческого мышления на определенном этапе познания состоит в том, что возникает необходимость рассматривать качества и признаки объектов, а также всевозможные их состояния как самостоятельные сущности. Этот фактор становится решающим для таких языковых явлений, как субстантивация и конверсия, суть которых – переход слова из одной частеречной группы в другую [8, с. 93–98]. Но в отличие от значения конкретных имен, обозначающих

реально существующие предметы, или качественных прилагательных, обозначающих свойства, глаголов, обозначающих действия, описанное образование значения абстрактных существительных как особых единиц не связано в сознании с чем-то конкретным и реальным, поскольку чувственно-наглядный образ отсутствует.

В связи с этим под понятие *предметности* подводятся опредмеченные качества (*blancheur, beauté, paresse*) и опредмеченные действия (*arrivée, attente, réflexion*). Подобные существительные на сегодняшний день составляют большую часть того класса языковых единиц, которые определяются как абстрактные имена и в которых качественные признаки (*blancheur*) мыслятся в отрыве от своих носителей, а действия и состояния (*attente*) представляют своего рода самостоятельные сущности, т.е. все они воспринимаются наглядно и чувственно (предметно).

Отсюда и расхождение между грамматическим и лексическим значениями абстрактных существительных: например, лексическое значение имени *доброта* выражает качество, свойство, признак (*Bonté (n.f.)* – ‘qualité morale qui porte à faire le bien, à être bon pour les autres’ [7, с. 126]), а категориальное – предметность; лексическим значением имени *движение* является действие (*Mouvement (n.m.)* – ‘Déplacement, changement de position d’un corps dans l’espace’ [7, с. 669]), а категориальным – тоже предметность и т.д.

Как известно, большинство абстрактных имен, с точки зрения происхождения, представляют собой синтаксические дериваты: они образуются от прилагательных и глаголов с сохранением их первоначального лексического значения.

Следует сказать о том, что в языке категория абстрактности не является самодостаточной: абстрактное значение, будучи тесно связанным с конкретным значением, одновременно противопоставляется ему по целому ряду признаков. С одной стороны, конкретность есть выражение целостности предмета познания, богатства и сложности его внутреннего содержания, а абстрактность, наоборот, свидетельствует о фрагментарности изучаемого объекта действительности, его неполноте и ограниченности. С другой стороны, абстрактность есть обязательная составляющая любого конкретного предмета: по своей сути предмет – это единство, состоящее из определенного набора свойств, каждое из которых может оказаться результатом отвлечения.

Как правило, отвлеченные существительные не имеют категории числа и не сочетаются с количественными числительными. Однако многие из них способны соединяться с показателями (наречиями) меры ‘много’ или ‘мало’ (типа *peu de patience, beaucoup d’émotion* и пр.). При этом если абстрактное существительное все же имеет возможность входить в оппозицию «единственное число – множественное число», то у формы множественного числа наблюдается сдвиг в лексическом значении: в этом случае имя исключается из системы отвлеченных (сравните, *l’honneur – les honneurs; la tendresse – les tendresses*). Итак, отвлеченность свойственна весьма неоднозначной группе существительных с особыми отличительными признаками: расхождением

между лексическим и грамматическим значением, отсутствием формы множественного числа и возможности сочетаться с количественными числительными.

Употребление абстрактного имени существительного во множественном числе, как уже отмечалось, сопровождается изменением его значения: отвлеченность действия, свойства, состояния от их носителя или материального предмета уступает место их конкретному проявлению или более тесной связи с субъектом. Например, *Cet homme a eu des bontés pour moi*. Если в единственном числе: *Bonté (n.f.)* – ‘qualité morale qui porte à faire le bien, à être bon pour les autres’, то во множественном числе: ‘actes de bonté, d’amabilité’ [7, с. 126].

Данный переход отмечается в словарях французского языка:

Honneur (n.m.) – ‘Sentiment que l’on a de sa dignité morale; fierté vis-à-vis de soi et des autres’. ♦ *pl.* ‘Marques d’intérêt ou de distinction accordées aux personnes que l’on veut honorer, célébrer’ [7, с. 507].

Tendresse (n.f.) – ‘Sentiment tendre, d’amitié, d’amour, qui se manifeste par des paroles, des gestes doux et des attentions délicates’. ♦ *pl.* ‘Témoignages d’affection’ [7, с. 1001].

Актуализируясь в связном тексте, абстрактные существительные способны получить значения, которые еще не зарегистрированы ни в толковых, ни в двуязычных словарях. Например,

Et nous avons compris que, comme nous, vous vouliez éviter un scandale qui ne pouvait que troubler les consciences. Ainsi que vous avez pu le voir, personne n’a hésité à trancher dans le vif.

В словаре дается только дефиниция имени в единственном числе:

Conscience (n.f.) – ‘Perception, connaissance plus ou moins claire que chacun peut avoir du monde extérieur et de soi-même’ [7, с. 238].

Или: *Les vieilles amitiés ne se remplacent pas.*

Ср. *Amitié (n.f.)* – ‘Sentiment d’affection, de sympathie qu’une personne éprouve pour une autre; relation qui en résulte’ [7, с. 36]. Значение имени во множественном числе отсутствует.

Конкретность и абстрактность, охватывая все потенциальные объекты человеческого познания, создают своего рода гармоническое единство, поскольку невозможно осознать смысл категории абстрактности вне ее сравнения с содержанием категории конкретности.

Обобщение как способ представления действительности имеет место, если речь идет об отсутствии связи передаваемого сообщения с конкретными ситуациями: в обобщающем высказывании представление свойств одного ряда не идентифицируется с реальным объектом. Чаще всего такую обобщенность можно наблюдать в высказываниях-суждениях (афоризмах, поговорках, пословицах), назидательный смысл которых воспринимается в свете общепризнанной истины. Именно это назначение высказывания объясняет тот факт, что имена существительные (как абстрактные, так и конкретные) используются в обобщенном значении:

называя какой-либо предмет, явление природы, качество, состояние или действие, имена не соотносятся с конкретным, реальным референтом. Например,

L'amour est aveugle.

Amour (n.m.) – ‘Elan physique ou sentiment qui porte un sexe vers l'autre, un être humain vers un autre’ [7, с. 37].

L'habitude est une seconde nature.

Habitude (n.f.) – ‘Disposition, acquise par la répétition, à être, à agir fréquemment de la même façon’ [7, с. 489].

Le besoin rend l'homme hardi.

Besoin (n.m.) – ‘Désir, envie, naturels ou pas; état d'insatisfaction dû à un sentiment de manqué’ [7, с. 112].

Est mauvais le berger qui aime le loup.

Berger (n.m.) – ‘Personne qui garde un troupeau de moutons, qui le soigne’ [7, с. 111].

Loup (n.m.) – ‘Mammifère carnivore, à pelage gris jaunâtre, vivant en meutes dans les forêts d'Europe, d'Asie et d'Amérique’ [7, с. 599].

Таким образом, необходимо иметь в виду, что отвлеченность и обобщенность как лингвистические понятия имеют разное содержание. Данный факт необходимо принимать во внимание при выделении критериев, обеспечивающих объективность дифференциации значений абстрактных и конкретных лексических единиц, в частности, при анализе употребления абстрактного имени во множественном числе и конкретного существительного с обобщенной семантикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист, Э. Категории мышления и категории языка / Э. Бенвенист // Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – Гл. 8. – С. 104–115.
2. Кондаков, Н.И. Логика : пособие для учителей / Н.И. Кондаков. – М. : Учпедгиз, 1954. – 512 с.
3. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Минск : Изд-во В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
4. Словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под ред. чл.-кор. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
5. Чернейко, Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко. – М. : МГУ, 1997. – 349 с.
6. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология / В.Г. Гак. – М. : Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
7. Le Petit Larousse Illustré. 2008 – Paris, 2007. – 1812 p.

8. Аладьин, О.А. Функционирование отвлеченного значения в логике и в русском языке / О.А. Аладьин // Вопр. гуманитарных наук. – 2009. – № 1. – С. 93–98.

The problem of the differentiation between abstract and concrete nouns is one of the most difficult problems in linguistics. In this article our attention is focused on different approaches to the definitions of the notions 'concrete' and 'abstract' in modern linguistics, logic and philosophy. The article shows specific features of abstract nouns in French and differentiates two abstract meanings – abstractness and generalization – which are characteristic not only of abstract nouns but also of concrete nouns.

Поступила в редакцию 26.11.10

А.Г. Голодов

ФУТБОЛ КАК ФЕНОМЕН МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ВЛИЯНИЕ ЕГО ЯЗЫКА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЛЕКСИКУ (на материале немецкого языка футбола)

В статье исследуются футбольные метафоры, употребляемые в языке политики и экономики с целью создания образной, эмоционально-оценочной характеристики. Употребительность футбольных заимствований в политике объясняется популярностью самого футбола и структурным сходством спортивной (футбольной) борьбы с политической, а также определенным сходством футбольных терминов и жаргонизмов с политическими идеологизированными терминами. Эти термины содержат такой признак, как полиэмоциональность (позитивная или негативная окраска) в зависимости от мировоззренческих и социальных условий функционирования. Часто футбольные метафоры употребляются в языке политической и экономической публицистики не как изолированные единицы, а целым блоком, что придает всему повествованию динамичный и образный характер. Футбольные метафоры встречаются обычно там, где действительно возникает необходимость не просто констатировать какой-либо факт, а дать ему образную, эмоционально-оценочную характеристику, что привлекает внимание читателей.

Футбол в современном обществе давно перестал быть просто игрой. Он стал составной частью политики, экономики и всей повседневной жизни многих стран, влияющей на настроение широких масс населения. За несколько дней до начала чемпионата мира по футболу в ФРГ канцлер ФРГ Ангела Меркель сказала: «Успешное выступление немецкой команды выйдет за рамки футбола и наверняка сможет содействовать созданию позитивного настроения в стране» (Bild am Sonntag. 04.06.2006, S. 8). Немецкий колумнист Ф.Й. Вагнер написал во время чемпионата мира: «Сборная ФРГ стала чемпионом мира в изменении немецкой ментальности (Mentalitätswechsel) в стране, которую в последние годы называли чемпионом мира по пессимизму (Pessimismus-Weltmeister)» (Die Bildzeitung. 26.06.2006, S. 2).

Среди профессиональных подъязыков (немецкие филологи чаще используют термин *Fachsprachen* (профессиональные языки) можно выделить такие, которые оказывают «существенное влияние на общее употребление, а через него – на литературную норму...» [1, с. 176]. К наиболее влиятельным видам профессиональных (отраслевых) языков (подъязыков) относится язык футбола, и, в первую очередь, его разговорный вариант (РЯФ).

В глазах многих исследователей язык футбола всегда был загадкой и воспринимался ими как явление второстепенное, несерьезное, служащее только для развлечения. Эта точка зрения явно не соответствует реальности, так как, начиная со второй половины XX в., футбол стал феноменом массовой культуры. Не случайно финальные игры чемпионата мира 2006 г. в ФРГ смотрели одновременно около трех миллиардов человек и футбольные репортажи велись почти на всех языках мира. Все это обусловило растущее влияние языка футбола как на общий язык, так и на другие отраслевые лексические системы. Отдаленность языка футбола от узкоспециальной терминологии приближает его к общеупотребительной части словарного состава языка – разговорной речи. Это делает исследование языка футбола особенно привлекательным, поскольку он, являясь основой всего языка спорта, отражает многие тенденции развития самой немецкой разговорной речи в целом. При этом РЯФ представляет собой как бы немецкий общеразговорный язык в миниатюре, поскольку обслуживаемая им отрасль (футбол) является моделью современного общества, что определяется самим нестандартным местом футбола в системе современной цивилизации, где религиозные итальянцы ставят знак равенства между футболом и религией, а мнение тренера клуба «Ливерпуль» – «футбол важнее, чем жизнь и смерть» („Fußball ist wichtiger als Leben und Tod“) (Die Kunst des Fußballs – TV Arte, am 04.06.2006) разделяют сегодня миллионы фанатов в различных странах. Кроме того, по результатам опроса, проведенного учеными США (где футбол далеко не так популярен, как в Европе или Южной Америке), футбол был признан самым «захватывающим, неожиданным и непредсказуемым видом спорта в мире» (Информация телеканала НТВ. 05.01.2006).

Футбольная метафора играет в современном немецком языке особую роль, поскольку футбол относится к видам спорта, лексика которых оказывает наибольшее влияние на общезыковую. Причина этого кроется в том, что она популярна, общедоступна и регионально не ограничена. Кроме того, влияние вида спорта и, соответственно, обслуживающей его лексики, зависит от места этого вида спорта в прессе, радио и телевидении, количества зрителей и членов футбольного объединения. По всем этим позициям футбол в ФРГ явный лидер, а количество членов футбольных клубов намного превышает два миллиона [2, S. 218].

В спорте в целом, и в футболе в частности, наиболее рельефно отражаются характерные особенности современного общества, способы реализации конкретного индивидуума. В этом отношении футбол не первичен. Просто он на виду у всех и многое, что удается замаскировать в

реальной жизни политикам и крупным бизнесменам, невозможно скрыть от миллионов болельщиков, наблюдающих как за событиями на футбольном поле, так и вокруг него. Как следствие, РЯФ отражает тенденции в обществе, культуре и в национальном языке. Он помогает восстановлению фрагментов языковой картины мира, где конфронтация и эгоизм как следствие перманентной борьбы за «место под солнцем», а также непредсказуемость протекания процесса и его конечного результата определяют философию рыночно ориентированного общества в целом и его важнейшей составной части – «футбольного шоу-бизнеса» в частности.

Разговорно окрашенные обозначения специальных понятий в РЯФ демонстрируют определенное сходство с идеологизированными политическими терминами, которые содержат такой признак, как полиэмоциональность (позитивная или негативная окраска) в зависимости от мировоззренческих, социальных условий функционирования [3, с. 18]. РЯФ отражает, так же, как и идеологизированная лексика, конфронтационность самой обслуживаемой отрасли. При этом в РЯФ решающим фактором является уже не идеологическое противостояние, а спортивное, т.е. восприятие событий с точки зрения *свой* $\leftrightarrow$ *чужой*, которое чаще всего основывается или на локальном признаке (наши = местные), или на национальном (наши = немцы). Указанное сходство можно считать одной из причин популярности футбольных метафор в политической лексике.

Футбольные метафоры очень образны, динамичны и популярны, поэтому они нашли применение во многих важных областях немецкой общественной и экономической жизни. Особенно часто прибегают к помощи футбольных метафор политики и журналисты. Политики поняли, пожалуй, даже раньше журналистов, что «футбол хорошо воспринимается избирателем» ('Fußball kommt beim Wähler an, so denken viele Politiker') (Die Bildzeitung. 06.04.2002, S. 2).

«Обращаясь к чему-то новому, сложному, не до конца понятному, человек нередко пытается использовать для осмысления элементы какой-либо более знакомой и понятной сферы. При метафорическом моделировании политической сферы, отличающейся сложностью и высокой степенью абстракции, человек часто использует более простые и конкретные образы из тех сфер, которые ему хорошо знакомы» [4, с. 124]. А в ФРГ нет, пожалуй, другой сферы деятельности, которая была бы известна такому количеству людей, как футбол и, соответственно, его язык.

Описывая современное состояние общества, журналисты применяют целый набор негативно-оценочных средств из футбольной отрасли. При этом особенно отчетливо проявляется сходство между нравами верхушки профессионального футбола как ведущей отрасли современного шоу-бизнеса и политическо-экономической элиты. Известный немецкий журналист Петер Хане пишет по этому поводу: «Не проходит и дня без охаивания *корректной (справедливой) игры (Fair Play)*, порядочного обращения друг с другом, соблюдения неписанных законов. *Игру с грубым нарушением правил*

(*Foulspiel*) можно увидеть не только в футболе. Удары соперника локтем (*Ellenbogencheck*), преднамеренное нарушение правил для предотвращения острой атаки соперника (*Notbremse*), совершаемое игроком обороны или тактические фолы (*taktische Fouls*), имеющие целью сорвать атаку противника, давно уже не ограничиваются стадионами. В политике, экономике и обществе – также и в нашем приватном и профессиональном окружении – наблюдаются некорректные атаки (*unfaire Attacken*). Моббинг (*Mobbing*) и интриги, сплетни и издевательства, жадность и алчность (*Geiz und Gier*) являются частью повседневной жизни и становятся массовым спортом (*Volkssport*): (оригинальный текст: „Kein Tag vergeht ohne Verhöhnung des *Fair Play*, des anständigen Umgangs miteinander, des Einhaltens der ungeschriebenen Gesetze. Krasses *Foulspiel* gibt es längst nicht nur beim Fußball. *Ellenbogencheck*, die „*Notbremse*“ eines *Abwehrspielers* oder *taktische Fouls* sind keineswegs aufs Stadion beschränkt. In Politik, Wirtschaft und Gesellschaft – auch in unserem privaten und beruflichen Umfeld gibt es *unfaire Attacken*. *Mobbing* und *Intrige*, *Nachrede* und *Schikane*, *Geiz* und *Gier* gehören zum Alltag, werden zum *Volkssport* (Bild am Sonntag. 11.12.2005, S. 16).

Приведенный фрагмент текста показывает, насколько близки философия футбола и общественно-политическая жизнь, что и является причиной частого применения футбольных метафор в публицистике (особенно политической).

В следующем комментарии, написанном известным немецким экономистом и бизнесменом Х.О. Хенкелем, речь идет о том, что менеджеры высшего звена должны соблюдать правила игры (как в футболе), и если они их нарушают, то должны быть строго наказаны. При этом он образно употребляет для описания юридических наказаний наименования самых строгих футбольных: *Elfmeter* (пенальти), а в особо тяжелых случаях – предупреждения с последующим удалением с поля – *Rote Karte* (красная карточка). В футболе показанная судьей «красная карточка» обозначает удаление с поля (за грубое нарушение правил), что влечет за собой запрет на дальнейшее участие в матче („opt. Zeichen des Schiedsrichters für einen von ihm ausgesprochenen Feldverweis, auch ausgedrückt in der Wendung «er zeigte dem Spieler 'Rot'»...“ [5]: «Самообогащение существует не только в США. К сожалению, оно есть и у нас... Но дело не в нашей экономической системе. Дело в тех, кто не соблюдают правила. Если защитник допускает грубое нарушение правил (*Spielt ein Verteidiger ein böses Foul*), то обвиняют не футбол (*Fußball*), а игрока (*Spieler*). Чтобы обеспечить корректную игру в футбол, необходимы правила, судья и санкции в виде желтых карточек (*gelbe Karte*) и пенальти (*Elfmeter*). Правила игры действуют и в экономике. Если выяснится, что наблюдательные советы концерна Mannesmann накрутили сами себе неоправданные премии, тогда уже недостаточно пенальти (*Elfmeter*). В этом случае необходимо показать красную карточку (*Rote Karte*). Их необходимо удалить с поля» (оригинальный текст: „Selbsterreichung gibt es nicht nur in den USA. Es gibt sie leider auch bei uns... Aber an unserem Wirtschaftssystem liegt es bestimmt nicht. Es liegt an denen, die

sich nicht an seine Regeln halten. *Spielt* ein *Verteidiger* ein *böses Foul*, dann macht man ja auch nicht den *Fußball*, sondern den *Spieler* verantwortlich. Um ein faires Fußballspiel zu sichern, braucht man Regeln, einen *Schiedsrichter* und Sanktionen wie *gelbe Karte* und *Elfmeter*. Spielregeln gelten auch für die Wirtschaft. Sollte sich herausstellen, dass Aufsichtsräte bei Mannesmann-Vorständen oder gar sich selbst ungerechtfertigte Prämien zuschusterten, dann genügt kein *Elfmeter* mehr. Dann muss die *Rote Karte* her. Sie müssten *runter vom Platz*“ (Die Bildzeitung. 25.07.2002, S. 2).

В следующей ситуации предлагается «показать красную карточку» (т.е. ‘удалить с поля’ = лишить должности) руководителя немецкой железной дороги Хартмута Меедорна (Bahnhof Hartmut Mehdorn), который назвал поездку по железной дороге длительностью более четырех часов пыткой (Tortur), чем подтвердил критику качества услуг, предлагаемых руководимым им ведомством (Die Bildzeitung. 23.10.2002, S. 5).

В языке политики футбольная метафора *красная карточка* употребляется в несколько суженном значении, поскольку здесь речь идет не об удалении с последующим запретом, а только о запрете на какой-либо вид деятельности, например: «Правым следует показать *красную карточку*, причем срочно» („Den Rechten gehört die *rote Karte* gezeigt – und zwar sofort!“ (Die Bildzeitung. 22.04.2006, S. 2). В данном эпизоде обсуждается необходимость запрета правой (нацистской) партии, которая за 50 дней до начала чемпионата мира по футболу в ФРГ устроила в Потсдаме настоящую охоту на темнокожих иностранцев.

В аналогичном значении футбольное словосочетание *rote Karte* использовано в эпизоде, в котором говорится о недопустимости повышения налога на добавленную стоимость в федеральных землях, где в состав правящей коалиции входит партия свободных демократов (FDP): «Поэтому три федеральных земли, в которых партия свободных демократов входит в состав правящей коалиции, сегодня не будут голосовать за вредное повышение подоходного налога. Обдиранию населения мы говорим: *красная карточка!*» (оригинальный текст: „Deshalb werden die drei Bundesländer, in denen die FDP mitregiert, der schädlichen Mehrwertsteuererhöhung heute nicht zustimmen. Zum Abkassieren sagen wir: *Rote Karte!*..“ (Die Bildzeitung. 16.06.2006, S. 2).

В «более футбольном значении», включающем «удаление + запрет», словосочетание *красная карточка* применили «телевизионщики» для описания ситуации, когда сотрудницу *удалили с поля* (т.е. из программы): «*Красная карточка*. Аннети Фляйшер из программы RTL-„Heimspiel-WG“ выгнали с ежедневной пресс-конференции Немецкого футбольного союза за дурацкие вопросы» („*Rote Karte*. Annette Fleischer von der RTL- „Heimspiel-WG“ flog wegen 'Blödelfragen' aus der täglichen DFB-Pressekonferenz“ (Bild Sport. 23.06.2006).

Нередко в языке политики и экономики метафорически употребляется футбольный термин *Steilvorlage*: ‘длинный, острый (голевой) пас вперед, на

выход', т.е. речь идет о такой передаче, которая выводит атакующего игрока непосредственно к воротам, где он получает хорошую возможность забить гол („ein weites geradeaus nach vorn gerichtetes Zuspiel“ (WdFS).

В теленовостях канала Deutsche Welle в комментарии по поводу продления правящей коалицией срока эксплуатации атомных электростанций читаем: „Продление срока эксплуатации атомных электростанций было *острым (голевым) пасом на выход для партии Зеленых*» (оригинальный текст: «Die Verlängerung der Laufzeit der Atomkraftwerke war *eine Steilvorlage für die Grünen*“ (TV-Deutsche Welle, am 31.12.2009). Употребляя данную футбольную метафору, модераторы, передачи хотели подчеркнуть, что своим политическим решением правящая коалиция (ХДС, ХСС, СвДП) как бы «подставилась», т.е. дала возможность использовать партии Зеленых в предвыборной агитации крайне настороженное отношение многих немцев к проблеме производства атомной энергии.

В следующем эпизоде популярное футбольное терминологическое словосочетание *einen Steilpass (= Steilvorlage) spielen* ('дать длинный, острый пас на выход', т.е. сделать передачу из глубины обороны непосредственно, минуя промежуточные инстанции, своему нападающему, находящемуся далеко впереди) употреблено для обозначения *непосредственного* (напрямую, не через министра) обращения канцлера к госсекретарю министерства экономики: «...Поэтому канцлер дал *длинный, острый пас* вперед госсекретарю в министерстве экономики Такке. Тот сначала тщательно прозондировал ситуацию, потом *передал мяч* дальше государственным кредитным учреждениям, вероятно для подготовки гарантий» (оригинальный текст: „...Deshalb *spielte* der Kanzler einen *Steilpass* an Wirtschafts-Staatssekretär Tacke. Der „sondierte erst mal vorsorglich“, *spielte* dann den *Ball* weiter an die staatliche Kreditanstalt, wohl um schon mal Bürgschaften vorzubereiten (Die Bildzeitung. 06.04.2002, S. 2).

Чисто футбольный термин *Abseitsfalle* (*офсайдная ловушка*), т.е. 'намеренно созданное положение вне игры', придает яркую образность политической статье, в которой речь идет о том, что США и Англия, протезирующие вступление Турции в Европейское сообщество, загоняют этим самым немецких лидеров – канцлера Х. Шрёдера, вице-канцлера Й. Фишера и еврокомиссара от ФРГ Г. Верхойгена – в «офсайдную ловушку». Все трое знают, что вступление мусульманской Турции в сообщество подорвет его христианскую основу, а новые иммигранты из Турции создадут огромные проблемы для немецкого рынка труда (оригинальный текст: „Würde die Türkei mit ihren schon in absehbarer Zeit 90 Millionen Menschen zum bevölkerungsreichsten und damit politisch mächtigsten Mitglied der Europäischen Union aufsteigen, hätte die Vision von einem vereinten Staatenbund europäischer Völker und Nationen ausgespielt“). Но тем не менее они намеренно «тащат» туда страну, вопреки мнению собственного населения, выполняя волю транснациональных концернов, контролируемых в основном США (оригинальный текст: „Natürlich müssen die Schröder, Fischer, Verheugen etc., etc. dies sehr

genau wissen. Trotzdem möchten sie den EU-Beitritt der Türkei offenbar um jeden Preis auch gegen die eigenen Bürger durchdrücken...“ (Westfalen-Blatt. 07.05.2004, S. 4).

Статья так и называется „Sturmlauf in die *Abseitsfalle*“ (= бегом в офсайдную ловушку):

Конец рабочего дня в бундестаге в дни футбольного чемпионата мира в ФРГ стали обозначать футбольным жаргонизмом *abpfeifen* (дать свисток к окончанию игры): („...eine Halbzeit, das Spiel durch einen Pfiff beenden...“ [6]): «В бундестаге вовремя дается свисток к окончанию игры» („Im Bundestag wird pünktlich **abgepfiffen**“ (Die Bildzeitung. 19.06.2006, S. 2). В этой же статье госпожа канцлер А. Меркель, участвующая в дебатах по вопросам бюджета и политики, получает популярный в языке футбола «титул» *Spielführerin* (капитан команды): «игрок, избранный командой для общения с официальными лицами» („von einer Mannschaft gewählter oder bestimmter Spieler, der die Mannschaft den Offiziellen gegenüber vertritt...“ [6]: «Продолжение консультаций по вопросам бюджета... Капитан команды Ангела Меркель выходит на трибуну» (оригинальный текст: „Fortsetzung der Haushaltsberatungen... „*Spielführerin*“ Angela Merkel tritt ans Rednerpult“ (Die Bildzeitung. 19.06.2006, S. 2).

В дни футбольного чемпионата в ФРГ футбольные метафоры стали особенно популярны. Так, в статье для наименования хаоса и неспособности к проведению реформ в рамках большой коалиции (СДПГ – ХДС – ХСС) употреблен футбольно-разговорный глагол *verdrribeln*, который не фиксируется специальными футбольными словарями и может соответствовать русскому *заводиться, завестись* (запутаться в собственном дриблинге, т.е. в собственных трюках): «Коалиция *запуталась в собственных трюках*... неделю за неделей спорят Союз (ХДС) и СДПГ о деталях. Они *делают передачи поперек поля*, вместо того чтобы *делать передачу вперед*... В настоящее время создается впечатление, что коалиция *заигралась в мелких перепасовках* (оригинальный текст: „Die Koalition *verdrribelt* sich... Woche für Woche zanken Union und SPD um Details. Sie *spielen Querpäss* statt *in die Spitze*... Im Moment sieht es so aus, als ob die Koalition sich im *klein-klein verdrribelt*“ (Bild am Sonntag. 18.06.2006, S. 13).

В приведенном примере употреблено еще два футбольных словосочетания, которые обозначают в футболе противоположные понятия и образуют в указанном эпизоде «футбольно-политическую» антитезу:

а) *Querpäss spielen* (играть поперек поля, т.е. непродуктивно, не продвигаясь к воротам противника) $\leftrightarrow$ б) *in die Spitze spielen* (играть остро, агрессивно, нацеленно на ворота противника).

В политическом тексте выражение *Querpäss spielen* употребляется для обозначения непродуктивной работы парламента без продвижения к цели – т.е. принятию необходимых решений. Для наименования *продвижения к цели* (в данном случае не состоявшегося) в статье применяется выражение *in die Spitze spielen*.

В следующем эпизоде политика сравнивается с *командным видом спорта*, основу которого составляет, как известно, футбол: «Политика – это *командный вид спорта*. Какой смысл в лучших *игроках*, если между ними нет взаимопонимания» (оригинальный текст: „Politik ist ein *Mannschaftssport*. Was nützen die besten *Einzelspieler*, wenn sie nicht miteinander auskommen?“ (Die Bildzeitung. 23.11.2004, S. 2).

Футбольные метафоры могут использоваться бульварной прессой для образной характеристики членов правительства. Незадолго до смены правительства в ФРГ газета „Bild“ поместила фотографии министров, где каждому из них была дана с использованием РЯФ характеристика по образцу той, какую обычно получают игроки футбольной сборной команды. Например, министр транспорта (Verkehrsminister) Stolpe получил «футбольный титул» ***Eigentorspezialist*** (*специалист по забиванию голов в свои ворота*). В краткой характеристике, которая следует за титулом, дается обоснование последнего: «Редко играет в атаке, забивает один гол за другим в собственные ворота» („Spielt kaum nach vorne, schiebt ein Eigentor nach dem anderen (Pannen bei LKW-Maut, Bahn-Chaos, Aufbau Ost)...“ (Die Bildzeitung. 25.06.2004, S. 2). Интересно, что для наименования неудач в области транспорта здесь употреблено множественное число существительного ***Pannen*** (*неисправность, неудача, ошибка*), которое очень популярно в РЯФ в качестве обозначения ошибок игроков (в особенности вратарей).

Вице-канцлер министр иностранных дел Joschka Fischer характеризуется как «костяк команды, он *сохраняет* в коалиции *ворота в неприкосновенности (сухими)*. У него большой *опыт игр за рубежом* (уже 92 поездки за рубеж), разруливает деликатные ситуации» (оригинальный текст: „Rückgrat der Mannschaft, *hält* in der Koalition den *Kasten sauber*. Hat die größte *Länderspielerfahrung* (schon 92 Auslandsreisen), klärt auch heikle Situationen...“ (Die Bildzeitung. 25.06.2004, S. 2). Предлагаемая характеристика: «*костяк команды... сохраняет ворота сухими... имеет самый большой опыт международных встреч...*» вполне могла быть с полным основанием применена в отношении любого ведущего футболиста, например знаменитого Франца Беккенбауэра или Михаэла Баллака.

Очень популярна в общезыковой публицистике футбольная метафора ***Eigentor*** ‘гол, случайно забитый защищающейся командой в собственные ворота’ („unabsichtlich von einem Spieler der verteidigenden Mannschaft ins eigene Tor beförderte Ball; zählt als Treffer für den Gegner“ [5]). Она служит в политической лексике обычно для эмоционально-оценочного выражения понятия *совершить ошибочное действие, которое пошло на пользу политическому противнику*, например: «Настоящий *гол в свои ворота*. Кажется, что ХДС не в своем уме. Как раз в тот момент, когда корабль красно-зеленой коалиции как никогда ранее испытывает сильную качку, ХДС представляет общественности на редкость безвкусный плакат. Показать фото канцлера с надписью: «Его разыскивает полиция» – это уж слишком и не вписывается в политическую культуру демократии... этим плакатом, на

котором изображен Шрёдер, Союз (ХДС) забил малоприятный гол в собственные ворота» (оригинальный текст: „Ein echtes Eigentor. Die CDU scheint von allen guten Geistern verlassen zu sein. Just in dem Augenblick, in dem das rotgrüne Regierungsschiff schlingert wie nie zuvor, geht sie mit einem an Geschmacklosigkeit kaum zu überbietenden Plakat an die Öffentlichkeit. Den Kanzler im Fahndungsfoto zu zeigen, ist peinlich und steht außerhalb der politischen Kultur einer Demokratie...mit dem Schröder-Plakat hat sich die Union ein unappetitliches *Eigentor geschossen*“ (Die Bildzeitung. 25.01.2001, S. 2).

До сих пор в ФРГ не забыто скандальное разоблачение работавшего референтом канцлера В. Брандта разведчика из ГДР Г. Гиёма. В настоящее время некоторые бывшие политики пытаются приукрасить свою роль и оправдать свои действия в этом скандальном деле. В следующей ситуации это образно сравнивается с попыткой забить гол с помощью удара в падении через себя, где гол (*Tor*) символизирует цель, а вид удара – в падении через себя (*Fallrückzieher*) призван подчеркнуть, что речь идет о событиях минувших дней (т.е. находящихся позади, за спиной соответствующего действующего лица): «В. Брандт написал лаконично в 1974: “Я беру на себя политическую ответственность за халатность в связи с разоблачением агента Гиёма и заявляю о своей отставке с поста федерального канцлера”. Вот и все. Тем временем тексты и комментарии стали повсюду длиннее. Свои собственные действия объясняются, приукрашиваются и извиняются. Кажется, некоторые поверили в то, что смогут, падая, забить гол ударом через себя» (оригинальный текст: „W. Brandt hatte 1974 noch knapp geschrieben: „Ich übernehme die politische Verantwortung für Fahrlässigkeiten im Zusammenhang mit der Agenten-Affäre Guillaume und erkläre meinen Rücktritt vom Amt des Bundeskanzlers“. Das war’s. Inzwischen sind Texte und Erläuterungen durchweg länger geworden. Das eigene Handeln wird erklärt, geschönt, entschuldigt. Mancher scheint sogar zu glauben, beim Sturz mit einem *Fallrückzieher* schnell noch ein *Tor schießen* zu können“ (Die Bildzeitung. 19.02.2000, S. 2).

Футбольные метафоры встречаются и в других отраслях, например, в образовании: «Бавария находится на первом месте в бундеслиге образования (оригинальный текст: „Bayern steht auf Platz 1 der Bildungsbundesliga“ (TV, Programm „Bayern“, am 13.01.2005). Здесь речь идет о том, что федеральная земля Бавария заняла по итогам европейского анализа качества школьного образования Pisa-Studio первое место в бундеслиге (высшей лиге) среди земель ФРГ (так же, как одноименный футбольный клуб «Бавария» из Мюнхена). Но это уже тема отдельного исследования.

На основании сказанного представляется возможным сделать следующие выводы.

Человек нередко пытается использовать для осмысления более сложных явлений, к которым можно отнести политическую и экономическую сферы, отличающиеся сложностью и высокой степенью абстракции, элементы какой-либо более знакомой и понятной сферы, которой, несомненно, является футбол. Возможно, это одна из причин использования при метафо-

рическом моделировании политэкономической сферы более простых и конкретных образов из футбола.

Употребительность футбольных заимствований в политике и экономике объясняется также популярностью самого футбола и структурным сходством футбольного и политического поединка, а также его сходством с конкурентной борьбой в экономической отрасли. Не следует забывать и определенное сходство футбольных терминов и жаргонизмов с политическими идеологизированными терминами, которые содержат такой признак, как полиэмоциональность (позитивная или негативная окраска) в зависимости от мировоззренческих и социальных условий функционирования.

Футбольные метафоры, нередко употребляющиеся в языке политической публицистики целым блоком, встречаются чаще там, где действительно возникает необходимость не просто констатировать какой-либо факт, а дать ему образную, эмоционально-оценочную характеристику.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Суперанская, А.В.* Терминология и номенклатура / А.В. Суперанская // Проблематика определения терминов в словарях разных типов. – Л. : Наука, 1976. – С. 73–83.
2. *Haubrich, W.* Die Metaphorik des Sports in der deutschen Gegenwartssprache : Diss / W. Haubrich. – Köln, 1963. – 140 S.
3. *Крючкова, Т.Б.* Язык и идеология: К вопросу об отражении идеологии в языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Б. Крючкова. – М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1976. – 21 с.
4. *Чудинов, А.П.* Политическая лингвистика : учеб. пособие / А.П. Чудинов. – М. : Флинта ; Наука, 2007. – 252 с.
5. *Geyerbach, U.* Fußballdeutsch. Ein Wörterbuch / U. Geyerbach. – Berlin : Ullstein Buchverlage GmbH, 2006. – 227 S.
6. *Regeln und Sprache des Sports von Rainer Wehlen.* – Bd 1. – Mannheim ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 1976. – 377 S.

The article considers football metaphors used in the languages of politics and economics to produce in them a vivid emotional and estimating shade. The usage of football loans in politics is caused by popularity of football game and structural similarity of sports (football) and political collisions and by some definite similarity of football and political terms and jargons.

Поступила в редакцию 13.01.2011

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СИМВОЛА В ИСПАНОЯЗЫЧНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье исследуются семантические трансформации символа в испаноязычном поэтическом тексте рубежа XIX–XX вв. Испанская поэзия характеризуется активным символотворчеством. Поэтический текст как сложно выстроенный смысл отводит особую семантическую нагрузку тем элементам, которые в обычной языковой структуре ею не обладают. Показательно, что символический универсум, функционирующий в поэтическом тексте, изменяет назначение языка. Порождение новых символов на базе традиционной символики, с одной стороны, вовлекает читателя в диалог с автором, подчеркивая самобытность художника, живописность его внутреннего поэтического мира, формирующего мировоззрение читателя, с другой – удерживает читателя в рамках контекста, отсылая его к памяти культуры.

Символ представляет собой особую коммуникационную модель, интегрирующую индивидуальные сознания в единое смысловое пространство культуры, и может выступать как независимая, фундаментальная языковая сущность, неразложимая «ни в эмоциях, ни в дискурсивных понятиях» [1, с. 81].

Конкурирование символа со знаком, интуитивным компонентом которого символ выступает, получает выражение в триаде *денотат* – *сигнификат* – *концепт*, где под *к о н ц е п т о м* подразумевается символ. Таким образом, *символ* – *миф* – *знак* составляют собственную триаду.

В испанском поэтическом тексте сосуществование символа и мифа взаимообусловлено. *С и м в о л* мы трактуем как знак, содержание которого наиболее полно и образно раскрывается через соответствующий ему миф, наделяющий символ социальными и коммуникативными функциями. Вследствие этого символ понимается как своеобразный текст в тексте, поскольку, будучи включенным в конкретный текст, он возникает до создания этого текста и существует вне зависимости от него. Другими важными характеристиками символа, позволяющими соотнести его с текстом, является наличие у него замкнутого в себе значения и четко выраженной границы, выделяющей его из семиотического контекста. Человек, закрепляя свой опыт в общезначимых символах, формирует сложную многообразную систему знаков.

Для мифологических образов и символов, используемых в испаноязычных поэтических текстах рубежа XIX–XX вв., характерна высокая степень эмоциональной насыщенности и интенсивности. Их эмоциональная окраска обладает таким живым колоритом, что присутствие символов в поэтическом произведении заставляет читателя не только вдумчиво размышлять о прочитанном, но и вызывает у него определенный спектр эмоций. Мы исходим из того, что эмотивная составляющая символов является необходимым механизмом для осуществления процесса семиозиса и способствует распознаванию знаков и генерированию испанской культурой новых для испано-

язычного ареала символов и образов на базе традиционной символики и мифологии. Таким образом, символическое воображение содействует более яркой и широкой интерпретации получаемых сообщений, порождая творческое обновление смыслов культуры.

Выступая в роли посредника между разными сферами семиозиса, символ как ядро семиотической системы берет на себя функции связующего звена между синхронией текста и памятью культуры. Подобный механизм функционирования символа определяется его способностью беспрепятственно перемещаться по коммуникативным сетям любого вида, поскольку в большинстве случаев символ понятен, располагает к восприятию и, следовательно, свободно закрепляется в долговременной памяти.

По Ю.М. Лотману, в символе всегда присутствует нечто архаическое. Он никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры – символ пронзает этот срез по вертикали, уходя из прошлого в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического окружения. Будучи важным механизмом памяти культуры, символ переносит текст и другие семиотические образования из одного пласта культуры в другой [2, с. 241].

Мы исходим из того, что символ обладает определенным смысловым резервом, благодаря которому он может вступать в неожиданные связи, меняя свою сущность и моделируя самым непредвиденным образом текстовое окружение.

В искусстве символ представляет собой характеристику художественного образа с точки зрения его осмысленности, выражения им некой художественной идеи. В отличие от аллегории, смысл символа неотделим от его образной структуры и отличается неисчерпаемой многозначностью своего содержания.

Применительно к поэзии символ играет фундаментальную роль. В основе поэтического произведения может содержаться намек, аллюзия. В этом случае символ выступает как сообщение, открытое для нового восприятия и осмысления, стимулирующее личностный мир адресата, причем символы часто обладают межтекстовым характером: один автор может использовать устойчивые символы в различных произведениях. В то же время «алфавит» символов, используемых поэтом, не всегда индивидуален: поэт может использовать в своих произведениях символику эпохи, культурных направлений, социального круга. Здесь речь идет о глубинном кодирующем устройстве – процесс развертывания потенций символа имеет необратимый и непредсказуемый характер, по своей природе творческий процесс асимметричен.

Конец XIX – начало XX вв. ознаменовались в Испании мощным культурным всплеском. Этот период характеризуется появлением разнообразных литературных течений и школ, живописных и архитектурных направлений на Иберийском полуострове.

Функционирование символа в испанском поэтическом тексте рубежа XIX–XX вв. самобытно, поскольку характерной чертой испанской культуры выступает открытость новым веяниям, готовность к восприятию идей и явлений культур других народов. Испанское искусство эклектично, оно впитало наследие многих цивилизаций. Объяснить подобное свойство можно, опираясь на общесемиотическую теорию Ю.М. Лотмана, семиотическим всплеском, свойственным пограничной области между соприкасающимися ареалами. На границе ареалов происходит наложение обеих сфер, что дает нам возможность рассматривать данную область как своеобразный результат конфликта двух ареалов, способствующего повышению семиотической активности в пределах данной области наложения. Такая территория благоприятна для возникновения инноваций как социокультурного, так и языкового плана.

«Алфавит» символов, сформированный на протяжении многих веков путем наслоения традиций и устоев народов-завоевателей Иберийского полуострова и используемый в тексте культуры, активно применяется испанскими авторами и в художественном тексте.

Испанская поэзия рубежа веков пропитана символизмом и глубоко философична. Многогранный внутренний мир и духовные чаяния культурной элиты Иберийского полуострова нашли выражение в творчестве испанских поэтов. Исторически этот период ознаменовался для Испании сложной политической обстановкой, экономической нестабильностью и отторжением обществом отживших социальных устоев. Нарушение равновесия в привычном жизненном укладе обусловило стремление к гармонии, отразившееся в художественных произведениях эпохи. Поиск гармонии в тексте способствовал поиску новых форм и метрических инноваций, которые обусловили колорит и особую музыкальность испанских поэтических произведений.

Философско-историческая составляющая испанской поэзии конца XIX – начала XX вв. акцентирует смысл произведений, тем самым подчеркивая его первичность. В то же время появление символических инноваций в испанской культуре на стыках наложения традиционных символов и образов способствует преобразованию мировоззрения общества. В испанских поэтических произведениях рубежа веков гармонично переплетаются бытовая и лирический сюжеты, которые объединены системой постоянных ключевых слов-образов, прослеживающихся в циклах стихотворений. Эти образы со временем получают символическое значение, не теряя при этом конкретности. Под воздействием «духа времени», идеалов эпохи, основывающихся на идее сохранения и разностороннего развития творческой личности, традиционная лирическая тематика наделяется новым смыслом: спасение человека как сознательной активной личности, как со-творца. Это спасение, исходя из идеалов эпохи, состоит в философско-религиозном мировосприятии, в погружении в себя и отречении от общества. Поиск философского смысла жизни, определение нравственных норм общества, отраженных в

поэтических произведениях того времени, призывают читателя сохранять целостность и сознательную инициативность.

Характерное для искусства Испании обращение к символике Средиземноморья нашло отражение в работах многих испанских поэтов, писателей, философов. Нередко авторское символотворчество, связанное со средиземноморской традицией, выстроено на глубоко личной символике, которая переплетается с обычаями испанского народа.

Отсылка к мифопоэтическим моделям Средиземноморья для испанской культуры не случайна. Греческие колонии, основанные на территории Иберийского полуострова в VII–IV вв. до н.э., во многом определили пути становления и развития Испании. Кроме того, греческая мифология, являясь одной из древнейших форм освоения мира, несет в себе мощный самостоятельный эстетический посыл. Древний мир, постоянно реконструируемый средиземноморской мифологией, наполнен красотой и гармонией. Воспроизведение мифологических сюжетов испанскими поэтами рубежа веков, мифологизация героев поэтических произведений объясняются также стремлением к равновесию и согласию в тяжелое для Испании время, ведь смена веков ознаменовалась для Иберийского полуострова чередой конфликтов и войн. Примечательно, что обращение испанского искусства к средиземноморской символике и мифологии свойственно для периодов нестабильности и упадка и политических кризисных моментов (подобный культурный всплеск наблюдался также в период смены Ренессанса эпохой Барокко, который для Испании также охарактеризовался кризисной ситуацией).

В этом плане показательно творчество Сальвадора Руэды (1857–1933), которое явилось связующим звеном между поэзией позднего романтизма и зарождающимся модернизмом. С. Руэда по праву считается предтечей будущей модернистской поэзии. Его красочные поэтические произведения наделены глубоким философским смыслом, в них поднимаются проблемы символизма, отражен противоречивый дух переходной эпохи. Многообразие тематики его творчества, богатая риторика и использование метрических инноваций в значительной мере повлияли на развитие испанской поэзии и снискали поэту славу не только на Иберийском полуострове, но и в странах Латинской Америки. Во многом поэтические работы С. Руэды оказали существенное влияние на формирование творческой самобытности таких властителей дум эпохи, как Мануэль и Антонио Мачадо, Франсиско Вильяэспеса, Хуан Рамон Хименес и Рамон дель Валье Инклан.

Средиземноморская символика, широко представленная в поэзии С. Руэды, интерпретируемая с позиций автора и собственно испанской культурной традиции, получает новое толкование. Центральные образы-символы формируют индивидуальный поэтический мир, который является отличительной характеристикой поэта. В этом случае все, что первоначально воспринималось в данном тексте культуры как индивидуальное, с течением времени становится кодом для прочтения последующих сообщений подобного рода.

Приведем несколько примеров.

Одни из ключевых слов-образов в поэзии С. Руэды – бабочка и цикада, вошедшие в мировую культуру и относящиеся к так называемому верхнему миру, миру богов, – непосредственным образом связаны с древнегреческой традицией. Примечательно, что обращение к этим символам характерно для многих испанских поэтов и художников конца XIX – начала XX вв. (Федерико Гарсия Лорка, Хуана Рамона Хименеса, Сальвадора Дали, Жоана Мирó), что свидетельствует об их укоренении в сознании носителей испанского языка и в испанском культурном универсуме.

Изначально в мифологическом сознании Средиземноморья бабочка символизирует бессмертную душу, поскольку этапы перерождения из гусеницы в куколку, а затем в бабочку ассоциируются с жизнью человека, смертью и воскрешением духа. Древние греки представляли себе души умерших в виде летящих бабочек. Прекрасной персонификацией бабочки является Психея, «душа», молодая девушка с крыльями бабочки, навсегда освобожденная от тлена Зевсом. Недаром, уже в библейской традиции, бабочка в руках младенца Христа является символом духовного возрождения, Воскресения Господня [3, с. 18].

В той мере, в какой символ выступает как сублимированная программа творческого процесса, он получает способность развертываться в различные сюжеты. У С. Руэды бабочка, будучи божественной по своей сути, равнозначна высокому проявлению божественного гения – поэзии, андалузской копле, передающейся из уст в уста:

Tiene la mariposa cuatro alas;
tu tienes cuatro versos voladores;
ella, al girar, resbala por las flores;
tu por los labios, al girar, resbalas.

La copla

‘У бабочки четыре крылышка; у тебя – четыре крылатых строки; бабочка, кружась, порхает с цветка на цветок; ты из уст в уста, кружась, перелетаешь’.

Традиционная испанская копла – четверостишие, написанное восьмисложником с рифмовкой четных строк. Руэда образно сравнивает структуру коплы с четырьмя трепещущими крылышками бабочки, излучающей божественное сияние:

... tu exhalas
de tu forma divinos resplandores,
y fingen ocho vuelos tembladores
tus cuatro remos y sus cuatro palas.

La copla

‘...ты [копла] излучаешь божественное сияние, и восемь дрожащих крыльев – это твои четыре крыла и четыре крылышка-лопасти бабочки’.

Легкий, летящий стих, ниспосланный поэту свыше, сродни беззаботному порханию бабочки, которая также является символом неосознанного влечения к свету (т.е. тайному, сакральному знанию) [4, с. 68]. Самобытность С. Руэды находит проявление в возможности придать несимволическому

символическое прочтение, т.е. в создании новых окказиональных образов-символов, а также в возрождении устаревших образов символического характера.

Подобно бабочке, поэзия «запутывается» в паутине души, в воздушной бахrome шали, напоминающей движения крылышек бабочки. Руэда использует глагол *enredarse* ‘попасть в сети’, ‘запутаться’ для создания в стихотворении особого эмоционально насыщенного фона:

Ya te enredas del alma en una queja,
ya en la azul campanilla de una reja,
ya de un mantón en el airoso fleco.

La copla

‘То ты запутываешься в жалобах души, то в колокольчике цвета лазури у оконной решетки, то в воздушной, танцующей бахrome шали’.

Цикада, которой поэт посвятил несколько одноименных произведений, в древнегреческой мифологии также считалась посланницей небес и являлась символом верхнего мира, будучи соотнесенной с богом солнца Аполлоном, покровителем музыки и искусств. Связанная с мифом о смертном троянском царевиче Титоне, получившем благодаря богине зари Эос (в древнеримской традиции – Авроре) бессмертие, цикада символизирует вечную жизнь. Семантическая трансформация символа заключается в том, что Руэда воспеваает цикаду как бессмертие духа творческой личности, как символ созидательного долголетия. Цикада для него тесно связана с поэзией и гармонией, одарена поэтическим талантом, способным вдохновлять:

Canta tu estrofa, cálida cigarra,
y baile al son de tu cantar la mosca,
que ya la sierpe en el zarzal se enrosca
y lacia extiende su verdor la parra.

Desde la yedra que a la vid se agarra
y en su cortina espléndida te embosca,
recuerda el caño de la fuente tosca...

...

Canta y excita al inflamado agosto
a dar el grano de la rubia espiga
y el chorro turbio del ardiente mosto.

La cigarra

‘Пой свою песнь, согретая солнцем цикада, и пусть пляшет под звук твоей песни мушка, уже змея сворачивается кольцом в зарослях ежевики, и зеленая плеть увядшей виноградной лозы выпрямляется. Укрывшись в плюще, который цепляется за виноградную лозу и дает тебе прибежище под своим роскошным пологом, вспомни струю старого шероховатого фонтана... Пой и побуждай раскаленный август родить зерно золотистого колоса и мутный поток обжигающего виноградного вина’.

Экспрессивность поэтическому тексту добавляет использование автором императива и глаголов настоящего времени, способствующих вовлечению читателя внутрь разворачивающихся действий: *canta*, *baile*, *se enrosca*, *extiende*, *excita*.

Динамическое развертывание символа *cigarra* ‘цикада’ проявляется и в тексте другого одноименного стихотворения С. Руэды. Упоминание им

Вергилия (*Vergilio*), одного из наиболее значимых античных поэтов, который также неоднократно обращался к цикаде в своих Буколиках, позволяет выделить внутри традиционного символа новую сему ‘*poesía*’, ‘*lo poético*’. Кроме того, цикада приравнивается в тексте к поэту, передающему свои знания последователям. Здесь также наблюдается приращение смысла: символ приобретает новые оттенки значения – *doctora* (поэт-учитель, поэт-врачеватель) ‘*la que enseña*’, ‘*la que cura*’. Семантическое разворачивание ‘цикада как бессмертие’ – ‘цикада как бессмертная поэзия’ подтверждается используемой в тексте стихотворения лексикой, передающей эмотивность и особый лиризм произведения: *armonía* ‘гармония’, *bordón inmortal* ‘бессмертный припев’, *luz cantora* ‘певучий свет, светоч’:

Silencio; es la cigarra, la doctora,
la que enseñó a Virgilio la poesía
y dio a las viñas griegas su armonía
cual bordón inmortal de luz cantora.

La cigarra

‘Тишина; это цикада-наставница, которая обучила Вергилия искусству поэзии и подарила гармонию греческим виноградникам, словно бессмертный припев певучего света’.

Дополнительной отсылкой к древнегреческому символическому универсуму выступают в обоих стихотворных текстах лексемы *viñas griegas* ‘греческие виноградники’, *vid* и *parra* ‘виноградная лоза’, которая, как известно, была завезена на Иберийский полуостров греческими колонизаторами.

Упоминание о царственной природе цикады, о полуденном жаре солнца отсылает читателя к символике и мифологии Средиземноморья, в частности, к богам солнца и зари Аполлону и Эос. Кстати, цикада считалась жертвенным насекомым Аполлона. В поэтическом тексте цикада, находящаяся под покровительством Аполлона, патрона искусств, сама приравнивается к поэту, творцу, который, воспевая любовь к красоте, умирает в процессе творчества:

Ser en la roja siesta enardecido,
es un ascua del sol hecha alarido
que a su propio calor fundirse quiere.

Quema al cantar su real naturaleza,
canta por el amor a la belleza,
canta a las almas, y cantando muere.

La cigarra

‘Существо, сжигаемое красным послеполуденным зноем, горячий уголек солнца, что расплавиться хочет от собственного жара. Опаляй, воспевая свою царственную природу, пой из любви к красоте, пой, обращаясь к душам, и умри с песней’.

Поэтический текст как сложно выстроенный смысл зачастую отводит особую семантическую нагрузку тем элементам, которые в обычной языковой структуре ею не обладают. Показательно, что символический универсум, функционирующий в поэтическом тексте, изменяет назначение языка: язык не столько *называет*, сколько *вызывает* ассоциации, отсылая

адресата к культурному и историческому фону. При этом для корректного восприятия сообщения предполагается определенная культурная и интеллектуальная подготовка читателя, его включенность в контекст. Ведь в поэтическом тексте основной акцент приходится не на коммуникативную функцию, а на суггестивность. Поэзия передает не столько фактуальную, сколько концептуальную и эстетическую информацию – сложный информативный комплекс, который передается в процессе поэтической коммуникации помимо смысловой информации.

Поэтическое произведение организуется в реальном времени и реальном пространстве, которые социальны, поскольку являются временем и пространством события социального общения. В контексте «духа эпохи» автор моделирует универсум. Можно предположить, что хорошо организованный текст создает определенную компетенцию своего читателя и в то же время заранее предполагает наличие этой компетенции, когда соединяются прошлое (текст с заложенной в нем традицией) и настоящее (читатель со своим предпониманием текста).

Испанская поэзия рубежа XIX–XX вв. характеризуется активным символотворчеством. Порождение новых символов на базе традиционной символики, с одной стороны, вовлекает читателя в диалог с автором, подчеркивая самобытность художника, живописность его внутреннего поэтического мира, формирующего мировоззрение читателя, с другой – удерживает читателя в рамках контекста, отсылая его к памяти культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белый, А.* Смысл искусства / А. Белый // Критика. Эстетика. Теория символизма : в 2 т. / А. Белый. – М. : Искусство, 1994. – Т. 1. – 478 с.
2. *Лотман, Ю.М.* Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство–СПб, 2000. – 704 с.
3. *Тресиддер, Д.* Словарь символов / Д. Тресиддер ; пер. с англ. С. Палько. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 448 с.
4. *Кирло, Х.* Словарь символов / Х. Кирло ; пер. с англ. Ф.С. Капицы, Т.Н. Колядич. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2007. – 525 с.

The article investigates the operation of symbols in Spanish poetical texts at the turn of the 19–20th centuries. The Spanish poetry of that period generates in an active way new symbols on the basis of traditional images and characters of the Mediterranean symbols. On the one hand, they make a reader carry on a dialogue with the author and promote semantic development of new units. On the other hand, they send a reader back to the cultural and historical background.

Поступила в редакцию 20.01.11

Л.П. Казловская

О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕМПОРАЛЬНОЙ РЕФЕРЕНЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В НАСТОЯЩЕМ ВРЕМЕНИ

Статья посвящена темпоральной референции высказываний в настоящем времени с внешним маркером будущего в современном французском языке. Акцент ставится на психологической природе настоящего времени и временном маркере – частеречном категоризаторе глагола. Форма психологического настоящего-будущего, указывая на фиктивную референцию к действию в настоящем времени, реализует референцию к психологической настроенности говорящего субъекта – твердому решению выполнить действие – и указывает на психологическую (подготовительную) фазу действия. Психологическая фаза эксплицируется как целеполагание – время для принятия решения в настоящем времени. Внешний временной маркер, имея референциально сильную детерминацию, осуществляет референцию сказуемого к будущему времени. Сказуемое со значением настоящего-будущего реализует психологическую темпоральную референцию, формальным показателем которой является расхождение временных значений глагольной формы с семантикой временного маркера.

Развитие лингвистики конца прошлого – начала нынешнего века отмечено повышенным интересом к субъективному осознанию человеком «картины мира», основные категории бытия которого – пространство и время – по-разному воспринимаются и отображаются говорящим как посредником между языком и экстралингвистической реальностью. Пространство познается с помощью органов чувств, время же, несмотря на отсутствие специального органа для его восприятия, организует в сознании говорящего свой «психический склад» [1, с. 52]. Человек воспринимает линейное и необратимое время через «точку своего присутствия» как прошлое, будущее и, соединяющее их в единое целое, настоящее.

Как известно, грамматическая форма настоящего времени характеризуется морфологической и функциональной немаркированностью, которая позволяет ей диалектически совмещать объективное значение вневременности с субъективным значением настоящего [2, с. 465]. Определение настоящего времени Г. Гийомом «Le présent se recompose dans l'esprit pour partie de l'instant qui vient de s'écouler et pour partie de l'instant qui va s'écouler» [3, р. 51] свидетельствует о «беспредельности» формы грамматического настоящего. Немаркированность момента перехода настоящего в прошлое и в будущее становится проблемой для выявления темпоральной референции этой формы.

Цель данной статьи – уточнить природу темпоральной референции сказуемого в значении настоящего, определенного маркером будущего времени и установить роль последнего в референции всего высказывания.

Временные маркеры, указывающие на «абсолютно единый момент» (*moment absolument unique*) по отношению к говорящему, обозначают совпадающее с грамматической формой конкретное время (*marque une position*

stricte dans le temps) [4, p. 287–288], реализуя в высказывании референциально сильную детерминацию [5, p. 167], например:

1. *Tous ces malheureux qui, hier encore, combattaient pied à pied cette guerre et qui s’y trouvaient lancés malgré eux, ils **tiennent** mordicus, **aujourd’hui**, à paraître agir délibérément...* (R. Martin du Gard),

где совпадение значений внешнего маркера и грамматической формы сказуемого свидетельствует о прямой темпоральной референции сказуемого и всего высказывания к действию в определенном временном срезе (*aujourd’hui*).

Однако синхронность «нарушается» при детерминации сказуемого в настоящем времени маркером будущего типа *demain* ‘завтра’. Так, в высказывании

2. *D’ailleurs je vais aller me coucher parce que **je me lève tôt demain: je mets ces dames au vert...*** (A. Gavalda)

указание на то, что форма настоящего неизбежно включает «немного будущего» (*un peu d’avenir*) [6, p. 34] подтверждается ее следованием за формой в *futur immédiat* (ближайшее будущее) *je vais aller me coucher*.

Анализ материала показывает, что референциально сильная детерминация маркеров ближайшего будущего раскрывается в точной локализации действия во времени:

3. – *Mon gendre. Blessé. Ma fille vient de me téléphoner, **je pars tout de suite** pour Paris, pour longtemps peut-être. Voilà, tu vas prendre ma place à la mairie, il n’y plus que toi...* (Cl. Michelet).

4. – «*Moi, **je pars le deuxième jour**», déclara, sans avoir été questionné, un ouvrier peintre, en toile blanche* (R. Martin du Gard).

5. ***Je te la ramène vers six heures**. Ça ira?* (M. Levy).

В отличие от высказывания (1), обозначающего имеющие место действия, высказывания (3–5) оказываются нерелевантными в плане обозначения реальной ситуации (*je pars tout de suite, le deuxième jour, vers six heures*) в настоящем времени (несмотря на изъявительное наклонение сказуемого), что свидетельствует о том, что у говорящего иное намерение, чем простое утверждение о наличии действия. Высказывания, содержащие *психологическое настоящее-будущее*, ставят акцент на решительности говорящего субъекта в намерении совершить действие в скором будущем. Именно твердость и категоричность подчеркивается этой формой: «*Le présent peut indiquer une action future comme chose qui est déjà décidée*» [7, p. 28].

Французский лингвист П. Имбс отмечает важность наличия настоящего, необходимого для принятия говорящим решения о действии в ближайшем будущем: «*Le présent-futur psychologique est un présent prolongé jusqu’au proche avenir; l’action future est présentée comme décidée, dès à présent, et le présent l’emporte naturellement sur le futur dans la phrase*» [6, p. 34]. Иными словами, настоящее время в подобных высказываниях указывает на некоторую психологическую фазу, оценку, целеполагание, выбор средств [8, с. 4]. Само действие следует за принятием решения.

Итак, форма психологического настоящего предназначена (независимо от лексической семантики глагола) передавать психологическую настроенность говорящего. Хотя действие еще только предстоит, решение о его выполнении принимается уже сейчас: *психологическая фаза* (настоящее) – время, формирующее твердое намерение субъекта осуществить намеченное действие. Эта фаза – часть процесса, своеобразная «подготовка» действия: «La préparation psychologique fait partie du procès. C'est elle qui est placée au présent, le présent n'étant réel, de toute manière, qu'au delà du seuil interne d'inversion» [9, p. 89].

Так, в высказывании

6. – *Bon, je vais chercher les enfants à l'école, ce soir je fais des quenelles et ensuite on regarde un film* (M. Levy)

говорящий, используя настоящее-будущее *je fais*, обращает тем самым внимание на обязательный характер предстоящих вечерних действий: сегодня вечером он готовит фрикадельки (продукты уже куплены, обязанности других членов семьи расписаны заранее). Несмотря на гипотетичность, предположительность будущего (временной маркер будущего *ce soir*), действие задумано (предопределено, предрешено) и тем самым как бы уже реально «существует» (*fait partie du procès*).

В высказывании

7. – *Je vais les prévenir que je m'absente une petite heure, attends-moi au café, je te rejoins tout de suite* (M. Levy)

представлено действие (*rejoindre*), которое фактически начинается тут же после момента речи (маркер *tout de suite*).

Наличие местоимения первого лица свидетельствует о доминирующей роли говорящего: психологическое настоящее-будущее формы сказуемого указывает на фиктивную референцию к действию в настоящем времени, но реализует референцию к моменту психологической настроенности говорящего субъекта – твердому решению выполнить действие. Наличие психологической фазы действия и временного маркера, обозначающего реальное время, не совпадающее с грамматическим временем глагольной формы, составляет основу *психологической темпоральной референции* сказуемого.

Отметим еще одну специфику психологической темпоральной референции: маркер времени открывает перспективу будущего «... quelque terme circonstanciel précis (par ex. bientôt, demain, la semaine prochaine etc.) nous ouvre nettement la perspective de l'avenir, autrement elle nous demeurerait fermée» [10, p. 424]. Доказательством эффективности такого развертывания перспективы является следующий текст, где маркеры времени находятся в препозиции к сказуемому:

8. *Avec l'os du poulet, Napoléon pointe l'île Lobau sur sa grande carte:*

– ***Dans trois jours on s'installe dans cette saleté d'île. Le pont?***

– ***Il sera jeté sur le Danub, répond Lejeune, puisque vous l'avez décidé.***

– ***Bene! Vendredi, les voltigeurs de Molitor y débarquent, la nettoient des quelques crétins d'Autrichiens qui y bivouaquent encore <...>***

– *Si! On lance immédiatement le pont flottant sur le grand bras du fleuve <...>*

Les cavaliers de Lasalle renforcent tout de suite les hommes de Molitor <...> (P. Rambaud).

Описываемых глагольной формой действий нет в настоящем, но Наполеон, отмечая (куриной косточкой) на карте остров Лобау, уверенно развертывает панораму действий, которые произойдут через три дня – ‘мы развертываемся на этом острове, там высаживаются канатоходцы Молитора и очищают его от австрийцев ...’ (*puisque vous l’avez décidé* ‘потому что вы так решили’).

Известно, что будущее время характеризуется большей степенью неопределенности («Le futur est une page blanche» [11, p. 509]), чем другие времена, поскольку мы знаем о нем меньше, чем о прошлом, и нам приходится говорить о нем в более неопределенных выражениях [12, с. 304]. Наличие же маркера точного времени (*dans trois jours, vendredi*) и формы настоящего, подчеркивающей твердость и решительность говорящего субъекта, способствует большей определенности такого действия.

Наполеон как полководец славился своим умением предусмотреть, просчитать, предвидеть. Великий стратег и тактик долго вынашивает свои планы о необычных маневрах, немыслимых передислокациях войск, непредсказуемых для врага штурмах и только тогда отдает приказы на будущее. Настоящее психологическое позволяет, с одной стороны, утвердить полководцу свою силу и авторитет (для него «сказано – сделано», практически императивный нюанс), а с другой стороны – подчеркнуть свой дар предвидения (все, что он планирует, обязательно произойдет). Ср.:

9. *Le dimanche à l’aube nos troupes s’implantent dans vos foutus villages de je ne sais plus quoi, s’y retranchent et attendent. L’Archiduc nous aperçoit. Il se réveille. Il me croit idiot d’accumuler mes troupes au fleuve. Il attaque. Masséna le reçoit au canon. Avec Lannes, Lasalle et Espagne, vous chargez, Bertier, pour enfoncer le centre autrichien et couper leur armée en deux. Alors Davout passe le grand pont avec ses réserves, il renforce vos attaques et nous écrabouillons ces coglioni!*

– *Qu’il en soit ainsi, Votre Majesté.*

И далее:

– *Il en sera ainsi. Je le vois et je le veux. Vous n’approuvez pas, Lejeune?*

– *Je vous écoute, Sire, et à vous écouter j’apprends* (P. Rambaud).

Иными словами, психологическая настроенность говорящего – психологическая фаза, эксплицируемая как целеполагание в настоящем времени (*je le veux* ‘я этого хочу’) – предопределяет логический исход задуманного: перспектива действий есть результат уверенности говорящего субъекта, что именно так все и осуществится (*Il en sera ainsi* ‘Так тому и быть’). Уверенность говорящего субъекта (Наполеона) настолько высока, что будущие действия, о которых идет речь, воспринимаются практически как уже имеющий место факт (*je le vois* ‘я это вижу’). Следовательно, формы,

передающие намеченное будущее, обозначают действительность, которая еще до своего материального воплощения уже существует в сознании говорящего субъекта в идеальной форме, и соотнесение действий с временным срезом (настоящее, будущее) происходит прежде всего на логическом, мыслительном уровне сознания.

Итак, психологическая темпоральная референция формы настоящего времени позволяет указывать на категоричное «ближайшее будущее». Окончательная категоризация формы определяется временным маркером. В связи с этим:

– референция сказуемого к будущему действию однозначно передается только внешним маркером будущего времени;

– сама форма сказуемого настоящего времени в индикативе реализует фиктивную референцию к действию, но получает способность осуществлять референцию к психологической настроенности говорящего и указывать на перспективность действия в ближайшем будущем.

Сказуемое в настоящем-будущем времени, реализующее психологическую темпоральную референцию, становится аналогом косвенного речевого действия и высказывания в целом – передает целевую направленность говорящего субъекта добиться осуществления задуманных действий. Необходимым условием такой целенаправленности высказывания становится расхождение грамматического значения (настоящее) личной формы глагола и лексического значения (будущее) ее внешнего временного маркера.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова, Н.Д.* Время: модели и метафоры / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык и время : сб. науч. ст. / Ин-т языкознания РАН ; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М. : Индрик, 1997. – С. 52–60.
2. *Виноградов, В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов ; под. ред. Г.А. Золотовой. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с.
3. *Guillaume, G.* Temps et verbe: Théorie des Aspects, des Modes et des Temps / G. Guillaume. – Paris : Éd. Libr. honorée champion, 1968. – 200 p.
4. *Guillaume, G.* Le problème de l'article et sa solution dans la langue française / G. Guillaume. – Paris, 1919. – 318 p.
5. *Riegel, M.* Grammaire méthodique du français / M. Riegel, J.-Ch. Pellat, R. Rioul. – Paris : Presses Univ. de France, 1994. – 646 p.
6. *Imbs, P.* L'emploi des temps verbaux en français moderne. Essai de grammaire descriptive / P. Imbs. – Paris : Librairie C. Klincksieck, 1968. – 272 p.
7. *Sten, H.* Les temps du verbe fini (indicatif) en français moderne / H. Sten. – København : Printed in Denmark. Bianco Lunos Bogtrykkeri, 1964. – 267 p.
8. *Арутюнова, Н.Д.* От редактора / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Модели действия ; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. – М. : Наука, 1992. – С. 3–4.

9. *Martin, R.* Temps et aspect. Essai sur l'emploi des temps narratifs en moyen français / R. Martin. – Paris : Ed. Klincksieck, 1971. – 450 p.
10. *Le Bidois, G. et R.* Syntaxe du français moderne. Ses fondements historiques et psychologiques : en 2 vol. / G. et R. Le Bidois. – Paris : Éd. A. et J. Picard et Cie, 1968. – Vol. 1. – 794 p.
11. *Brunot, F.* La pensée et la langue / F. Brunot. – Paris : Masson et Cie, 1927. – 954 p.
12. *Есперсен, О.* Философия грамматики / О. Есперсен. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – 404 с.

The article is about the temporal reference of the sentences in the present tense with the future meaning and the autonomous time marker. Psychological temporal reference of the sentence is based on the mood of the speaker.

Поступила в редакцию 20.12.10

О.Ф. Курилович

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОМПОНЕНТОВ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ ПРИ ПОРОЖДЕНИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена проблеме исследования образа мира как основополагающего компонента культуры. Целью данного исследования является выявление системности образа мира носителей американского варианта английского языка и тем самым – системы их культурных стереотипов, которые отражают особенности национального характера и являются важной и неотъемлемой частью жизни. Изменение и стереотипность ассоциаций увеличивается в результате стандартного образования, распространения телевидения и других средств массовой коммуникации. Предпринятый анализ вербальных ассоциаций (на материале американского варианта английского языка) дает возможность определить, какую информацию об окружающей действительности и особенностях их этнического характера несет в себе ментальный лексикон.

В последнее время в лингвистике термин *языковая личность* становится основным системообразующим филологическим понятием, которое на современном этапе большинством исследователей оценивается как послужившее началом формирования нового этапа в развитии языкознания – антропологической лингвистики, в центре которой стоит человек со своими психическими особенностями, формами социального существования и культурной деятельностью. Термин *языковая личность*, введенный Ю.Н. Карауловым, определяется как личность, выраженная в языке (текстах) через язык, личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств [1, с. 38].

Постигая родной язык, человек постепенно знакомится с богатством и разнообразием окружающего мира от конкретных предметов, элементарных норм поведения до абстрактных понятий и закономерностей мироздания. Человек формируется как личность, лишь приобщившись к культуре и принимая участие в социальной деятельности и развитии языка. Как сказал немецкий ученый М. Хайдеггер, «язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек» [2, с. 192].

Язык является главной формой выражения и существования национальной культуры. Несмотря на то, что каждый из нас знает язык по-своему, «использует его, обладая собственным идиолектом», существуют и некоторые общие черты, объединяющие всех тех, для кого данный язык является родным. Эти черты (Ю.Н. Караулов называет их доминантами) однозначно оцениваются носителями языка (языковыми личностями), относящимися к одному языковому типу, к одному типу национальной языковой личности.

Языковую личность, являющуюся носителем не только национального (родного) языка, но и его культуры, можно назвать национальной языковой личностью. В ее структуре инвариантная, ядерная часть является главной. Язык формирует в сознании носителя языка определенную картину мира, свойственную носителю этого языка как представителю определенного социума. Концептуальная сфера, в которой живет любой национальный язык, постоянно обогащается. Ю.С. Степанов пишет, что «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [3, с. 40].

Ментальный лексикон есть не что иное, как одна из форм представления и хранения знаний (памяти), система хранения всех сведений о языке, предназначенная для упорядочивания и обработки сведений о языке, почерпнутых из опыта или врожденных. Сложность устройства внутреннего лексикона определяется тем, что, с одной стороны, это аналог системы лексики определенного языка, а с другой стороны – часть общей организации человеческого мозга, интеллекта, механизма речевой способности человека. Согласно мнению Е.Ф. Тарасова, образ мира может изучаться посредством языкового сознания носителей той или иной этнической культуры, которое представляет собой совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира [4, с. 7]. Образ сознания, ассоциированный со словом, – это одна из попыток описать знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии высказываний. А слово – это та культурная рамка, которая накладывается на индивидуальный опыт человека, прошедшего социализацию в определенной культуре. Именно слово и формирует стереотипность мышления носителей определенного языка. Принадлежность к конкретной культуре обуславливается, по мнению В.А. Масловой, именно наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации личности в данном обществе, поэтому исследованию стереотипов придается большое значение

[5, с. 39]. Из всего сказанного становится понятным, что на основе материалов исследования ментального лексикона и вербальных ассоциаций в частности можно изучать проблему языкового сознания или образа мира определенного этноса.

Опираясь на идеи С.В. Лурье [6] и К. Касьяновой [7] о существовании в образе мира этнических констант (основополагающих ценностей), помогающих сохранить нравственный потенциал культурной общности и являющихся основой для обогащения, мы предполагаем, что в английском языке существует группа слов, раскрывающих его основные представления об устройстве окружающего мира – «этнические инварианты». «Такие ключевые слова овнешняют эти ключевые для определенной культуры ценности, а значит, могут выступать в качестве основы для ее исследования» [8, с. 230]. Анализ ядерных (ключевых) слов английского языка поможет определить специфические особенности в видении мира носителей американского варианта английского языка.

Для решения поставленных задач мы провели направленный ассоциативный эксперимент по развертыванию высказываний на основе разных типов (синтагматических, парадигматических, тематических) ассоциативных пар **S (стимул) ⇒ R (РЕАКЦИЯ)**, выбранных из словарей ассоциативных норм [9; 10]. Весь эксперимент состоял из двух тестов с заданием составить высказывание на основе предложенных пар слов. Наше исследование было проведено с 48 носителями американского варианта английского языка. В качестве информантов были выбраны взрослые испытуемые мужского и женского пола в возрасте от 16 до 57 лет со средним и высшим образованием, проживающие в США. Испытуемые не имели специального лингвистического образования, поскольку нас интересовало непрофессиональное, массовое, «наивное» сознание, этим и был обусловлен выбор испытуемых. Из слов экспериментальных высказываний был составлен частотный алфавитный словарь. Из него были исключены слова, которые задавались в эксперименте как ассоциативные пары, а также служебные слова (предлоги, артикли, союзы, вспомогательные глаголы). Материалы полученного «словаря» анализировались статистически, определялись наиболее часто повторяющиеся единицы, тем самым было выявлено ядро языкового сознания американцев. В ходе эксперимента мы получили 11 060 слов в высказываниях как вторичные реакции на исходные **S** и **R**.

Анализ эксперимента и его интерпретация позволит отразить функционирование языкового сознания усредненного носителя американского варианта английского языка, а также поможет обнаружить особенности в познании категорий окружающего мира англоязычным языковым коллективом и стереотипности мышления. Такого рода эксперимент выявляет системность образа мира испытуемых и, вероятно, тем самым – систему их культурных стереотипов, которые отражают особенности национального характера.

Актуализация тематических групп

Тематическая группа		Тематическая группа		Тематическая группа	
Лексическое наполнение	Количество, %	Лексическое наполнение	Количество, %	Лексическое наполнение	Количество, %
Человек – “я”		Человек и его эмоции и чувства		Работа	
I	10	like	8	money	1
my	4,2	love	5	project	0,4
we	3	good	1,5	able	0,4
person (people)	1	emotion (al)	1,2	boss	0,4
		favourite	0,7	deadline	0,3
		great	0,4	meeting	0,3
		happy (ness)	0,4	work	0,3
		friend	0,4	business	0,3
		bright	0,3	clients	0,3
		hope	0,3	director	0,3
		important	0,3	commercial	0,3
		hate	0,3	accounts	0,3
		terrible	0,3		
Человек – семья		Человек и его физические черты и наружность		Человек – природа	
family	0,8	live	2	winter	0,5
home	0,5	life	2	sun	0,4
room	0,5	body	0,5	horizon	0,4
father	0,4	hand	0,5	ocean	0,4
husband	0,4	eyes	0,3	kitten (cats)	0,3
kitchen	0,4	face	0,3	dogs	0,3
furniture	0,3	heart	0,3	forest	0,3
homemade	0,3			trees	0,3
homework	0,3			beach	0,3
Еда		Человек и его страна		Человек и его повседневная жизнь	
food	1,1	eagle	0,5	read	1
apple	0,9	flag	0,4	watch	0,9
drink	0,5	Canada	0,4	get	0,9
orange	0,4	United States	0,4	day	0,8
tea	0,3	American	0,3	time	0,8
dinner	0,3	national	0,3	think	0,8
snack	0,3	elect	0,3	need	0,8
supper	0,3			walk	0,3
eat	0,3			school	0,3
				drive	0,3
				mail	0,3
				movie	0,3

Анализ экспериментального материала выявил значительное число совпадений во всех исследуемых высказываниях. Наиболее часто встречающиеся слова (82) в высказываниях испытуемых составили ядро языкового сознания. Частота их встречаемости варьирует от 10 % (местоимение *I*) до 0,3 % (*movie*). Мы рассматривали *R* как повторяющуюся, если слово было использовано испытуемыми 35 и более раз. Для дальнейшего анализа отобранные реакции, рассматриваемые в качестве ядра языкового сознания, были разбиты на тематические группы. В одну и ту же группу были отнесены слова, объединенные общностью выражения некоего культурного понятия (например, группа “*Family*”, “*Work*”). В результате структурирования единиц языкового сознания, полученного в ходе нашего эксперимента с опорой на описанные принципы, можно заключить, что языковое сознание американцев имеет в своем центре концепт «человек», который представлен несколькими тематическими группами. Полные данные приведены в таблице (см. с. 93). Этот факт свидетельствует о том, что образ человека является центральным в данной культуре, а его содержание включает самые разные сферы человеческой деятельности.

На первое место можно вынести группу «Человек – “я”». Она включает реакции, которые показывают, кем является человек, как он определяет себя в мире по отношению к другим людям. Частыми были реакции, относящиеся к самому информанту, т.е. налицо процесс персонификации речевого акта – *I, my, we: I learned how to read MUSIC NOTES; My FOOT wouldn't fit into any of the SHOES; Our grandCHILD, a BOY, was one year old on March 8*. Личное местоимение *I* занимает первое место по частоте встречаемости – 10 %, в сравнении с другими личными местоимениями, например, *my* – 4,2 %, *we* – 3 %. Об индивидуальном видении мира также свидетельствует употребление слова *person* и его множественного числа *people* – 1 %.

Очень важное место в образе мира современных американцев занимает группа «Человек и его эмоции и чувства». Эта группа отражает характерные для человека чувства и эмоции, а также состояния, вызывающие у него сильный эмоциональный отклик. Эта группа – самая многочисленная в полученном экспериментальном материале. Количество входящих слов-реакций включает 13 слов, что составляет 15 % от общего числа языкового ядра. Наиболее частой реакцией при описании любых ситуаций является прилагательное *favourite*, что также свидетельствует об индивидуальном видении мира: *A special memory is of my mother who could BAKE my favorite fruit CAKE; BREAD with BUTTER is a favorite snack with a cup of tea; My favorite COLOUR is BLACK; My favorite EMOTION is JOY*. Этот факт характеризует испытуемых как людей с выраженным чувством индивидуализма и собственности. Следует отметить, что в эмоциональной сфере преобладают слова с позитивной окраской: *bright, emotion (emotional), good (better, best), great, happiness, happy, hope, important*. Данная

группа, можно предположить, является языковым выражением постоянства, уверенности и обеспеченности людей в жизни. Как известно, ценности – это основа любой культуры. Они отражают наиболее значимые для человека жизненные категории, нравственные принципы и нормы, идеалы и установки. Группа «Человек и его эмоции и чувства» также представлена словами *love, happiness, hope, like: When my first CHILD was born, I was a happy MOTHER*. Наряду с другими ценностями американскому языковому сознанию присуща своеобразная другоцентричность (*friend*): *The CHILD PLAYS with his friends with happiness showing on his face*. Американцы нуждаются в человеке-друге и воспринимают его как хорошего, близкого себе. Они стремятся закрепить себя в других людях. Отсюда такая другоцентричность их языкового сознания. Невозможно обойти вниманием ценность “любовь”, которая находит свое отражение в высказываниях, построенных на основе ассоциативных биномов разного типа: *A MOTHER loves her CHILD; Life is a BEAUTIFUL gift, but it sure can get UGLY at times; JOY is an EMOTION, which stimulates the senses and warms the heart*. Слова *love* и *like* имеют частоту употребления 5 % и 8 % соответственно. Таким образом, в ядре английского языкового сознания эмоции и ценности смещены в сторону признака положительного, которые, вероятно, формируются уже в онтогенезе. Отрицательные эмоции остались в меньшинстве, это всего два слова (из 13) – *hate* и *terrible* с частотностью 0,3 %.

Группа «Человек – семья» также является смысловой доминантой американской языковой личности. Она представлена в эксперименте совокупностью слов, связанных с этим образом. «Семья» соотносится как непосредственно с названиями членов семьи (*children, father, wife, husband, family, friend*), так и со словами *home, room, kitchen, furniture*, с прилагательными *homemade*, которые являются неотъемлемой и важной частью их жизни: *My husband loves to EAT STEAK; My husband is always WORKING HARD; My wife and I have one CHILD, it's a BOY; She expressed her ANGER and RAGE by throwing the vase across the room; The piece of furniture was very HEAVY and HARD to lift*. Описание семейных отношений несет в себе положительную окраску, полную теплоты и нежности: *A baby's skin is so SOFT and TENDER; The mother and CHILD held each other in a warm embrace*.

Еще одним компонентом языкового сознания американцев является группа «Человек и его физические черты и наружность», которая содержит реакции, характеризующие внешние признаки человека. Значительными оказались реакции, называющие части тела (*heart, face, body, eyes, hand*) и сам процесс жизни (*to live, life* – 2 %) как основные ценности человека: *Even though he had an UGLY face, his heart and soul were BEAUTIFUL; Her eyes were BLUE as the SKY*. В высказываниях, развернутых на основе заданных биномов, в данной категории в меньшинстве остались реакции, определя-

ющие возраст испытуемого (*baby, youth*): *You could determine that the MAN had been a BOXER in his youth because of the damage to his ears and face.*

В ядре языкового сознания американцев представлена группа «Человек – природа», включающая выделенные человеком природные явления и стихии. Она состоит из нескольких подгрупп, одна из них – названия животных (или домашних питомцев). В своих высказываниях испытуемые использовали реакции *kitten, puppy, cats, dog*, которые характеризовались с положительным акцентом: *The kitten is very SOFT and TENDER; The puppy's fur was SOFT and she petted him TENDERLY; BLACK and WHITE cats are cute; The manatee is a mammal that's both UGLY and BEAUTIFUL.* Вторая подгруппа включает природные феномены *horizon, winter, fall, forest, trees, beach, sun, ocean*: *In the fall the AIR is crisp and COLD.*

В ядре языкового сознания американцев также отражена группа «Человек и его повседневная жизнь», воссоздающая реалии обыденной жизни, дающая информацию о действиях человека в мире и его взаимодействии с окружающими. Эта группа включает а) глаголы, обозначающие часто совершающиеся или происходящие действия: *read – 1 %; watch – 0,9 %; think – 0,8 %; walk – 0,3 %; drive – 0,3 %*; б) существительные: *need – 0,8 %; time – 0,8 %; day – 0,8 %; school – 0,3 %; mail – 0,3 %; movie – 0,3 %*. Данная группа содержит специфические культурные реакции, интересными в ней являются представления о времени. Исходя из результатов нашего эксперимента в образе мира американцев время ассоциируется, прежде всего, с самим словом *time*, а основным временным отрезком для современного американского сознания является *day* (*beautiful, spring, today, Sunday, goes fast*): *The SKY is BLUE, without a cloud, and the sun is shining making it a beautiful spring day.* День как период, в течение которого они совершают все действия: *think, walk, drive, read, watch – I think it is HARD to excel in school all the time because my schedule is so HEAVY.* Таким образом, несмотря на невысокую частотность, понятия *time, day* можно рассматривать как ядро данной подгруппы. Эти данные подтверждают теорию Е.С. Яковлевой о том, что день – «это непосредственный слепок с жизни, которая движется восходами и заходами солнца. В этом смысле время дня – это время внешнего пространства бытия, данного в непосредственном восприятии, неминуемого и общего для всех» [11, с. 273]. Иными словами, день описывает мир внешний, природный (*beautiful, spring*) и т.д., т.е. является выразителем некоего «вещного» плана жизни.

Группе «Работа» в системе ценностей американской культуры отводится одно из главных мест, что и находит свое отражение в языковом сознании. Работа – прежде всего *money, boss, project, meeting, business, commercial, clients, deadline, director*. Первое место в этой группе занимают деньги, что свидетельствует преимущественно о материальной цели работы. Концептуальные ценности группы «Работа» прослеживаются во всех высказываниях независимо от типа исходного ассоциативного бинорма: *Moving is HARD and*

HEAVY *w o r k* ; *I w o r k a s a NURSE for a young DOCTOR*; *I will FINISH this sentence and CONCLUDE the m e e t i n g* .

Немаловажную роль в сознании американских носителей языка занимает группа «Еда», куда вошли единицы ядра языкового сознания, связанные у человека с приемом пищи. Данная группа представлена следующими словами: а) название продуктов питания – *food* – 1,1 %; *apple* – 0,9 %; *orange* – 0,4 %; *tea* – 0,3 %; б) прием пищи – *dinner, snack, supper*; в) глаголы, обозначающие действия, – *drink* – 0,5 %; *eat* – 0,3 %: *My HOT s u p p e r turned COLD because I was late*.

В экспериментальном материале также отражается группа «Человек и его страна», включающая реакции, которые определяют человека как социальное существо, представителя нации. Слова, выявленные в эксперименте, свидетельствуют о том, насколько важны для американского народа образы и национальные ценности, стоящие за этими реакциями. В частности, американские испытуемые давали в качестве реакций на бинوم **BLUE** ⇔ **RED** слово *flag*, которое является «уникальным», представленным в ядре языкового сознания американцев: *The American f l a g has BLUE and RED on it; RED, white and BLUE are the national colors on the f l a g of the United States*. Аналогичная ситуация наблюдается и в высказываниях, составленных на основе **EAGLE** ⇔ **BIRD**: *The EAGLE is the national BIRD of the USA*. В данное ассоциативное поле можно также отнести название стран и национальностей: *Canada* – 0,4 %; *United States* – 0,4 %; *American* – 0,3 %; *national* – 0,3 %; *elect* – 0,3 %.

Проведенный анализ показал следующее. В сознании значительного большинства испытуемых концепт «человек» ассоциируется с положительными чертами, что определяет поведение, оценки и отношения внутри этносов. Эксперимент выявил «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает исследуемый этнос. Актуализация слов ядра языкового сознания в экспериментальных высказываниях не зависит от типа ассоциативного бинома, на основе которого было развернуто высказывание. Ключевые слова появляются во всех высказываниях с одинаковой вероятностью и частотой встречаемости. Значимые различия между представленностью ключевых слов в высказываниях с разными типами биномов не были выявлены.

Как мы видим из анализа экспериментального материала, в языковом сознании американцев отражаются многие особенности их этнического характера. Экспериментальные данные подтверждают высказывание А.А. Залевской о том, что принадлежность к определенному народу, одной культуре делает «ядро» ассоциативного поля достаточно стабильным, а связи регулярно повторяемыми [12]. Общие повторяющиеся компоненты составляют стереотипы носителей языка, которые являются важной и неотъемлемой частью жизни. Изменение и стереотипность ассоциаций увеличивается в результате стандартного образования, распространения телевидения и других средств массовой коммуникации [13, с. 135]. Язык усваивается с

материальной и духовной культурой, с ее культурными концептами, обычаями, обрядами и т.д., то есть языковая личность складывается из овладения языковой и концептуальной картинами мира носителей языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
2. *Хайдеггер, М.* Время и бытие / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
3. *Степанов, Ю.С.* В трехмерном пространстве языка: семантические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю.С. Степанов. – М. : Наука, 1997. – 336 с.
4. *Тарасов, Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М. : ИЯ РАН, 1996. – С. 7–22.
5. *Маслова, В.А.* Homo Lingualis в культуре / В.А. Маслова. – Витебск : Витеб. гос. ун-т, 2004. – 214 с.
6. *Лурье, С.В.* Историческая этнология / С.В. Лурье. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
7. *Касьянова, К.* О русском национальном характере / К. Касьянова. – М. : Акад. Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – 506 с.
8. *Сабуркина, Н.В.* Общее и различное в языковом сознании славянских народов: некоторые результаты анализа славянского ассоциативного словаря / Н.В. Сабуркина, А.Г. Сонин // Язык. Сознание. Культура : сб. науч. ст. / ред. Н.В. Уфимцева, Т.Н. Ушакова. – М. ; Калуга : ИП Кошелев А.Б. (Изд. «Эднос»), 2005. – С. 230–245.
9. *Kiss, G.* The Associative Thesaurus of English / G. Kiss, C. Armstrong, R. Milroy. – Edinburgh : Univ. of Edinburgh, 1972. – 1539 p.
10. Norms of Word Associations / eds. L. Postman, G. Keppel. – N.Y. ; London : Academic Press, 1970. – 467 p.
11. *Яковлева, Е.С.* Час в системе русских названий времени / Е.С. Яковлева // Логический анализ языка. Язык и Время. – М. : Индрик, 1997. – С. 267–281.
12. *Залевская, А.А.* Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М. : Рос. гос. гуманитар. ин-т, 2000. – 381 с.
13. *Белянин, В.П.* Психолингвистика / В.П. Белянин. – 3-е изд., испр. – М. : Флинта: МПСИ, 2005. – 227 с.

The article is devoted to research of the linguistic picture of the world as a fundamental element of the culture. The components of the associative fields (on the material of the English language) unveil peculiarities of the national character of the American native-speakers and reveal the system of their cultural stereotypes.

Поступила в редакцию 27.01.2011

СВОБОДНАЯ КОСВЕННАЯ РЕЧЬ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье дается описание одной из разновидностей оформления чужого высказывания – синтаксической категории свободной косвенной речи, которая может быть противопоставлена несобственно-прямой речи по признаку употребления форм наклонения (конъюнктив в первом случае и индикатив – во втором). Результаты анализа косвенных предложений позволяют рассматривать свободную косвенную речь как особую синтаксическую категорию, имеющую свою форму, наполненную своим содержанием, выполняющую определенные функции и обладающую своими признаками, выделяющими ее из плана повествования. Она выступает в тесной взаимосвязи с вводящим компонентом авторского высказывания, сохраняя одновременно свою логическую (смысловую) целостность. Предложения свободной косвенной речи и вводящий компонент образуют логико-синтаксическое целое. Подвижность же блока косвенных предложений по отношению к авторскому компоненту дает различные варианты (модели) проективной структуры свободной косвенной речи.

В авторском повествовании наблюдаются синтаксические переходы, когда после определенной группы глаголов (глагольно-именных словосочетаний, контекста), обозначающих речь или мысль, следует высказывание действующего лица. Такое высказывание, введенное в авторское повествование или в речь рассказчика и особым образом грамматически организованное, называется *чужой речью* [1, с. 402–406].

Чужая речь может быть передана или без всяких изменений, в той форме, в которой она была произнесена говорящим, или в измененном виде с сохранением содержания высказывания, но без сохранения его формы.

Когда чужое высказывание воспроизводится дословно, с точным сохранением как его содержания, так и других сторон (грамматических, лексических и стилистических), то в этом случае оно находит свое выражение в форме *прямой речи* (*direkte Rede*) [2, с. 964]. Если перед автором стоит задача изложить содержание высказывания лишь в самом общем плане (дело может ограничиться даже сообщением только темы или перечня ряда вопросов, которые затрагивались говорящим), то здесь чужие слова передаются в иной форме, а именно: в форме *сообщающей речи* (*berichtende Rede*) [3, с. 89–91]. Когда автор желает придать передаваемой речи относительно дословное звучание первоначального высказывания и в то же время «затушевать» его непосредственный характер, чужая речь оформляется в виде *косвенной речи* (*indirekte Rede*) [3, с. 89–91].

В специальной литературе по этому вопросу указывается еще на две возможности передачи чужой речи. Имеется в виду *внутренний монолог* (*innerer Monolog*) и так называемая *пережитая речь* (*erlebte Rede*) [4, с. 153–156]. С грамматической точки зрения, между внутренним монологом и пережитой речью довольно трудно провести принципиальную границу, в то время как в

стилистике оба вида передачи чужого высказывания имеют свои отличительные черты [5, с. 285–287]. Эти термины наряду с другими – *несобственно-прямая речь* (*uneigentliche direkte rede*) [6, с. 299], *завуалированная речь* (*verschleierte Rede*) – служат для обозначения речи, исходящей как бы прямо от самого говорящего, без посредничества автора. Однако, автор (рассказчик) при этом полностью устранен быть не может, и в результате получается «наложение» одного голоса на другой, слияние в одном речевом акте двух голосов говорящих лиц [7, с. 266; 8, с. 116].

Дадим предварительное описание одной из разновидностей оформления чужого высказывания, а именно синтаксической категории *свободной косвенной речи*, которая может быть противопоставлена несобственно-прямой речи немецкого языка по признаку употребления форм наклонения (конъюнктив в первом случае и индикатив во втором) [9, с. 230].

Сам термин *свободная косвенная речь* восходит к известному швейцарскому лингвисту Шарлю Бали. Сравнивая употребление косвенной речи во французском и немецком языках и проводя между обеими категориями некоторую параллель, он подчеркивает, что в немецком языке косвенная речь находит свое оформление не только в виде подчиненных предложений, связанных с вводящим предложением автора посредством союза, но и в форме самостоятельных предложений, которые, имея в наличии яркие опознавательные признаки косвенной речи, вместе с тем отличаются своеобразием своей структуры [10, с. 549].

В современном немецком языке свободное косвенное предложение встречается почти во всех функциональных стилях и, образуя определенную синтаксическую категорию, выполняет в речевой ткани произведения конкретные грамматические и стилистические задачи, что, собственно, и обратило на себя внимание языковедов (см. работы: Т.В. Строевой, В.Г. Адмони, Е.В. Булыги, О.И. Хазова; В. Флемига, Д. Фаульзайте, Г. Хельбига, С. Егера и др.). В своих работах они указывают на своеобразие развития структуры и конструкции косвенной речи, подчеркивая, что эта категория давно уже вышла за рамки гипотаксиса и образует свою довольно четкую и своеобразную систему [11, с. 173–191].

При сопоставлении свободных косвенных предложений с косвенной речью в составе гипотаксиса, исследовании предпосылки «отщепления» косвенной речи от вводящего предложения автора, а также указании на причины их появления, создается возможность перейти к характеристике внутренних сторон этого языкового явления, а именно:

- а) рассмотреть признаки свободных косвенных предложений и способы их введения;
- б) определить ядро и периферию исследуемого грамматического явления;
- в) рассмотреть взаимосвязь авторского повествования и косвенных предложений;
- г) дать характеристику их соотношений;
- д) определить модели (варианты) свободной косвенной речи на основе ее внешнего окружения и внутренних опознавательных признаков.

Анализ этих внешних и внутренних сторон косвенных предложений дает общее представление о свободной косвенной речи как особой синтаксической категории, имеющей свою форму, наполненной своим содержанием, выполняющей определенные функции и, наконец, обладающей своими признаками, выделяющими ее из потока повествования.

Самостоятельность свободных косвенных предложений проявляется в том, что такое предложение не имеет типичных признаков грамматического подчинения, если не считать употребления структурно обусловленного конъюнктива. Свободное косвенное предложение имеет обычный порядок слов, начинается с большой буквы, ему присуща своя модальная характеристика. С логической стороны, в таком предложении, как правило, определена тема высказывания, которая может развиваться или образовывать новую тему (микротему) внутри этого же предложения или во взаимосвязи с последующим.

Последовательность степени убывания грамматического подчинения (зависимости) косвенного высказывания от вводящего предложения можно проиллюстрировать следующим образом.

1. Придаточное предложение: *Zu Hause hatte Östlünd bereits angedeutet, dass wir in Uppsala viel Zeit hätten* (M.-Schrff, S. 77). В этом примере косвенная речь оформлена в виде подчиненного предложения с союзом *dass*, который является типичным признаком грамматической зависимости. В. Флемиг называет подобные предложения *настоящей, истинной косвенной речью* (*die eigentliche indirekte Rede*) [12, с. 45–52].

2. Меньшая зависимость от авторской речи наблюдается в том случае, когда за главным предложением следуют два или более соподчиненных придаточных. В таких примерах чужое высказывание начинает приобретать развернутый характер (ср.: *Käte erzählte, dass sich ihre Schwester ein Bein gebrochen habe, dass die kleine Regine ohne Betreuung sei und doch jeden Tag in die Krippe gebracht werden müsse* (Kln, S. 132).

3. Еще меньшая степень зависимости чужого высказывания от слов автора наблюдается в следующем примере: *Sie hatten sich am Telefon beraten und entschieden, dass sie kontrollieren müssten, aber zur Besorgnis keine Veranlassung sei. Das Kollektiv sei eingespielt* (Sgr, S. 202). Здесь чужое высказывание, оформленное в виде косвенной речи, состоит из ряда предложений, из которых лишь первое представляет собой часть сложноподчиненного. Остальная часть высказывания представлена внешне самостоятельными предложениями, которые связаны с предшествующим контекстом, единством содержания и конъюнктивом. Такое высказывание, оформленное рядом косвенных предложений, не связанных с авторским повествованием подчинительными союзами или *w*-формами, В. Флемиг называет *сообщением* (*Bericht*). Сущность сообщения состоит в том, что автор стремится по возможности придать чужому высказыванию дословный характер [12, с. 46].

Главный признак подчинения (союз, относительное местоимение) может исчезнуть, если:

а) глагол вводящего предложения имеет относительную синсемантическую или является автосемантическим;

б) роль вводящего предложения выполняет контекст; ср.:

Orang antwortete plump und schwerfällig. Die Schartel hätte er in der „Schwemme“, einer Bierkneipe, kennen gelernt. Nur zwei- oder dreimal sei sie in seiner Bude gewesen (Rdt, S. 28);

Und was der Professor nun sagte, verstand er auch nur halbwegs. Man müsse nun zwei Untersuchungen machen, die eine heute, die andere – eine Woche später. Die Untersuchungen seien notwendig, da man wissen müsse, was der Anprall gegen die Stirn angerichtet habe (Sgr, S. 102).

В подобных примерах чужое высказывание в форме косвенной речи состоит из ряда внешне самостоятельных предложений, содержащих относительно подробную передачу слов говорящего с сохранением их экспрессивно-эмоциональных сторон. Косвенным предложениям не предшествуют подчиненные предложения. Они следуют сразу после вводящего авторского предложения или контекста. Это позволило В. Флемигу назвать такие косвенные предложения «не введенной косвенной речью» (*die nicht eingeleitete indirekte Rede*) [12, с. 45–52].

Очень часто косвенные предложения, соединенные друг с другом свободной связью, являются основанием (базисом) для образования целой серии последующих косвенных предложений, образующих свою систему гипотаксиса с двойным и более подчинением и сочинением, например: *Felicitas erklärte, dass sie sich am vergangenen Sonntag den Spaß gemacht habe, zum Fußballplatz zu gehen. Es sei das allerdings kein Spaß geworden, denn die eigene Mannschaft habe so erbärmlich gespielt, dass sie des öfteren in Versuchung geraten sei, mit einer Horde halbwüchsiger Burschen „Flasche!“ und „Pfui!“ zu brüllen, was ihrer Stellung denn doch nicht entsprochen hätte, auch ihrem Alter nicht, und schließlich sei sie ja eine Frau. Der eine Stürmer, sie wisse leider seinen Namen nicht, habe so schlecht gestürmt, dass man hätte meinen können, nicht einmal er selbst hielte sich für einen Stürmer. Die Schande schreie zum Himmel, todsichere Torchancen seien einfach immer wieder vergeben worden* (Kln, S. 164).

Такую связь косвенных предложений можно назвать *нанизыванием* [13, с. 58]. Она служит для объединения синтаксических единиц, находящихся между собой в различных смысловых отношениях (причинных, следствия, уточнения и т.д.).

Относительная самостоятельность косвенных предложений объясняется следующими факторами:

1) их коммуникативная функция и ее оформление такие же, как и у самостоятельного предложения;

2) характер предикативных отношений делит их на ряд типов, в основе которых лежат различающиеся между собой логические (в широком смысле этого слова) отношения;

3) наряду с косвенной модальностью, эти предложения обладают модальностью, свойственной самостоятельному предложению, речь идет о

положительном или отрицательном моменте, выражении возможности или невозможности, сомнения и т.д.;

4) рассматриваемые предложения имеют относительное временное значение по отношению ко времени глагола вводящего компонента, однако относительное временное значение не снимает самостоятельности этих предложений;

5) наличие в косвенных предложениях эмоционально-экспрессивных элементов, характерных для прямой речи, также указывает на их относительную самостоятельность.

«Отщепление» придаточных предложений от вводящего компонента вызвано рядом причин, основными из которых могут считаться:

1) существование в косвенных предложениях отдельных тем (микротем), являющихся своего рода предпосылкой создания семантического ядра, раскрытие содержания которого требует относительно развернутого изложения;

2) наличие синтаксического шаблона косвенной речи – конъюнктива. Конъюнктив в предложении косвенной речи давно перестал выполнять свою первичную функцию ирреалиса-потенциалиса [14, с. 126–127] и служит индикатором косвенности;

3) глагол вводящего авторского высказывания с относительной синсемантией, как правило, не «настаивает» на обязательной валентности в виде подчиненного предложения;

4) общая тенденция к бессоюзному оформлению косвенной речи [3, с. 50–51];

5) наличие в косвенной речи синтаксических, лексических и стилистических признаков авторского высказывания, что «облегчает» ее организационное построение в сторону выбора структуры самостоятельного предложения. Эти факторы являются своего рода элементами модально-экспрессивной стороны первоначального высказывания;

6) оформление чужой речи в виде «свободных» предложений может быть объяснено и рядом стилистических задач, задуманных автором с самыми различными целями.

Рассматривая структуру конструкции свободной косвенной речи, необходимо указать на ее признаки, которые можно свести к основным («постоянным») и неосновным («непостоянным») «переменным». Переменные признаки будут образовывать «периферию», а постоянные – «ядро», «центр» данного грамматического явления [15, с. 23–27].

Отмеченные признаки раскрываются в структурно-синтаксической выраженности репродуктивного компонента.

1. Наблюдается «транспозиция» системы: а) местоимения, б) наклонения, в) времени.

2. Намечается тенденция к приближению косвенных предложений к первоначально высказанной речи в плане сохранения синтактико-стилистической окрашенности. Свободная косвенная речь воспроизводит при этом специфику живой разговорной речи. Косвенное предложение оформляется вопросительными, побудительными и восклицательными предложениями,

сохраняет черты прямого высказывания (имеются в виду фразеологические сочетания, модальные слова, междометия, отрицания, повторы, порядок слов) [13, с. 15–16].

Оба названных фактора выделяют свободную косвенную речь, однако не характеризуют ее сущность. Ядро (центр) этой грамматической категории образуют, на наш взгляд, следующие два момента: *условная синтаксическая независимость* косвенных предложений от вводящего компонента и их *логическая (смысловая) взаимосвязь* с этим компонентом. Логическая взаимосвязь предопределена единством содержания темы. Повествование ведется от лица автора, ничем не прерываясь, и, как правило, без каких-либо «включений» со стороны. Это логическое мыслительное единство получает свое выражение в структурном построении всей цепи косвенных предложений.

Предложения косвенной речи, представляющие собой смысловое единство, состоят из так называемых предикативных звеньев [16, с. 106] с обязательной логической сочетаемостью и взаимозависимостью. Предикативные звенья, несущие в себе информацию, хотя и являются автономными единицами сообщения, однако исходят из одного «центра логического подчинения» (повествующего субъекта) [16, с. 110]. Этот «центр» и предикативные звенья образуют вместе *единство* – «логико-синтаксическое целое свободной косвенной речи».

Для синтаксического целого характерны как присоединительные, так и пояснительные связи. Эти связи реализуются в разветвленной сети союзных и бессоюзных средств. Однако, поскольку присоединительные и пояснительные связи не сопоставляются друг с другом на равных правах (присоединительные относятся к синтаксическому плану, а пояснительные – к содержательному), то термин Н.С. Пospelова «сложное синтаксическое целое» [17] для характеристики свободной косвенной речи, нам кажется, не будет полно отражать проективную структуру исследуемой синтаксической категории. Присоединительные связи оформляют связь предложений внутри синтаксического целого, что является лишь одной стороной структуры свободной косвенной речи. Вторая сторона, наиболее существенная, заключается в пояснительных связях между центром логического подчинения и следующими за ним предложениями косвенной речи и в смысловой последовательности этих косвенных предложений.

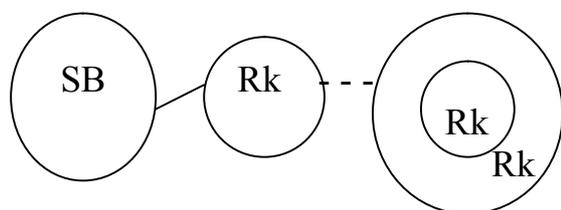
Ставя на первое место логические (смысловые) связи, а затем присоединительные, мы тем самым рассматриваем совокупность авторского повествования и группу предложений косвенной речи как «логико-синтаксическое целое» или «коммуникативный блок», где эти два компонента объединены средствами непреходных присоединительных связей и образуют в потоке коммуникации непосредственное логическое (смысловое) единство.

Графически структура коммуникативного блока может быть представлена рядом вариантов (моделей). Для этой цели необходим ввод сокращений-наименований:

S – центр логического подчинения;
 SB – центр логического подчинения авторского повествования;
 SK – центр логического подчинения контекста;
 Rk – предикативное звено косвенной речи;
 Rn – предикативное звено прямой речи;
 ___ – связь посредством пунктуации в структуре коммуникативного блока;
 ___ – логическая связь в структуре коммуникативного блока.

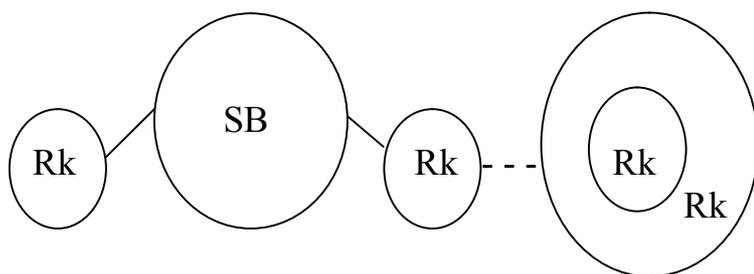
Проективная структура логико-синтаксического целого, отражая порядок следования компонентов, дает возможность понаблюдать над различными способами введения свободной косвенной речи.

М о д е л ь 1

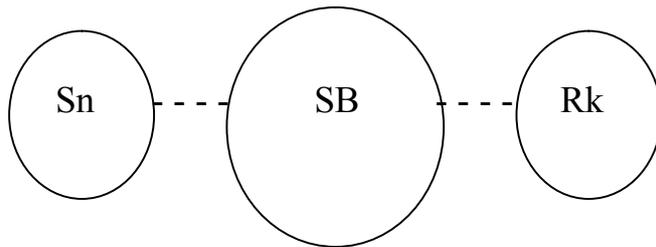
... Dann aber riss er sich zusammen und antwortete frech, ja, er erinnere sich eines solchen Manuskripts. Dann aber habe er ausschließlich von Telepathie gehandelt und die Telepathie sei nur ein Zweig am Baume der okkulten Künste und Wissenschaft. Was ihr unerlangbar sei, sei deshalb... (Fcht, S. 233).

М о д е л ь 2

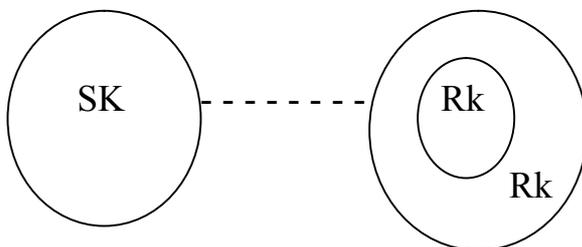
Oskar, resigniert, sprach zur Sache. Mächtige Kreise der Partei, führte er aus, legten ihm nahe, er solle gegen die Angriffe der roten Presse vorgehen. Sein Gefühl spreche dagegen. Sein Bestes würde entweht, wenn er's ausbreiten müsste vor den profanen Augen feindseliger Verstandesmenschen (Fcht, S. 278).

М о д е л ь 3

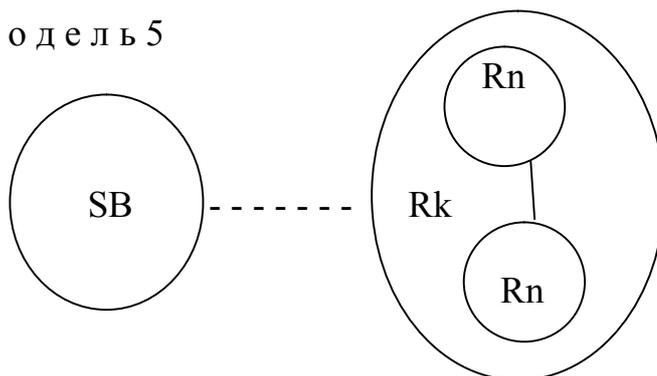
„Der Widerstand in der Öffentlichkeit... hat sich... verstärkt“. Das erklärte der Arbeitgeber Einar Augustsson. Die Entsendung dieser Schiffe... veranlasse die Regierung... (Rth, S. 411).

М о д е л ь 4

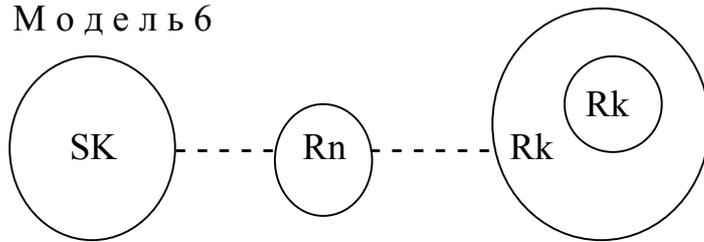
... Wie klar und einfach hier alles war! Bevor wir den letzten Rest Eigelb mit dem würzigen Landbrot aufgetunkt hatten, kannten wir Oppas ganze Familiengeschichte. Er sei verwitwet, der Schwiegersohn arbeite in Sangerhausen. So viel werfe der kleine Gasthof nicht ab, um die Alten und die Jungen zu ernähren. Doe Tochter führe den kleinen Haushalt und schaffe im Obstgarten. Und die vier Enkel? Irgendwo im Wald! (Rdt, S. 99).

М о д е л ь 5

Wir erfuhren etwas, dass uns bisher völlig unbekannt gewesen war: Ramlow hatte Regina Schartel schon am Montagnachmittag, nachdem er mit Mingo gesprochen hatte, in der „Schwemme“ getroffen: „Ich habe ihr zugeredet, die Klappe zu halten, sich mit Ziegler wieder gutzustellen... Sie hat nur gelacht..., hat gesagt, sie lasse nicht locker. Ihr sei es egal, ob Ziegler sie anzeige oder nicht. Und ich solle mich nicht einmischen... “ (Rdt, S. 186).

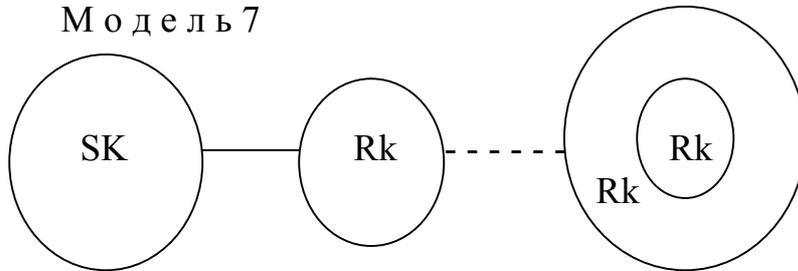
М о д е л ь 6

... Er ließ lange auf sich warten. Ich wurde unruhig und wollte ihm nachlaufen. Während ich noch überlegte, sah ich ihn schon zurückkehren. Er brachte etwas Fleisch und Brot.

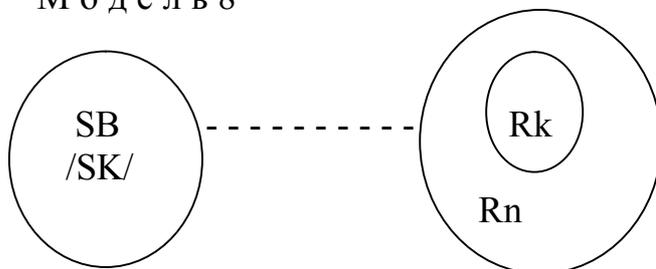
„Die Hütten sind leer bis auf eine.“ Er hatte zwei Männer angetroffen, die es zwar nicht mit der Besatzungsmacht hielten, uns aber weder aufnehmen, noch am Tag führen wollten, da sie stündlich mit der Streife rechnen müssten. Gegen Abend würde einer von ihnen an den Waldrand kommen und uns den Weg zeigen (M.-Schrff, S. 252).

М о д е л ь 7

Wir setzten die Vernehmung fort. Nach und nach sagte er uns alles, was wir schon von Krämer wussten. Er blieb aber dabei, dass er nach dem Besuch bei Krämer die Stadt verlassen habe und nach Magdeburg zurückgefahren sei. Bei der Schartel sei er auf keinen Fall gewesen. Er habe zwar ihre Adresse gekannt, das Mädchen aber seit dem Erpressungsversuch am Samstag nicht mehr gesehen (Rdt, S. 78).

М о д е л ь 8

„Ich habe dem Rüscher schon früher gesagt: „Rüscher“, hab ich gesagt, „nimm dich in Acht vor deinen Jungens, die kommen ihrem Vater nach... Wenn deine Hände zu sschwach sind, nimm einen Knüppel. Verschaff dir Respekt, sonst, ich sage dir, in einigen Jahren verprügeln sie dich.“ – „Aber nein, aber nein! Das

bring ich nicht übers Herz! Ist doch mein eigen Fleisch und Blut! Lieber will ich leiden, Frau Hardekopf, als dass ich ihnen Leid zufüge.“ – A-also, da kann man nur verstummen und in die Grube fahren (Brdl, S. 201).

Таким образом, свободная косвенная речь в современном немецком языке выступает как одна из форм передачи чужого высказывания. Ее появление обуславливается тем, что автор (рассказчик) стремится дать в своей речи как можно более подробную передачу содержания первоначального высказывания с сохранением его лексических и эмоционально-экспрессивных сторон.

Свободная косвенная речь имеет свои особенности, выделяющие ее в процессе коммуникации (в тексте), а также отличающие ее от обычного косвенного предложения в составе гипотаксиса. Она выступает в тесной взаимосвязи с вводящим компонентом авторского высказывания, сохраняя одновременно свою логическую (смысловую) целостность. Предложения косвенной речи и вводящий компонент образуют *логико-синтаксическое целое свободной косвенной речи.*

«Подвижность» блока косвенных предложений по отношению к авторскому компоненту дает различные варианты (модели) проективной структуры свободной косвенной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волгина, Н.С.* Синтаксис современного русского языка / Н.С. Волгина. – М. : Высш. шк., 1991. – 432 с.
2. *Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie : in 2 Bd. – Leipzig : VEB Bibliogr. Inst., 1970. – Bd 2. – S. 964.*
3. *Faulseit, D.* Gutes und schlechtes Deutsch / D. Faulseit. – Leipzig : VEB Bibliogr. Inst., 1969. – 135 S.
4. *Glušak, T.S.* Funktionalstilistik des Deutschen / T.S. Glušak. – Minsk : Wyschejschaja Schkola, 1981. – 172 S.
5. *Riesel, E.* Deutsche Stilistik / E. Riesel, E. Schendels. – М. : Hochschule, 1975. – 316 S.
6. *Романова, Н.Н.* Стилистика и стили / Н.Н. Романова, А.В. Филиппов. – М. : Флинта, 2006. – 416 с.
7. *Бахтин, М.Н.* Проблемы поэтики Достоевского / М.Н. Бахтин. – М. : Сов. Россия, 1979. – 318 с.
8. *Плеханова, Т.Ф.* Дискурс – анализ текста / Т.Ф. Плеханова. – Минск : ТетраСистемс, 2011. – 368 с.
9. *Жеребков, В.А.* Грамматическая категория времени в системе немецкого языка : дис. ... д-ра филол. наук / В.А. Жеребков. – Калинин : КГУ, 1971. – 270 л.

10. *Bally, Ch.* Style indirekt libre en français modern / Ch. Bally // Germanisch-Romanische Monatsschrift : in 4 Bd. – Paris, 1912. – Bd. 4. – S. 540–556.
11. *Гулыга, Е.В.* Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке / Е.В. Гулыга. – М. : Высш. шк., 1971. – 206 с.
12. *Flämig, W.* Zum Konjunktiv in der deutschen Sprache der Gegenwart / W. Flämig. – Berlin : Akademie-Verl., 1998. – 238 S.
13. *Хазова, О.И.* Функции и грамматическое оформление чужой речи в произведении художественной литературы / О.И. Хазова. – М. : Наука, 2003. – 267 с.
14. *Moskalskaja, O.I.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / O.I. Moskalskaja. – М. : Hochschule, 1975. – 366 S.
15. *Адмони, В.Г.* О подлинной точности при анализе грамматических явлений / В.Г. Адмони // Проблемы языкознания. – М. : МГЛУ, 1967. – С. 19–32.
16. *Иофик, Л.Л.* Основные модели многочастных полипредикативных (сложных) предложений / Л.Л. Иофик // Вестн. СПбГУ. – Вып. 4. – 2006. – № 4. – С. 104–120.
17. *Поспелов, Н.С.* Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры / Н.С. Поспелов // Доклады и сообщения Ин-та рус. яз. РАН СССР. – М. ; Л. : Наука, 1949. – С. 48–65.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- Brdl – *Bredel, W.* Die Väter / W. Bredel. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verl., 1980. – 464 S.
- Fcht – *Feuchwanger, L.* Die Geschwister Oppermann / L. Feuchtwanger. – Berlin : Aufbau-Verl., 1960. – 355 S.
- Kln – *Klein, D.* Der Indianer / D. Klein. – Berlin : Neues Leben, 1975. – 296 S.
- M.-Schrff – *Meyer-Scharffenberg, F.* Die Liebe der Johanna Olsen / F. Meyer-Scharffenberg. – Berlin : Der Morgen, 1974. – 366 S.
- Sgr – *Seeger, B.* Menschenwege / B. Seeger. – Halle (Saale) : Mitteldeutscher Verl., 1975. – 519 S.
- Rdt – *Radtke, G.* Die Tätowierten / G. Radtke. – Leipzig : Greifenverl., 1970. – 236 S.
- Rth – *Roth, H.* Nenn es Schlaf / H. Roth. – Köln : Verl. Kiepenhäuser und Witsch, 1998. – 525 S.

In modern German free indirect speech has its own peculiarities that differ it from a usual indirect sentence as part of hypotaxis. It is closely interconnected with the introductory component of the author's utterance preserving its logical (sense) value.

Поступила в редакцию 05.01.11

В.И. Станкевич

ПРОСОДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ РЕМЫ
В ИНИЦИАЛЬНОЙ И ФИНАЛЬНОЙ ПОЗИЦИЯХ
ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ФОНОАБЗАЦА
(на материале французского языка)

Актуальное членение – динамическая структура, отражающая представления говорящего о степени важности, актуализированности и доступности представленной в высказывании информации в текущий момент времени. Такое понимание коммуникативной структуры предполагает возможность градации постепенно развертываемого повествования путем динамического изменения коммуникативного содержания компонентов актуального членения – темы и ремы. Градуальное представление информации возможно благодаря рекатегоризации – дискурсивной операции, изменяющей коммуникативное содержание тема-рема-тического единства при наличии его связи с последующим контекстом. Цель данной статьи – выявить роль просодии в отражении динамики развертывания высказывания на основе изучения просодических средств выражения ремы в инициальной и финальной позициях повествовательного фоноабзаца.

Несмотря на то, что *актуальное членение* (АЧ) считается достаточно хорошо изученным языковым фактом, в теории АЧ до сих пор существуют вопросы, заставляющие ученых разных стран в поисках ответа критически переосмысливать заложенные еще В. Матезиусом основы. Противоречащее языковым фактам отождествление *темы* и *ремы* со «старой/известной» и «новой/неизвестной» информацией обусловило стремление исследователей найти иное объяснение коммуникативного содержания данных компонентов высказывания и заставило отказаться от жесткой бинарной модели. В результате сложилось несколько новых подходов, в рамках которых АЧ рассматривается сквозь призму «некоторого градуального возрастания или убывания смыслового качества, самым разным образом распределенного в высказывании» [1, с. 49]. В рамках данных подходов АЧ предстает:

- либо как сложная многокомпонентная структура, за каждым компонентом которой «закреплена» лишь ему одному присущая функция;

- либо как бинарно ветвящееся «дерево», каждый из компонентов которого, в свою очередь, подвержен членению на компоненты нижней ступени – менее коммуникативно-значимый (т е м у) и более коммуникативно-значимый (р е м у);

- либо как комбинация двух вышеописанных способов представления [2].

Если понимать АЧ как бинарно ветвящееся дерево, высказывание¹, с точки зрения компонентного состава его коммуникативной структуры, может быть:

---

¹ Термин *высказывание* употребляется здесь в широком смысле как «законченный в смысловом отношении текст между паузами» [3, с. 90].

- одночленным, если оно состоит из одной простой¹ ремы: «[₁Je voudrais vous dire simplement trois ou quatre \ choses.]²»;
- двучленным, если оно состоит из одной простой темы и одной простой ремы: «{₁Il est en /creux}{₁[₁c'est encore à \voir.]}»;
- многочленным, если в нем каждый из основных компонентов АЧ представлен как минимум один раз в сложном виде или более одного раза – в простом (при конкатенации разнородных или перечислении однородных тем и рем): «[₁Il est /vrai] | que {₁{₂dans un certain nombre de \lieux}} || [₂{₃on a une concentration des de/mandes} [₃qu'on n'arrive pas à satis\faire.]] } ||».

Отражая последовательное развертывание речевого высказывания в соответствии с совокупностью текущих коммуникативных задач, АЧ представляет собой динамическую структуру, тесно вплетенную в контекст [1, с. 52–54; 4, с. 102–104]. Это означает, что изучение АЧ в рамках изолированного высказывания вне его связи с контекстом неправомерно, так как только в контексте можно говорить об АЧ как о структуре, отражающей важность/актуализированность информации на конкретном этапе развертывания повествования. Данное положение в еще большей степени справедливо по отношению к спонтанной речи.

Известно, что единицей членения спонтанной речи является *фоноабзац* (ФА). В современной литературе ФА понимается как речевой отрезок, включающий как минимум одну рему и характеризующийся определенной степенью коммуникативной и просодической завершенности (автономности). При этом просодия считается единственным средством членения речи на ФА, а определение коммуникативной природы входящих в состав ФА дискурсивных компонентов осуществляется благодаря средствам лексического и синтаксического уровней языковой системы. Просодическая завершенность, способствующая членению речевого потока на ФА, предполагает совпадающее с семантической границей ФА быстрое падение ч.о.т. до одного из двух нижних уровней (низкого или среднего), сопровождаемое снижением интенсивности. При этом отмечается, что наличие паузы само по себе не является достаточным критерием для членения на ФА [5, с. 21].

Структура ФА лишена жесткости: единственным обязательным условием его существования является наличие рематического компонента; порядок следования компонентов, возможности их сочетания и общее число тема-рематических единств (ступеней) не ограничены. Структурная цель-

¹ Здесь и далее тема или рема считается простым компонентом, если в данной речевой реализации в их составе не содержится компонентов более низкой ступени. В обратном случае компонент считается сложным

² Здесь и далее: {} – границы темы или тематизированного компонента, [] – границы ремы, <> – границы модального компонента, () – границы вводных конструкций, / – восходящий равномерный тон, \ – нисходящий равномерный тон, / – восходящий замедленно-ускоренный тон, \ – нисходящий замедленно-ускоренный тон, ↑ – резкий восходящий тон, > – ровный тон, ~ – выделительное ударение (ВУ), |, ||, |, || – паузы; подстрочные индексы указывают на коммуникативную ступень компонента АЧ (1 – для верхней ступени, 2-n – для нижней).

ность ФА обеспечивается коммуникативной взаимозависимостью входящих в его состав синтагм, в основе которой лежит явление *рекатегоризации*. Под *рекатегоризацией* понимается динамическое изменение коммуникативного содержания входящих в состав ФА дискурсивных компонентов по мере развития повествования и его продвижения к заключительной реме ФА. Иными словами, ФА – это последовательность тема-рематических ступеней, каждая из которых выступает в виде диалектического единства двух коммуникативных категорий: в рамках ФА всякая ступень является ремой по отношению к предыдущей ступени и темой по отношению к последующей [5, с. 21]. Как и для ФА в целом, конституирующим компонентом тема-рематического единства (ступени) является рема, поэтому наличие темы в его составе факультативно.

С точки зрения плана выражения рекатегоризация проявляет себя, к примеру, в виде замены неопределенного артикля только что введенного компонента на определенный при его дальнейшем употреблении. В устной речи, как предполагается, основным средством передачи коммуникативного сигнала о рекатегоризации тема-рематического единства является просодия. Из этого следует, что просодическое выражение рематического ядра¹ будет варьироваться в зависимости от того, как рема соотносится с последующим контекстом, а также от того, является она самостоятельным компонентом или выступает в составе темы или ремы высшей ступени.

В соответствии с данной гипотезой в рамках настоящего исследования была поставлена задача выявить роль просодических средств в выражении инициальной и финальной рем повествовательного ФА. Выбор инициальных и финальных рематических синтагм в качестве объекта исследования объясняется тем, что позиция первых предполагает обязательную связь с последующим контекстом, тогда как у последних такая связь отсутствует, т.е. позиция рематических синтагм в начале или в конце ФА обуславливает возможность/невозможность рекатегоризации и, соответственно, вариативности просодического выражения.

Ввиду того, что одночленные ФА, состоящие из одной простой ремы, представляют собой просодически цельнооформленный, обособленный – т.е. не связанный непосредственно с последующим контекстом – компонент, они были отнесены к разряду финальных рем верхней ступени. Просодические средства выражения коммуникативных компонентов верхней и нижней ступеней рассматривались отдельно, поскольку предполагалось, что просодическое выражение рем разных ступеней осуществляется разными средствами.

Исследование проводилось на материале спонтанной французской речи. Для составления исследовательского корпуса были сделаны видеозаписи публичных телевизионных бесед, интервью и теледебатов общей продолжительностью звучания 9 ч 24 мин. Полученный аудиосигнал был оцифрован на компьютере, после чего из общего массива аудиоданных на основании просодических и семантических критериев был отобран экспериментальный

---

¹ То есть *интонационного центра* рематической синтагмы.

материал объемом 525 повествовательных ФА, что соответствует 105 ФА для каждого из пяти говорящих (трех мужчин и двух женщин). Ввиду естественности просодического воплощения отобранных коммуникативных единиц достоверительный анализ применительно к ним не проводился.

Анализируемые ФА были расклассифицированы на основании следующих критериев:

1) контекстуальная зависимость/независимость

- ФА считается контекстуально-зависимым в том случае, если лексико-синтаксические средства языка указывают на его тесную связь с контекстом (наличие союзных слов в начале ФА, местоимений и определенных артиклей внутри ФА), а также, если коммуникативная цель ФА оказывается недостижимой без опоры на контекст;
- ФА считается контекстуально-независимым, если его коммуникативная цель достигается вне зависимости от контекста;

2) компонентный состав (одночленность, двучленность, многочленность).

Согласно данным критериям экспериментальный материал был распределен по шести группам:

- 1) многочленные контекстуально-зависимые ФА;
- 2) двучленные контекстуально-зависимые ФА;
- 3) одночленные контекстуально-зависимые ФА;
- 4) многочленные контекстуально-независимые ФА;
- 5) двучленные контекстуально-независимые ФА;
- 6) одночленные контекстуально-независимые ФА.

Анализ экспериментального материала проводился в два этапа и включал слуховой и акустический виды анализа. Слуховой анализ производился с участием трех экспертов-специалистов в области фонетики французского языка, перед которыми была поставлена задача определить воспринимаемые формальные признаки тональных контуров ФА и выполнить просодическую транскрипцию экспериментального материала. Число предъявлений экспериментального материала аудиторам не ограничивалось. При описании формальных характеристик тонального контура использовалась модель, согласно которой тональный контур представлен в виде иерархичной структуры, состоящей из *интонационного центра*, являющегося его обязательным компонентом, и *предцентровой части*, которая отсутствует в случае односложной синтагмы. Под *интонационным центром* понимается отрезок синтагмы, включающий *главноударный слог* и его энклитику в тех случаях, когда произносится беглый [ə]. К *предцентровой части* относится последовательность ударных и безударных слогов, предшествующая *главноударному слогу* синтагмы. В случае переноса главноударного слога в срединную позицию расположенная за ним последовательность безударных слогов с конечным ударным слогом образует так называемую *заударную часть*.

При описании изменений высоты голоса на главноударном слоге синтагм, соотносимых с компонентами АЧ, аудиторы использовали следующий набор структурных признаков:

1) направление тонального движения, на основании которого выделяются *простые* (восходящие и нисходящие) и *сложные* (разнонаправленные восходяще-нисходящие) тоны;

2) характер и скорость изменения высоты голоса, согласно с которыми выделяются *равномерные* и *неравномерные* (ускоренно-замедленные и замедленно-ускоренные), *плавные* или *резкие* тоны;

3) высотный уровень тонального движения: низкий, средний, средне-высокий, высокий и сверхвысокий;

4) интервал тонального движения: полный, широкий, узкий, нулевой (соответствует ровному тону).

Количественное распределение разновидностей терминального тона в инициальных и финальных ремах повествовательных ФА, %

Тип терминального тона	Уровень	Интервал	Позиция ремы в ФА			
			Инициальная		Финальная	
			Степень, занимаемая ремой в коммуникативной структуре ФА			
			Нижняя	Верхняя	Нижняя	Верхняя
Нисходящий	низкий	широкий	-	-	16,2	11,1
		узкий	17,7	2,6	38,1	41,3
		нулевой	5,8	0,5	4,8	1,3
	средний	широкий	17,7	5,2	27,6	21,6
		узкий	29,5	7,8	6,7	9,8
		нулевой	11,7	-	-	-
	средне-высокий	широкий	-	5,2	3,8	3,8
		узкий	-	4,1	-	0,3
		нулевой	-	-	-	-
	высокий и сверхвысокий	широкий	-	11,4	2,8	10,8
		узкий	-	-	-	-
		нулевой	-	-	-	-
Всего			82,4	36,8	100	100
Восходящий	низкий	широкий	-	4,1	-	-
		узкий	-	-	-	-
		нулевой	-	-	-	-
	средний	широкий	11,7	25,9	-	-
		узкий	-	1	-	-
		нулевой	-	-	-	-
	средне-высокий	широкий	-	14,5	-	-
		узкий	5,9	5,7	-	-
		нулевой	-	1	-	-
	высокий и сверхвысокий	широкий	-	2,6	-	-
		узкий	-	3,7	-	-
		нулевой	-	4,7	-	-
Всего			17,6	63,2	0	0

Достоверность результатов слухового анализа была подтверждена при проведении акустического анализа с использованием специализированной программы PRAAT версии 5.1.43.

Анализ мелодических признаков рематического ядра показал, что финальные ремы отличаются единообразием мелодического выражения (таблица): у всех испытуемых «правая» граница финальных рем ФА выражена равномерным нисходящим тональным движением при любом компонентном составе коммуникативной единицы:

1) «*[Je souhaite¹ sortir la France¹ de la situation dans la/quelle¹¹ elle se trouve¹ aujourd'hui.]*»;

2) «*Puisque... euh...¹¹ {la règle qui a été posée par la loi de 59...¹ par la loi De/bré,¹} [c'est précisément que l'acte d'enseignement est gratuit.]*»;

3) «*{L'immense majorité des chô/meurs¹}¹² [e/ssayent de trouver un em/ploi.]¹ {I(l) y en a certains¹ euh... qui n(e) veulent ↑pas s(e) mettre au tra/vail]}¹ – {c'est une minori/té,¹}¹ mais [¹²c'est une minori/té¹¹]¹ [qui choque.]*».

Данные результаты были предсказуемы, учитывая тот факт, что одним из признаков, на основании которых осуществляется вычленение ФА, является нисходящее движение тона на конечном участке интонационной синтагмы. Учитывая то, что в экспериментальном материале на реме в финальной позиции не было выявлено восходящих тонов, равномерный нисходящий тон следует считать постоянным признаком ремы в финальной позиции ФА. Вариативность обнаруживают признаки регистра и интервала, при этом неизменным остается низкий конечный уровень терминального падения. Различия в начальном уровне нисходящего терминального тона «компенсируются» за счет мелодического интервала: низкие тоны в большинстве своем характеризуются узким интервалом, средние тоны – широким. Это позволяет сделать вывод о том, что значимым мелодическим признаком финальной рематической синтагмы является глубина терминального падения, а именно достижение нижнего предела голосового диапазона. Исключение составляют так называемые «эмфатические» тоны, привносящие в высказывание эмоциональную модальность. Как правило, они берут начало в верхней зоне голосового диапазона и завершаются на среднем или – реже – на средневысоком уровне:

«*[C'est tout à fait ine¹xact!]*» – рематическое ядро актуализируется посредством широкого равномерно нисходящего неглубокого тона высокого уровня.

Привнесение в высказывание эмоциональной модальности находит отражение не только в высотных характеристиках терминального падения. Еще одной особенностью «эмфатических» тонов следует считать замедленно-ускоренный характер изменения высоты голоса:

« $\{1[C'est\ peut\ \hat{e}t(re)\ une\ ten'dance]\}$ | $\{2ce\ qui\ est\ pas\ une\ ten/dance\}$ | $\{2c'est\ des\ heures\ suppl\em{e}n\ taires!\}$ | ».

Высотный уровень тонального движения при актуализации финальных рем верхней и нижней ступеней оказывается практически идентичным (рисунок):

Высотный уровень терминального тона финальных рем нижней и верхней ступеней в повествовательных ФА, %

Анализ характера и интервала тонального движения, наблюдаемого в интонационном центре финальных рем верхней и нижней ступеней, также не выявил каких-либо существенных различий. Терминальные тоны нижнего, среднего и средневысокого уровней характеризуются приблизительно одинаковыми признаками интервала, характера и скорости нисходящего изменения высоты голоса. Финальные ремы верхней ступени несколько чаще маркируются широкими равномерными и замедленно-ускоренными нисходящими тонами высокого/сверхвысокого уровней, однако в данном конкретном корпусе такое соотношение обусловлено повышением эмоциональности речи и, следовательно, непосредственно не связано с коммуникативной структурой ФА.

В инициальной позиции мелодическое воплощение ремы характеризуется большей вариативностью мелодической структуры, которая выходит за пределы одного мелодического типа: в данной позиции рема маркируется не только нисходящим, но и восходящим контуром. При этом ремы нижней ступени обнаруживают значительно меньшее разнообразие терминальных тонов, нежели ремы верхней ступени. Действительно, типичным для инициальных рем нижней ступени, так же, как и для финальных рем, следует считать нисходящий контур. Однако в отличие от финальных рем, инициальные ремы нижней ступени чаще актуализируются равномерными нисходящими тонами среднего (примеры 1 и 2), а не низкого (пример 3) уровня:

1) « $L\grave{a}\ aussi\ \{1[2c'est\ une...!\ c'est\ un...!!\ un\ vieux\ serpent\ de\ mer,]\}$ | $\{l'autonomie\ des\ chefs\ d'\acute{e}tablisse/ment.\}\}$ | $[1Elle\ n'est\ acceptable\ que...]\}$ »;

2) « $\{ \}_{1[2] \underline{J'en ai assez} \{ \}_{2 de l'idéologie} \}$ mais $[\dots]_{11}$ »;

3) «Et $\{ \}_{1[2] \underline{j'aimerais recentrer} \}$ $\{ \}_{2 le produit d(e) cette prime sur l'emploi} \}$ $[\{ \}_{1 \{ \}_{2 sur \backslash ceux d(e) nos compatriotes} \} [\{ \}_{2 qui en ont vraiment besoin.}]]_{11}$ ».

Различия в мелодическом воплощении инициальных рем нижней и верхней ступеней имеют под собой структурные основания. Инициальная рема нижней ступени всегда находится в препозиции по отношению к соответствующей ей теме. В случае отсутствия темы, данная синтагма представляла бы собой компонент верхней ступени. Результаты экспериментальных исследований, проведенных на материале французского языка, свидетельствуют о том, что рема повествовательного высказывания в препозиции к теме маркируется, как правило, нисходящим тоном. Исключение могут составлять эмоционально окрашенные высказывания, в которых главноударный слог ремы несет на себе резко восходящий тон среднего или средневысокого уровня:

« $\{ \}_{1[2] \underline{C'est moi} \{ \}_{2 qui suis pas content} \}$ parce que $[\{ \}_{1 les prix augmentent \backslash plus en / France qu'a \backslash ailleurs. }]_{11}$ ».

Отметим, что инициальное положение ремы нижней ступени во французском многочленном повествовательном ФА – явление редкое. Это обусловлено тем, что инверсия компонентов коммуникативной структуры французского ФА требует, как правило, выделения помещаемой в препозицию ремы при помощи специальных выделительных оборотов (*c'est ... qui, c'est ... que* и др.). Данная операция служит для указания на наиболее важный и/или актуализированный элемент информации, что, по-видимому, противоречит его дальнейшей рекатегоризации, или, иными словами, тематизации (т.е. отнесению на второй план). Именно поэтому инверсия компонентов АЧ, как правило, встречается в двучленных ФА.

Инициальные ремы верхней ступени занимают с точки зрения мелодического воплощения особое место в связи с тем, что – в отличие от других рем – они значительно чаще актуализируются с помощью восходящего контура, чем нисходящего. Кроме того, нисходящие тоны отличаются, как правило, неглубоким падением, которое, как известно, соотносится с идеей частичной завершенности.

Количественное распределение восходящих терминальных тонов в инициальных рематических синтагмах верхней ступени в целом согласуется с имеющимися в научной литературе данными о том, что логически завершенная «фраза» – т.е. «фраза» с выделяемой на основании семантических критериев ремой – может актуализироваться посредством восходящего контура, завершающегося средним или средневысоким восходящим тоном, если говорящий оставляет речевую инициативу за собой [6, с. 227]. Наряду с этим выявлены и нетипичные для данной коммуникативной позиции тоны. К ним относятся равномерный восходящий широкий или ровный тон высокого уровня, а также равномерный восходящий узкий и

ровный тон средневысокого уровня. Употребление этих тонов, по-видимому, объясняется повышенной эмоциональностью речи:

« $\{ \text{[}_1\text{C'est peut-être) une ten}^1\text{dance]} \}$ | $\text{[}_1\text{\{}_2\text{ce qui est pas une ten/dance} \}$ $\text{[}_2\text{c'est des heures suppléments}^1\text{aires!]} \}$ ».

Особенный характер просодического выражения инициальных рем верхней ступени объясняется тем, что в отличие от инициальных рем нижней ступени, они не имеют непосредственно относящейся к ним темы. Это приводит к тому, что, находясь в инициальной позиции в ФА, рема верхней ступени претерпевает преобразования, связанные с динамикой коммуникативной структуры, т.е., как правило, за счет рекатегоризации становится темой для последующего контекста¹, или же занимает инициальное место в ряду нескольких рем при перечислении или оппозиции.

Мелодическое выражение инициальной ремы определяется ее отношением с последующим контекстом. При рекатегоризации главноударный слог ремы, как правило, маркируется широким равномерным восходящим тоном среднего или средневысокого уровня, достигающим верхнего предела высокого регистра:

1) « $\{ \text{[}_1\text{Il y a une chose qui n'a pas été /dite...]} \}$ | $\text{[}_1\text{\{}_2\text{Je partage ce qu'elle a /dit} \}$ $\text{[}_2\text{je voudrais ajouter une chose.]} \}$ || »;

2) « $\{ \text{[}_1\text{Je crois pas que ça soit une question de va/leurs]} \}$ $\text{[}_1\text{d'abord – (on y reviendra, mais...) euh...}^1\text{]} \}$ – $\text{[}_1\text{il n'y a... euh...}^1\text{]} \}$ $\text{[}_1\text{quasiment plus de valeurs catho/liques dans des écoles catho/liques.]} \}$ | ».

Терминальные тоны с теми же признаками встречаются и при перечислении однородных рем, однако в целом просодическое выражение рематических синтагм при перечислении характеризуется большей вариативностью. Так, инициальная рематическая синтагма в ряду однородных рем может актуализироваться посредством замедленно-ускоренного восходящего тона широкого интервала, начинающегося, как правило, на среднем уровне, и заканчивающегося на средневысоком (пример 1) или – реже – высоком (пример 2) уровнях:

1) « $\{ \text{[}_1\text{C'est le cas notamment dans la Région Parisienne]} \}$, $\text{[}_1\text{c'est le cas dans certain nomb(re) d'établissements de province,]} \}$ | $\text{[}_1\text{dans des grandes villes.]} \}$ | $\text{[}_1\text{C'est le cas aussi dans l'Ouest de la France, en Bretagne et en Pays de Loire]} \}$ $\text{[}_1\text{parce que... euh... [l'implantation est traditionnellement importante dans ces régions...]} \}$ »;

2) « $\text{[}_1\text{Parce qu'ils sont en demande de limites]} \}$ $\text{[}_1\text{d'abord}^1\text{]} \}$. $\text{[}_1\text{Ensuite}^1\text{]} \}$ $\text{[}_1\text{parce que... [ils ont bien conscience]} \}$ $\text{[}_2\text{...]} \}$ | ».

Рематические компоненты верхней ступени в инициальной позиции могут находиться в отношении соположения. Последовательность

¹ В случае с инициальной ремой нижней ступени тематизацию претерпевает находящаяся в постпозиции тема.

соположенных рем является результатом смены аргументативной стратегии, изменения лексико-синтаксической структуры или уточнения содержания предыдущего рематического компонента в следующей за ним реме. В этом случае рематическое ядро выражается, как правило, посредством равномерного нисходящего неглубокого тона среднего или средневысокого уровней, за которым следует пауза:

- 1) «[₁Le monde \change.]| [₁Le monde \a chan|gé.]||»;
- 2) «[₁Il y \a des entreprises qui font des pro\fits...] – et {₁/c'est}| [₁tant \mieux!]|»;
- 3) «[₁Nous [˘]sommes₁ en deux mille \sept.]| [₁Nous ne sommes \pas en deux mille \deux.]|».

Равномерный нисходящий тон с паузой нельзя рассматривать в качестве специфического мелодического признака ремы верхнего уровня в инициальной позиции в ФА. По данным французских исследователей М.-А. Морель и Л. Данон-Буало «нисходящий тон + пауза» используются также как средство тематизации и указания на наличие последующей рематической части.

Если просодическое выражение инициальной ремы верхней ступени многочленного ФА определяется ее отношением с последующим контекстом, то инициальные ремы верхней ступени двучленных ФА характеризуется относительным постоянством интонационной формы:

- «[₁Je [˘]mets en \œuvre] {₁cette poli*tique.}|»;
- «Mais [₁j(e) veut dire aux Français [˘]deux \choses] {₁là-de*ssus.}|».

При этом интонационный центр маркируется средним или низким равномерным нисходящим тоном широкого или узкого интервалов. Такой же комплекс структурных признаков отмечается у тонов, актуализирующих инициальные ремы нижней ступени в многочленном ФА. Это объясняется структурой тема-рематических единств. Действительно, в обоих случаях речь идет о реме, находящейся в препозиции по отношению к соответствующей ей теме. Различие наблюдается в мелодической структуре всего тема-рематического единства: в двучленных ФА «правая» граница темы совпадает с окончанием ФА и актуализируется посредством нисходящего тона. В многочленных ФА тема-рематическое единство подвергается рекатегоризации, становясь темой для последующего контекста, и тема нижнего уровня в постпозиции к «своей» реме маркируется восходящим тоном.

В случае повышенной эмоциональности высказывания, ядро инициальной ремы верхней ступени двучленного и многочленного повествовательных ФА может быть выражено широким замедленно-ускоренным (пример 1) или – реже – равномерным нисходящим (пример 2) тональным движением, берущим начало в верхнем регистре голосового диапазона:

- 1) «<Non>, mais [ça dépend des heures supplémentaires que vous faites!]| Puisque [₁{₂ toute l'i\dée...}]| [₂c'était que celui qui travaille /plus gagne \plus.]]|»;

2) «[1C'est autre chose!] C'est-à-dire que...|[1{l'école pri/vée}1][2offre,|(disons,) un cadre.]1».

Как и при выражении терминальной ремы эмоционально окрашенного повествовательного ФА, просодическое выражение инициальной ремы верхней ступени характеризуется неглубоким падением, оканчивающимся, как правило, на среднем уровне голосового диапазона. Это позволяет утверждать, что при актуализации рем повествовательного ФА посредством «эмфатических» тонов глубина падения не указывает на окончание ФА. Напротив, при актуализации рематических синтагм эмоционально нейтральных повествовательных ФА глубина падения оказывается необходимым признаком для передачи коммуникативного сигнала о завершенности/незавершенности высказывания.

В целом результаты слухового анализа подтвердили выдвинутую гипотезу и позволяют говорить о зависимости просодического выражения рематических синтагм от их контекстуальных связей. В финальной позиции, свободной от влияния последующего контекста, ремы нижней и верхней ступеней характеризуются постоянством просодического выражения и отсутствием каких-либо различий между ними. В инициальной позиции рема, напротив, обнаруживает значительную просодическую вариативность, которая определяется, с одной стороны, занимаемой ей ступенью, а с другой – характером семантико-синтаксической связи с последующим контекстом. Так, инициальные ремы нижней ступени, поскольку они всегда находятся в препозиции к относящейся к ним теме, характеризуются единообразием мелодической структуры – нисходящим движением тона в интонационном центре синтагмы. Мелодия инициальных рем верхней ступени обусловлена типом семантико-синтаксической связи с последующим контекстом, и ее вариативность выходит за рамки одного и того же мелодического типа.

Таким образом, на основании результатов исследования можно сделать следующие выводы.

1. Просодическая структура рематического компонента повествовательного ФА во французском языке варьируется в зависимости от позиции по отношению к началу и концу ФА. Ремы, завершающие фонообзац, в отличие от инициальных рем, характеризуются определенным единообразием просодического выражения и всегда актуализируются посредством нисходящего контура. Это объясняется совпадением границ рематической синтагмы и ФА: свободный от влияния последующего контекста рематический компонент реализуется в своем «сильном» варианте. Этому способствует и собственно просодический фактор – обязательное нисходящее движение тона в завершении фоноабзаца.

2. Просодическая структура инициальных рем определяется принадлежностью ремы к нижней или верхней ступени коммуникативной структуры, а также наличием/отсутствием у инициальной ремы относящейся к ней инвертированной темы. Инициальная рема нижней ступени многочленного ФА и инициальная рема верхней ступени двучленного ФА, т.е. такие ремы,

за которыми следует тема, образующая с ними тема-рематическое единство, имеют относительно устойчивое просодическое выражение и актуализируются посредством нисходящего контура. Нисходящее движение тона в этих случаях является необходимым структурным признаком, обеспечивающим идентификацию не только ремы как коммуникативно более значимого компонента АЧ, но и инвертированной темы.

3. Просодическое выражение инициальных рем верхней ступени многочленного ФА зависит от типа связи рематической синтагмы с последующим контекстом. Это означает, что идентификация инициальных рем верхней ступени многочленного ФА осуществляется за счет средств лексического и синтаксического уровней, тогда как просодия отвечает за передачу сигнала о типе взаимоотношений рематической синтагмы и последующей тема-рематической ступени. В случае, когда эти взаимоотношения оказываются идентичными тем, которые существуют между темой и ремой в рамках тема-рематического единства, можно говорить о рекатегоризации рематической синтагмы и ее «превращении» в тему для последующего контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаева, Т.М. Актуальное членение – категория грамматики текста / Т.М. Николаева // ВЯ. – 1972. – № 2. – С. 48–54.
2. Станкевич, В.И. Градуальная структура актуального членения / В.И. Станкевич // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2010. – №2 (45). – С. 88–93.
3. Языкознание: большой энцикл. словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева ; редкол.: Н.Д. Арутюнова [и др.]. – 2-е изд. – М. : БРЭ, 1998. – 685 с.
4. Распопов, И.П. Актуальное членение предложения и контекст / И.П. Распопов // Спорные вопросы синтаксиса. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1981. – С. 99–106.
5. Morel, M.-A. Grammaire de l'intonation. L'exemple du français oral / M.-A. Morel, L. Danon-Boileau. – Paris : Ophrys, 1998. – 292 p.
6. Fontaney, L. L'intonation et la régulation de l'interaction / L. Fontaney // J. Cosnier et C. Kerbrat-Orechioni, Décrire la conversation. – Lyon : Presses Univ. de Lyon, 1987. – P. 225–267.

This article presents the results of auditory and acoustic analyses of French narrative oral paragraphs and shows how tonal structure of a rheme depends on its position at the beginning or at the end of oral paragraph. The paper describes as well how tonal realization of initial or terminal rheme is connected to gradual information structure commonly known as “functional sentence perspective”.

Поступила в редакцию 02.12.10

КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ МАЛОФОРМАТНЫХ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ

В статье рассматриваются подходы к разграничению текстов различных типов и устанавливается комплекс параметров, необходимый (и достаточный) для сопоставления малоформатных текстов из англоязычной периодики. Применение таких критериев анализа, как сфера функционирования, особенности участников коммуникации, их цели, стратегии и тактики, содержательная структура текста и языковые средства воздействия, позволили выявить общие и специфические характеристики трех типов текстов – писем в редакцию, рекламных статей из каталога модной одежды и религиозных статей. Несмотря на принадлежность к разным типам дискурса (публицистическому, рекламному и религиозному), исследуемые тексты объединяет общая сфера массовой коммуникации и директивный характер целевой установки их авторов. В то же время все три типа текста отличаются уникальной структурой построения, собственным комплексом языковых средств воздействия и принципами их распределения в корпусе текста.

Необходимость учета как внутритекстовых, так и экстралингвистических параметров в комплексе является почти непреодолимым препятствием на пути к созданию единой типологии текстов, при этом ситуация усугубляется отсутствием общей терминологической и исследовательской базы. Так, в российской лингвистике практикуется исследовательский принцип «сверху вниз», от стиля к жанру, тогда как, например, в немецкой предпочтение отдается анализу «снизу вверх», от конкретных текстов к классам, типам [1, с. 11–13].

С точки зрения функциональной стилистики, характеризующиеся общей целью и сферой коммуникации стили подразделяются на жанры – своеобразные модели когнитивной и коммуникативной деятельности, типичной для определенной ситуации [2]. Однако, несмотря на существование целого ряда параметров, предлагаемых исследователями для разграничения жанров (контекст, адресат, адресант, отношения между ними, цели, канал связи, содержание, объем и структура текста, языковые средства и др.), до сих пор нет их единой типологии. Проблема заключается в том, что «жанровое членение текстов чрезвычайно разнообразно и подробно, каждый жанр может быть разграничен в самом себе на несколько поджанров в зависимости от вводимых дополнительных языковых и внеязыковых признаков» [3, с. 12].

Ввиду того, что термин *жанр* является многозначным и может интерпретироваться с позиций как лингвистики, так и литературоведения, возникают неизбежные противоречия в его употреблении. Для проведения лингвистических исследований более продуктивной представляется концепция «типа текста», изначально получившая популярность в немецкой лингвистике [4] и затем взятая на вооружение российскими и отечественными учеными [1; 5]. Типы текстов выделяются «на основании общности структуры, пределов вариативности и использования в однотипных коммуникатив-

ных контекстах» [3, с. 12] и подразумевают существование прототипической модели построения и восприятия аналогичных текстов, а также имеют индуктивно-эмпирический статус: конкретные наблюдаемые языковые и неязыковые признаки позволяют носителям языка легко их распознавать.

Преимуществом данной концепции является то, что, во-первых, она позволяет свести бесконечное множество конкретных текстовых форм к обозримому числу их разновидностей (типов) на основе общих признаков. Во-вторых, такой подход базируется на параметрах, выявляемых индуктивным путем и достаточных для объединения отдельных текстов в классы. В-третьих, существует возможность устанавливать свои наборы (комплексы) релевантных критериев для сопоставления разных типов текстов, что является несомненным удобством при решении конкретных лингвистических задач.

Так, с целью проведения нашего исследования необходимо было определить ряд типологических параметров, достаточный для сопоставления малоформатных текстов из англоязычной периодики – *писем читателей* в редакцию газет и журналов («Reader's Digest», «People», «The Seattle Times» и др.), *рекламных статей* из каталога модной одежды «Coldwater Creek» и *религиозных статей* из журнала «Our Daily Bread». Мы полагаем, что для анализируемых типов текстов релевантными являются следующие параметры: 1) сфера функционирования; 2) характеристики коммуникантов; 3) цель; 4) стратегии и тактики ее достижения; 5) содержательная структура текста и языковые средства реализации стратегий и тактик. Такой набор представляется достаточным, поскольку он учитывает как собственно языковые категории (структура и языковое оформление текста), так и условия протекания коммуникации (сфера функционирования, участники, их цели). Однако самым важным является то, что данный подход позволяет также выявить и описать когнитивные аспекты коммуникации, а именно стратегическое планирование процесса и воплощение этого плана при помощи соответствующих тактик. Отметим, что главным из перечисленных параметров выступает цель, управляющая всем процессом коммуникации, для достижения которой, однако, адресант обязан ориентироваться на ситуацию и адресата, строя в результате текст согласно своему представлению о том, каким образом успешнее воздействовать на читателя. Это значит, что цель, сфера функционирования и характеристики коммуникантов предопределяют выбор стратегий и тактик воздействия, которые, в свою очередь, предполагают использование определенных языковых средств их реализации.

Перейдем к описанию рассматриваемых текстов по указанным параметрам. Как и все письма, *п и с ь м о в р е д а к ц и ю* является малоформатным текстом с типовой структурой и содержательной вариативностью, однако оно относится к сфере массовой коммуникации: будучи опубликованным, письмо становится достоянием не одного лица или группы, а массовой аудитории. *Р е к л а м н ы е т е к с т ы*, напрямую пропагандирующие определенную продукцию посредством привлечения внимания потенциаль-

ного покупателя, убеждения в необходимости приобретения рекламируемого товара и возбуждения определенных эмоций, также относятся к сфере массовой коммуникации, поскольку их задача – воздействовать на максимальное число потребителей. Что касается исследуемых религиозных статей, то и они функционируют в сфере массовой коммуникации и, помимо прочего, очень близки языку публицистики. Однако если авторы публицистических текстов ставят целью сформировать у адресата определенные общественно-политические взгляды, при этом характер такого воздействия может быть как положительным (например, выражение благодарности), так и отрицательным (критические статьи), то авторы религиозного текста стремятся вызвать у читателя положительное отношение к пропагандируемой религиозной доктрине.

Таким образом, все исследуемые типы текстов объединяет принадлежность к единой сфере употребления. Тем не менее, будучи представителями трех разных типов дискурса (публицистического, рекламного и религиозного), они характеризуются различиями обсуждаемой в них проблематики.

Говоря о характеристиках участников коммуникации, отметим следующее. Автором письма в редакцию является реальный человек, чем объясняется эмоциональность и субъективность текста, зачастую основанного на описании личного опыта. Исследуемые письма обращены к конкретному лицу или группе: всей редакции издания; журналисту, который написал статью; политикам, действиям которых дается оценка; деятелям искусства, чьи произведения вызвали бурную реакцию общественности; рядовым гражданам, которых автор письма благодарит за помощь и т.д. Однако в конечном итоге адресатом выступает вся читательская аудитория, поскольку такие письма не являются приватными и предназначаются для публикации.

Автор рекламных статей обращается к читателям как эксперт в области моды и стиля, готовый поделиться с ними своими знаниями. При этом он советует, но не навязывает, и его коммуникативное мастерство состоит в том, чтобы задать направление, по которому должен идти читатель, чтобы его мыслительный процесс протекал в нужном рекламисту русле и одновременно создавалось впечатление, что адресат сам делает соответствующие выводы без навязывания извне. Принимая во внимание «избегание» читателями рекламной информации и воздействие конкурирующих изданий, автор рекламного текста предполагает, что только часть аудитории заинтересована в покупке, однако другая (очевидно, большая) часть в лучшем случае ограничится просматриванием каталога. Речь идет о «невовлеченном» потребителе, который не ищет информации о товаре целенаправленно, и именно на эту аудиторию рассчитан экспрессивный способ подачи языкового материала: автор пытается заинтересовать читателя при помощи не только иллюстраций, но также наглядного, образного и апеллирующего к эмоциям описания товара.

Авторами исследуемых религиозных статей являются члены организации «Radio Bible Class», которые готовят к эфиру христианские теле- и

радиопередачи, а также выпускают периодические издания и книги. Это известные в данной области деятели (многие из них являются священниками), участвующие в подготовке программ и печатных изданий и занимающиеся благотворительностью и просветительской работой. Адресатами издания «Our Daily Bread» выступают, прежде всего, изначально заинтересованные и «посвященные» люди. Ссылки на конкретные главы из Библии и упоминания деяний святых свидетельствуют о том, что читатель должен иметь определенные фоновые знания. Однако данной целевой аудиторией указанное издание не ограничивается: статьи написаны очень простым, доступным языком, а истории из жизни настолько увлекательны, что способны привлечь любого читателя. Авторы затрагивают общечеловеческие проблемы и привязывают обсуждаемые темы к актуальным вопросам современности, поэтому тексты могут быть понятны и интересны даже тем, кто не знаком с Библией. Таким способом авторы апеллируют к массовому читателю.

На основании изложенного выше можно заключить, что главными участниками коммуникации в трех случаях выступают: читатель – редакция/журналист; рекламист – потребитель; проповедник/представитель религиозной организации – прихожанин/верующий человек. Совершенно очевидно, что, несмотря на разных участников, во всех обозначенных ситуациях мы имеем дело с институциональным общением.

Перейдем к рассмотрению коммуникативной цели авторов текстов, при этом мы будем исходить из положения о том, что текст может рассматриваться как макроречевой акт [6]. Исследуемые письма в редакцию направлены на реализацию сразу нескольких целей: описать существующую проблему, подчеркнуть важность ее решения, оценить чьи-либо действия, побудить читателя изменить свое поведение. Такая направленность писем связана с тем, что они посвящены актуальным проблемам, поэтому читатели газеты пишут в редакцию не просто для того, чтобы выразить свое мнение и убедить адресата в его правильности (ассертивный макроречевой акт), но и для того, чтобы призвать других читателей или руководство к решению существующей проблемы (директивный макроречевой акт). Что касается рекламных текстов, то их цель – акцентировать (или даже искусственно сконструировать) привлекательные для адресата свойства товара, убедить читателя в превосходстве товара и необходимости его приобретения. Традиционно рекламный текст как речевой акт относят к комиссивам, однако мы полагаем, что исследуемые рекламные статьи являются сложными комиссивно-ассертивно-директивными актами, а их главная цель – побуждение читателя к совершению покупки, осуществляемое как прямым, так и косвенным способом. В свою очередь, целью религиозного текста выступает воздействие на мировоззрение читателя путем убеждения его в правильности религиозных взглядов автора и необходимости поступать в соответствии с нормами христианской морали. А поскольку исследуемые тексты содержат как комментарии к Библии, разъясняющие сложные вопросы, так и

предписания выполнять определенные действия, то их можно отнести к ассертивно-директивным текстам. Объединяет все исследуемые тексты, являющиеся сложными макроречевыми актами, то, что общей (и основной) целевой установкой для них все же выступает побуждение, или директив.

При сопоставлении текстов по такому параметру, как стратегии и тактики, мы исходили из предположения о том, что, анализируя структуру текста и комбинаторику языковых единиц в нем, лингвист способен описать мыслительные процессы, лежащие в основе стратегий воздействия. Это позволило нам индуктивным путем (опираясь на дискурсивные маркеры) выявить использование в исследуемых типах текстов следующих стратегий: побуждения, убеждения и привлечения внимания. Одной из генеральных целей исследуемых текстов является побуждение к совершению действий, например, к участию в выборах, принятию мер по соблюдению порядка в городе (письмо), покупке и использованию рекламируемого товара (статья из каталога), чтению Библии, оказанию помощи ближнему (религиозная статья). Это подтверждает их принадлежность к побудительному дискурсу, который предполагает постепенное, поэтапное движение к планируемой цели, как наглядно демонстрирует следующий отрывок из письма: ***Don't let the voice of error continue to direct our destiny toward decline and destruction. Be informed, be heard.*** Вывод о доминирующем характере стратегии побуждения в исследуемых текстах позволило сделать наличие императивов, призывающих адресата совершить ряд действий. Однако императивы являются далеко не единственным средством реализации данной стратегии. Так, в следующем отрывке побуждение (а именно приглашение к размышлению) осуществляется за счет восклицательного высказывания с модальным глаголом: *Glen and his wife, Julia, have spent years building their school. We **should** regard it as one of our local treasures!*

Не менее важной для исследуемых текстов является стратегия убеждения, поскольку они направлены на то, чтобы адресат в результате прочтения текста разделит точку зрения адресанта. При этом в религиозных статьях и письмах, которые носят аналитический, комментирующий характер, наблюдается убеждение на рациональном и эмоциональном уровнях. Так, в приведенных ниже отрывках из религиозной статьи сочетаются рациональные и эмоциональные аргументы, а о реализации стратегии убеждения свидетельствуют текстуальные средства связи, обозначающие причинно-следственные отношения (*that is why*) и противопоставление (*yet*), эмоционально-оценочное прилагательное (*glorious*), риторический вопрос, приглашающий читателя к размышлениям и привлекающий внимание к следующим далее аргументам: ***That is why it is so difficult to understand how we may know the Creator at all. Yet that is the glorious message of the Gospel; How does grace deal with this problem? An elderly man said it well...*** В рекламе, наоборот, в попытке убедить читателя совершить покупку автор не приводит рациональных доводов, однако делает это на эмоциональном уровне, красочно описывая товар и демонстрируя читателю, какое удовольствие тот получит

от его использования: *They float about you, leaves of every pattern and color, riding the lazy zephyrs in swirls of mesmerizing movement. And landing here, on bedding so magical, sleep seems filled with the lovely shades of a dream.*

Необходимым атрибутом исследуемых текстов является стратегия привлечения внимания, поскольку воздействие в сфере массовой коммуникации невозможно оказать без акцентирования внимания читателя на тексте в целом и наиболее релевантной информации в нем. При этом языковыми средствами выдвижения может выступать целый арсенал экспрессивных конструкций: вопросы, императивы, восклицания и др. Привлечение внимания также осуществляется за счет самого содержания текста: интересной темы и ее значимости для читателя.

Несмотря на то, что в исследуемых текстах стратегии воздействия сходны, они приобретают свои отличительные черты в каждом типе текста ввиду различий тематического содержания. Например, если в письме осуществляется привлечение внимания к проблеме политического, экономического, общественного характера, актуальной на данный момент на уровне города, страны или в мировом масштабе, то в религиозной статье привлекается внимание к моральной проблеме и дается ее толкование с точки зрения христианской религии. Если в религиозной статье читатели открыто побуждаются к совершению поступков, направленных на изменение собственного образа жизни или образа жизни других людей, то для рекламы характерно побуждение к совершению покупки косвенным образом, через описание ситуации, в которой читатель использует уже приобретенный товар.

Опираясь на дискурсивные маркеры, мы выделили в исследуемых текстах следующие тактики реализации стратегий воздействия: вовлечение адресата в диалог, аргументирование, апелляция к эмоциям, повтор, вовлечение читателя в ситуацию. Несмотря на то, что данные тактики оказались общими для всех трех типов текста, были выявлены некоторые особенности их употребления. Если тактики диалогизации, аргументирования, апелляции к эмоциям, повтора свойственны всем анализируемым текстам, то тактика вовлечения читателя в ситуацию больше характерна для рекламы, где важно, чтобы читатель представил, как он использует рекламируемый товар и что получит в итоге. Например, в следующем отрывке такую тактику реализует императив с глаголом физического действия: *Step out of the shower and into the cozy embrace of Old Sol himself...* В данном случае читателя не призывают купить полотенце для ванной открыто, однако описывают ситуацию использования товара, наличие которого у читателя воспринимается как само собой разумеющееся. Еще одним значимым различием в использовании тактик является то, что аргументация в рекламе строится в сфере эмоционального и направлена на формирование положительного отношения к товару, тогда как в религиозных статьях и письмах присутствует аргументация обоих типов (рациональные и эмоциональные аргументы). Помимо этого, в религиозных статьях и письмах для большей убедительности аргу-

ментов в защиту авторской точки зрения также приводятся контраргументы, призванные показать несостоятельность точек зрения, не разделяемых автором. Для рекламы модной одежды данный прием не характерен.

В отношении структуры и языкового оформления текстов были выявлены следующие особенности. В письмах в редакцию представлены пять содержательных компонентов: *ссылка на публикацию, авторская точка зрения, пример, выражение благодарности, решение проблемы*. Однако не все они реализуются в каждом тексте, и наиболее типичной последовательностью является схема *авторская точка зрения – пример – решение проблемы*. При этом авторы писем отдают предпочтение таким языковым средствам воздействия, как вопросы и эмоционально-экспрессивная лексика, концентрация которых наиболее сильна в *авторской точке зрения и решении проблемы*. Сосредоточение эмоционально заряженных языковых средств в инициальном и завершающем компонентах семантической структуры письма позволяет рассматривать ее как *обрамляющую*, когда введение и заключение в равной степени важны. В функциональном плане наиболее употребительные языковые средства воздействия позволяют достичь следующего эффекта: вопросы призваны удержать внимание читателя, вовлекая его в воображаемую беседу (*Do you think that the little group of men that runs the city are ever going to give in and run the city the way it should...?*), а экспрессивная лексика – усилить аргументацию и поддержать интерес адресата к обсуждаемой проблеме (*unspeakable evil, great example, incredibly moving*).

Говоря о структурно-языковой специфике рекламных текстов, отметим, что в исследуемых статьях представлены семантические компоненты *описание ситуации* и *описание свойств товара*, при этом именно сочетание этих двух элементов и является типовой схемой построения статьи из каталога. Самой высокой употребительностью отличаются эмоционально-экспрессивная лексика и эллиптические предложения, однако в целом языковые средства воздействия равномерно распределены в корпусе текста, что позволяет рассматривать структуру рекламной статьи как *сквозную*, когда высокая эмоциональная насыщенность поддерживается на протяжении всего текста. Выполняемые экспрессивными средствами прагматические функции таковы: эллипсис служит для привлечения внимания к описанию товара или ситуации его использования (*Flecked, as the storm-tossed North Sea; Only five minutes to stop at the market*), тогда как экспрессивная лексика акцентирует внимание читателя на положительных свойствах предмета (*sweet little patch, luxurious drape*).

Что касается религиозных статей, то их анализ позволил выделить следующие компоненты семантической структуры: *постановка проблемы, пример, комментарий, выводы*. Однако *постановка проблемы* встречается всего в 34 % текстов, поэтому типовой последовательностью содержательных компонентов является схема *пример – комментарий – выводы*. Из языковых средств воздействия в религиозной статье преобладают синтаксические (вопросы, императивы, параллелизм), что делает данный тип текста наиболее

сложным в плане построения и синтаксической организации. С учетом того, что выявленные экспрессивные средства языка концентрируются в заключительных компонентах (*комментариях* и *выводах*), структура анализируемой религиозной статьи может быть описана как *завершающая*. Составляя текст подобного типа, автор размещает наиболее сильные аргументы и доводы именно в конце текста, при этом употребление комплекса синтаксических средств воздействия позволяет реализовать следующие прагматические функции: предложения разных коммуникативных типов апеллируют к эмоциям и вовлекают читателя в диалог (*Does our willingness to identify with the Savior encourage others to do the same?; Don't waste your breath arguing about how to worship. Worship!*), тогда как параллельные синтаксические конструкции акцентируют аргументы и делают их более запоминающимися и убедительными (*Our skewed sense of morality lays a crooked foundation. Our neglect of our spiritual life allows our house to fall into despair. Our self-centeredness leaves gaping holes for the enemy to creep through*).

Проведенное исследование демонстрирует, что лингвистическая вариативность текста определяется целым рядом параметров, управляющих процессами его создания и понимания. При коммуникации строится не текст вообще, а текст определенного типа, призванный наиболее полно реализовать коммуникативное намерения автора, поэтому изучение языковых средств воздействия в том или ином тексте не представляется возможным без учета специфики структуры, а также неязыковых характеристик данного типа текста.

Так, сопоставление трех типов печатных текстов (писем в редакцию, рекламных и религиозных статей) по пяти параметрам, позволяющим учесть наиболее релевантные коммуникативно-когнитивные аспекты текста, позволило сделать следующие выводы. Несмотря на принадлежность к разным типам дискурса (публицистическому, рекламному и религиозному), у исследуемых текстов много общего. Прежде всего, они относятся к сфере массовой коммуникации, в связи с чем автору важнее ориентироваться на пассивную аудиторию, зачастую неспособную вычленить необходимую информацию самостоятельно. Анализируемые тексты также имеют сходные цели. Они направлены на убеждение в правильности авторской точки зрения (или превосходстве товара в случае рекламы), однако в первую очередь они побуждают читателя к действиям (прямо или косвенно), что позволяет отнести все три типа к директивным текстам. При этом три типа текстов отличаются уникальной структурой построения, собственным комплексом языковых средств воздействия и особенностями их распределения в корпусе текста. В качестве практических рекомендаций по использованию результатов исследования отметим, что выявленные характеристики могут приниматься во внимание при составлении текстов рассмотренных типов с целью оптимизации процессов их порождения и восприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чернявская, В.Е.* Научный текст и его филологическая интерпретация: учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 88 с.
2. *Дементьев, В.В.* Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике / В.В. Дементьев // *Вопр. языкознания.* – 1997. – № 1. – С. 109–121.
3. *Бабенко, Н.С.* О лингвистическом смысле разграничения текстов на жанры / Н.С. Бабенко // *Лексика и стиль: сб. науч. тр.* / Твер. гос. ун-т; отв. ред. Е.В. Розен. – Тверь, 1993. – С. 9–16.
4. *Brinker, K.* Linguistische Textanalyse / К. Brinker. – В.: Springer, 1992. – 163 s.
5. *Карпилович, Т.П.* Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т.П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2003. – 226 с.
6. *Богданов, В.В.* Текст и текстовое общение: учеб. пособие / В.В. Богданов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1993. – 68 с.

The paper discusses approaches to the classification of text types. It is suggested that small-sized media texts (letters to the editor, advertisements from a fashion catalogue and religious articles) can be described and differentiated according to the following set of parameters: sphere of application, characteristics of the participants of communication, their aims, strategies and tactics, text structure and linguistic means of achieving the pragmatic effect.

Поступила в редакцию 22.12.10

Т.В. Тропец

НОВЕЙШИЕ АНГЛИЦИЗМЫ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ (СТРУКТУРНО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье анализируется морфологическая структура современных заимствований из английского языка в итальянском относительно их прототипов в языке-источнике. Выявлены две группы англицизмов: 1) сохранившие и 2) изменившие морфологическую структуру прототипа. В количественном отношении преобладает первая группа. Изменение морфологической структуры прототипа происходит в рамках двух процессов – ассимиляции и деформации. Основными способами ассимиляции являются субституция английских суффиксальных морфем итальянскими морфемами, оформление заимствованной основы итальянской связанной морфемой и изменение порядка следования составных элементов прототипа. Деформация морфологической структуры прототипа в процессе заимствования происходит вследствие сокращения прототипа либо добавления к заимствованной основе английских суффиксов.

К настоящему времени сформировалось понимание заимствования как процесса “перемещения”, “переноса” языковых средств (фонем, морфем, слов, синтаксических конструкций и др.) из одного языка в другой [1; 2], а также как элементов, появившихся в языке в результате этого процесса [2; 3].

Часто на лексическом уровне термин *заимствование* понимается широко и в разряд заимствованных, наряду со словами, перенесенными из языка-источника в язык-реципиент, оказываются включенными и слова, появившиеся на базе, с одной стороны, заимствованных элементов и, с другой стороны, элементов языка-реципиента [4; 5]. Другие лингвисты указывают на необходимость разграничения различных по своей природе языковых явлений – заимствования и словообразования – и считают правомерным использовать термин *лексическое заимствование* лишь по отношению к словам, восходящим формально и семантически к словам другого языка (в терминологии Л.П. Ефремова – прототипам) [6; 7; 8; 9; 10; 11].

В рамках этого подхода неоднозначно решается проблема степени соответствия заимствования своему прототипу. Так, Р. Филипович исключает из категории заимствований лексические единицы, утратившие морфему либо одну из основ прототипа [9]. Мотивируется это тем, что произошедшие в морфологической структуре прототипа изменения не являются следствием приспособления слова к новой языковой среде. Еще больше сужает границы заимствованной лексики Х. Мосс. К заимствованиям ученый относит только лексические единицы, формально и семантически тождественные своим прототипам в языке-источнике [10]. Другие ученые допускают возможность существования тех или иных несоответствий в звуковой форме, графическом выражении, морфологической структуре и лексическом значении между заимствованным словом и его прототипом [7; 11].

Опираясь на понимание заимствования, отраженное в работах Д.С. Лотте и Л.П. Ефремова, мы считаем правомерным использовать термин *заимствование* лишь по отношению к лексическим элементам, имеющим формальный и семантический прототип в языке-источнике, независимо от степени соответствия между прототипом и коррелятивным заимствованием.

В нашей работе источником материала послужили толковые словари современного итальянского языка [15; 21; 24]. Определение факта заимствования и анализ морфологической структуры англицизмов и их прототипов проводились с привлечением англоязычных толковых словарей и других справочных изданий [16; 17; 18; 19; 20; 22; 23].

Сопоставление морфологической структуры англицизмов и их прототипов позволило выделить в их составе две основные группы:

- заимствованные с сохранением морфологической структуры прототипа;
- заимствованные с изменением морфологической структуры прототипа.

Подавляющее большинство англицизмов принадлежит к первой группе. Входящие в ее состав лексические единицы переносят в итальянский язык весь свой морфемный состав. В материале исследования они представлены этимологически простыми словами (итал. и англ. *scrub, rattan, bike, blog, rave, hub, bhangra, bislama, beauty, bozo, musth, rinse, crew, daemon, ghost, eagle, enter, escape, form, font, rille, nerd* и др.), производными (итал. и англ. *empowerment, hoarding, loser, junkie, dinkie, spanking, recovery, release, remix,*

canyoning, rebirthing, chartering, climbing, counselling, helplessness, ticketing, advisor, banner, opening, blogger, collector, damper, flamer, rider, immobilizer и др.), а также лексическими единицами, восходящими к сложным словам или словосочетаниям в английском языке (итал. *icefishing, access provider, air bag, air show, information technology, interior design, junk food, laser disc, new media, newsfeed, newsgroup, pet therapy, low technology, art therapy, tap dance, love affair, bunker buster, daisy cutter* – англ. *ice fishing, access provider, airbag, air show, information technology, interior design, junk food, laser disc, new media, newsfeed, newsgroup, pet therapy, low technology, art therapy, tap dance, love affair, bunker buster, daisy cutter* и др.) и различного рода сокращениям (итал. *asap, brit-pop, deb, defrag, demo, dot com, e-book, e-commerce, e-mail, FX, racon, syngas, synfuel, T-bone, cps, DVD, webcam, wi-fi, knowbot, LISP, lo-fi, m-commerce, MDF, neocon* – англ. *asap, Britpop, deb, defrag, demo, dot com, e-book, e-commerce, e-mail, FX, racon, syngas, synfuel, T-bone, cps, DVD, webcam, Wi-Fi, knowbot, LISP, lo-fi, m-commerce, MDF, neocon* и др.).

Сохранение англицизмами морфологической структуры своих прототипов привело к проникновению в итальянский язык сложных слов с послелогами (итал. *log on, log off, fan-in, fan-out, hand-out, tip off, push up, roll-on, management buy-out* – англ. *log on, log off, fan-in, fan-out, handout, tip-off, push-up, roll-on, management buy-out* и др.), с предлогами и союзами (итал. *tie and dye, on-demand, drag-and-drop, peer to peer, just in time, pay per view* – англ. *tie-and-dye, on demand, drag-and-drop, peer-to-peer, just-in-time, pay-per-view* и др.), а также сложных слов и словосочетаний с типичной для английского языка структурой, т.е. "определяющее + определяемое", например, итал. *call center, easy listening, junk food, junk mail, peacekeeper, skydiving, family planning, pen drive, fan fiction, fast food, fan club* – англ. *call center, easy listening, junk food, junk mail, peacekeeper, skydiving, family planning, pen drive, fan fiction, fast food, fan club* и др.

Англицизмы, заимствованные с изменением морфологической структуры прототипа, в сравнение с первой группой, представлены значительно меньшим количеством лексических единиц. Проведенный анализ показал, что изменение морфологической структуры прототипа происходит в рамках двух процессов – ассимиляции и деформации.

Ассимиляция представляет собой приспособление заимствованной лексической единицы к нормам языка-реципиента [12]. Основными способами ассимиляции морфологической структуры новейших англицизмов являются:

- субституция английских суффиксальных морфем итальянскими морфемами;
- оформление заимствованной основы итальянской связанной морфемой;
- изменение порядка следования составных элементов прототипа.

Субституция наблюдается у этимологически производных лексических единиц и заключается в замене английских суффиксальных морфем, входящих в состав имен существительных и имен прилагательных, эквивалентными им итальянскими морфемами. Произошедшие изменения вызваны межъязыко-

вым отождествлением словообразовательных элементов, восходящих к одному источнику в двух языках, например, *-tion* > *-zione*, *-ity* > *-ità*, *-ive* > *-ivo*, *-an* > *-ano*, *-on* > *-one*, *-in* > *-ina*, ср. итал. *tecnicità* – англ. *technicality*, итал. *tensegrità* – англ. *tensegrity*, итал. *constativo* – англ. *constative*, итал. *detettivo* – англ. *detective*, итал. *luxone* – англ. *luxon*, итал. *devoluzione* – англ. *devolution*, итал. *chaperonina* – англ. *chaperonin*, итал. *vegano* – англ. *vegan*, итал. *apopaina* – англ. *apopain*, итал. *cryotrone* – англ. *cryotron* и др.

Следует, однако, отметить тот факт, что несмотря на наличие в обоих языках большого количества суффиксальных морфем латинского и греческого происхождения [13; 14], данное преобразование морфологической структуры прототипа в процессе заимствования не носит универсальный характер. Об этом свидетельствует, с одной стороны, параллельное существование в итальянском языке англицизмов с субституцией суффиксальной морфемы и в форме прототипа, например, итал. *devoluzione* и *devolution* – англ. *devolution*, итал. *criotrone* и *cryotron* – англ. *cryotron*, итал. *vegan* и *vegano* – англ. *vegan*; другие англицизмы, в состав которых входят вышеперечисленные суффиксы, функционируют в итальянском языке только в форме прототипа, например, итал. и англ. *community*, *session*, *sport utility*, *situation comedy*, *information technology*, *location*, *lost generation*, *mission* и др.

С другой стороны, суффиксы *-ment*, *-er*, *-or*, *-ance*, *-age*, *-al*, *-ist* в составе новейших англицизмов не заменяются соответствующими им итальянскими суффиксами *-mento*, *-ere*, *-ore*, *-anza*, *-aggio*, *-ale*, *-ista*, например, итал. и англ. *advisor*, *attachment*, *beefeater*, *biker*, *blogger*, *bondage*, *collector*, *empowerment*, *factual*, *fund-riser*, *global*, *hip-hopper*, *reality tv*, *recruitment*, *retailer*, *rider*, *router*, *skater*, *skydiver*, *snowboarder*, *specialist*, *sentiment*, *industrial*, *personal trainer*, *outplacement*, *performance bond*, *raw foodist* и др.

Итальянской связанной морфемой оформляются англицизмы, принадлежащие к морфологическому классу глагола. Морфологическое оформление заключается в присоединении к заимствованиям продуктивного в настоящее время формального показателя *-are*, выражающего значение инфинитива, например, итал. *splittare* – англ. *to split*, итал. *formattare* – англ. *to format*, итал. *zippare* – англ. *to zip*, итал. *crackare* – англ. *to crack*, итал. *forwardare* – англ. *forward*, а в личных формах – флексий, связанных со спряжением в результате включения заимствованных глаголов в глагольную парадигму итальянского языка.

Морфологическая структура некоторых заимствованных глаголов изменилась одновременно вследствие субституции английских суффиксальных морфем итальянскими морфемами и оформления заимствованной основы итальянской связанной морфемой, например, итал. *esternalizzare* – англ. *to externalize*, итал. *customizzare* – англ. *to customize*. Данный тип преобразования обусловлен типологической особенностью итальянского языка, в котором в состав глагольных суффиксов входит показатель инфинитива.

Иногда наблюдается изменение порядка следования составных элементов прототипа, ср.: итал. *jet executive, file batch, pool car* – англ. *executive jet, batch file, car pool*.

Если под деформацией понимать изменение формы прототипа, которое не вызвано никакими объективными процессами ассимиляции [12], то способы деформация морфологической структуры новейших англицизмов на почве итальянского языка можно свести к следующим:

- сокращение прототипа;
- добавление к заимствованной основе английских суффиксов.

Проведенное исследование показало, что сокращение морфологической структуры прототипа может затронуть один или несколько элементов сложного слова или словосочетания, словообразовательную морфему, либо часть основы слова.

В итальянском языке может удаляться начальный элемент, входящий в состав прототипа: итал. *tech stock* – англ. *hightech stock*, итал. *jumping* – англ. *bungee jumping*, итал. *vessel* – англ. *reactor vessel*, итал. *voice recorder* – англ. *cockpit voice recorder*, итал. *friendly* – англ. *user-friendly*; срединный: итал. *staffordshire terrier* – англ. *Staffordshire bull terrier*, итал. *day surgery* – англ. *day-case surgery*, итал. *gin tonic* – англ. *gin and tonic*; финальный: итал. *daytime* – англ. *daytime TV*, итал. *starcut* – англ. *star-cut spinnaker*, итал. *gore* – англ. *gorefest* и др. В сложных лексических единицах, состоящих более чем из двух элементов, сокращаться может более чем одно слово. Например, итал. *short track* возникло в результате сокращения английского словосочетания *short track speed skating*; итал. *side bag* восходит к англ. *side-impact airbag*.

Описанное выше преобразование сложного слова или словосочетания в ряде случаев затрагивает не только его морфологическую структуру, но и семантику, так как приводит к смысловой компрессии, переносу значения на одну из частей сложного слова языка-источника. Так, например, англицизм *surround* ‘особая акустическая система, состоящая из двух или более колонок расположенных вокруг слушателя с целью создания эффекта звуковой вовлеченности’¹ возник в результате сокращения английского словосочетания *surround sound* ‘любая из разнообразных стереосистем, состоящая из трех или более колонок, расположенных вокруг слушателя для того, чтобы создать более реалистичный эффект’. Подобное явление наблюдается и в других сложных словах, например, значение итал. *rooming* ‘практика, которая состоит в том, чтобы оставлять новорожденного ребенка с матерью, а не в палате для новорожденных с другими детьми’ соответствует англ. *rooming-in* ‘форма госпитализации, при которой мать и новорожденный ребенок находятся вместе и мать как можно больше заботится о ребенке’. Однако внешне оно совпадает со словом *rooming*, у которого в английском языке нет данного значения; ср., также итал. *snooze* ‘в современных будильниках, функция, которая позволяет временно прервать звонок, который снова сработает некоторое время спустя’ и англ. *snooze alarm*

¹ Здесь и далее перевод с итальянского и английского языка наш.

‘будильник на прикроватных часах, который можно установить так, чтобы он повторялся спустя некоторое время’; итал. *gore* ‘жанр кино, для которого характерны очень жестокие и кровавые сцены’ и англ. *gorefest* ‘фильм с массовым кровопролитием’.

Удалению в процессе заимствования подвергаются суффиксальные морфемы, входящие в состав прототипа в языке-источнике, например, итал. *road price* – англ. *road pricing*, итал. *sky-surf* – англ. *sky surfing*, итал. *kiteski* – англ. *kite skiing*, итал. *real tv* – англ. *reality tv*, итал. *anti-age* – англ. *antiaging*, итал. *e-bank* и англ. *e-banking*, итал. *kite surf* и англ. *kite surfing*; а также и префиксальные – итал. *phone banking* – англ. *telephone banking*, итал. *cold start* – англ. *cold restart*.

Наряду с перечисленными выше заимствованными лексическими единицами, где удаление значимого элемента прототипа происходило по морфемному шву, обнаружено и преобразование морфологической структуры прототипа по аббревиатурному типу, то есть вне зависимости от границ морфем. Один из элементов прототипа англицизма сокращается до односложного или двухсложного образования, представляющего собой часть корневой морфемы, например, итал. *pet-coke* – англ. *petroleum coke*, итал. *promo-tour* – англ. *promotional tour*, либо сокращенная часть корневой морфемы заменяется буквой, например, итал. *xtreme* – англ. *extreme*.

В единичных случаях к прототипу может добавляться связанная морфема английского языка. При этом англицизм сохраняет как значение, так и частеречную принадлежность прототипа, например, итал. *mailing order* – англ. *mail order*, итал. *daily wear* – англ. *daywear*, итал. *trial band* – англ. *triband*.

Некоторые из заимствованных лексических единиц, наряду с вышесказанным, могут быть классифицированы по-другому. Так, например, итал. *mailing order* можно также определить как сложное слово, возникшее на почве итальянского языка по аналогии с англицизмом *mailing list*; итал. *anti-age* может быть также интерпретировано как калька итальянского слова *anti-età*. Тот факт, что сокращение может происходить одновременно в английском и итальянском языках, позволяет классифицировать некоторые лексические единицы либо как сокращенные на почве итальянского языка, либо как заимствованные из английского. Так, несмотря на отсутствие сокращенных форм в словарях английского языка, прототипы итал. *promo-tour*, итал. *pet-coke*, итал. *phone banking* и др. могут существовать и в английском языке, в котором встречаются самостоятельно и в составе других лексических единиц их сокращенные компоненты (например, англ. *promo*, *promo video*, *pet*, *phone*, *phone book*, *phone box* и др.).

Как отмечает Л.П. Крысин, часто в определении способа происхождения того или иного слова можно делать лишь вероятностные, а не категорические утверждения. Такая двойственность, по его мнению, не является дефектом лингвистического анализа, а отражает объективные свойства языковых единиц [8].

Можно заключить, таким образом, что на современном этапе для заимствований из английского языка характерно преимущественно сохранение морфологической структуры прототипа. Лишь у относительно небольшого количества англицизмов наблюдается изменение морфологической структуры прототипа.

Заимствование англицизмов в форме прототипа обусловлено, на наш взгляд, этимологической близостью многих корневых и аффиксальных морфем в обоих языках. Это позволяет соотнести входящие в состав англицизмов основы и аффиксы с соответствующими им морфемами в итальянском языке и использовать англицизмы в форме прототипа, не прибегая к преобразованию их внешней формы.

На сохранение англицизмами морфологической формы прототипа оказывают влияние также и экстралингвистические факторы. Так, престижность английского языка, его особая роль в области коммуникации находят свое отражение в степени владения английским языком среди носителей итальянской культуры. Отсюда и значение социально-психологических факторов, которые сдерживают процесс преобразования внешней формы прототипа.

Выявленные случаи преобразования морфологической структуры прототипа имеют внутрисистемный характер только в случае глаголов. Без соответствующего оформления данная грамматическая категория заимствований не смогла бы функционировать в итальянском языке. Преобразование морфологической структуры, происходящее путем замены английского суффикса соответствующим ему семантически и формально суффиксом итальянского языка, либо изменения порядка следования составных элементов сложного слова и словосочетания, не носит систематический характер и вызвано языковыми предпочтениями говорящего/пишущего. В других случаях изменение морфологической формы прототипа можно объяснить несовершенным владением английским языком, а также стремлением говорящего сделать слишком длинную иноязычную форму более простой для восприятия путем удаления одного из ее элементов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крысин, Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке / Л.П. Крысин ; Ин-т рус. яз. Акад. наук СССР. – М. : Наука, 1968. – 208 с.
2. *Добродомов, И.Г.* Заимствование / И.Г. Добродомов // Лингвистический энциклопедический словарь / Ин-т языкознания Акад. наук СССР; гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 158–159.
3. *Аристова, В.М.* Англо-русские языковые контакты: англицизмы в русском языке / В.М. Аристова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 151 с.
4. *Басалаева, Е.Г.* Семантическая деривация и особенности текстовой реализации слов латинского происхождения в современном русском языке: на материале газетных публикаций : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.Г. Басалаева. – Новосибирск, 2004. – 254 л.

5. *Ферм Л.* Особенности развития русской лексики в новейший период: на материале газет / Л. Ферм. – Uppsala : Uppsala Univ., 1994. – 236 с. – (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia ; 33).
6. *Ефремов, Л.П.* Заимствованное слово и прототип / Л.П. Ефремов // Русское и зарубежное языкознание : сб. ст. / Казан. гос. ун-т ; редкол.: Х.Х. Махмудов (отв. ред.) [и др.]. – Алма-Ата, 1970. – Вып. 3. – С. 18–26.
7. *Лотте, Д.С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д.С. Лотте ; Акад. наук СССР, Комитет науч.-техн. терминологии ; предисл. Т.Л. Канделаки, С.В. Гринева. – М. : Наука, 1982. – 149 с.
8. *Крысин Л.П.* Словообразия или заимствование? / Л.П. Крысин // Лики языка : сб. ст. : к 45-летию науч. деятельности Е.А. Земской / Ин-т рус. яз. РАН ; отв. ред. М.Я. Гловинская. – М., 1998. – С. 196–202.
9. *Filipović, R.* Some Problems in Compiling an Etymological Dictionary of Anglicisms / R. Filipović // On Languages and Language : Annu. Meet., Kiel, July 1991 / Soc. Linguistica Europaea ; ed. by W. Winter. – Berlin ; N.Y., 1994. – P. 127–144.
10. *Moss, H.K.* Pseudoanglicisms in Italian: Concept and Usage / H.K. Moss // Ital. Studies. – 1995. – Vol. L. – P. 123–138.
11. *Ефремов, Л.П.* Понятие о заимствованном слове / Л.П. Ефремов // Русское языкознание : сб. ст. / Казан. гос. ун-т ; редкол.: Х.Х. Махмудов (отв. ред.) [и др.]. – Алма-Ата, 1969. – Вып. 1, ч. 1. – С. 25–42.
12. *Егорова, Н.Ю.* Освоение английским языком внешнекультурной терминологии / Н.Ю. Егорова // Коммуникативный и номинативный аспекты единиц языка : межвуз. сб. науч. тр. / Ленингр. гос. пед. ин-т ; редкол.: В.В. Кабакчи (отв. ред.) [и др.]. – Л., 1989. – С. 114–121.
13. *Володарская, Э.Ф.* Заимствование как универсальное лингвистическое явление / Э.Ф. Володарская // Вопр. филологии. – 2001. – № 1. – С. 11–27.
14. *De Mauro, T.* Postfazione / T. De Mauro // Grande dizionario italiano dell'uso : in 7 vol. / ideato e diretto da T. De Mauro ; con la collab. di G.C. Lepschy, E. Sanguineti. – Torino : UTET, 2000. – Vol. 6 : SF–Z. – P. 1163–1183.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

15. Grande dizionario italiano dell'uso : in 7 vol. / ideato e diretto da T. De Mauro ; con la collab. di G.C. Lepschy, E. Sanguineti. – Torino : UTET, 1999–2000. – 7 vol. + 1 CD-ROM.
16. Longman English Dictionary Online [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.ldceonline.com/dictionary>. – Date of access : 20.01.2010.
17. Merriam-Webster's Learner's Dictionary [Electronic resource] / Merriam-Webster Inc. – 2010. – Mode of access : <http://www.learnersdictionary.com>. – Date of access : 20.01.2010.

18. Merriam-Webster's Medical Dictionary [Electronic resource] / Merriam-Webster Inc. – 2010. – Mode of access : <http://www.merriam-webster.com>. – Date of access : 20.01.2010.
19. Oxford English Dictionary [Electronic resource] / Oxford Univ. Press. – 2009. – Mode of access : <http://www.oed.com>. – Date of access : 20.12.2009.
20. Oxford Reference Online [Electronic resource] / Oxford Univ. Press. – 2009. – Mode of access : <http://oxfordreference.com>. – Date of access : 16.12.2009.
21. *Sabatini, F.* Il Sabatini Coletti : dizionario della lingua italiana / F. Sabatini, V. Coletti. – Milano : Rizzoli-Larousse, 2005. – XXII, 3080 p. + 1 CD-ROM.
22. The American Heritage Dictionary of the English Language [Electronic resource]. – 4th ed. – Houghton Mifflin Company. – Mode of access : <http://www.bartleby.com>. – Date of access : 10.04.2009.
23. Wikipedia. The Free Encyclopedia [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access : <http://en.wikipedia.org>. – Date of access : 20.01.2010.
24. *Zingarelli, N.* Lo Zingarelli 2006 : vocabolario della lingua italiana [Risorsa elettronica] / N. Zingarelli ; motore di ricerca a cura di I.CO.GE. informatica. – Bologna : Zanichelli, 2005. – 1 электр. опт. диск (CD-ROM).

The paper examines the morphological structure of the recent anglicisms in the Italian language and that of their prototypes in the English language. The analysis demonstrates that the anglicisms form two groups, the first consists of words which maintained the original form and the other one – of those which underwent alteration. The latter ones have a relatively small incidence as compared with the former ones. The morphological structure of the prototype can be altered either through assimilation or deformation.

Поступила в редакцию 14.12.10

И.Н. Шпаковская

ОСОБЕННОСТИ ПОРОЖДЕНИЯ ПУНКТУАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В УСЛОВИЯХ РУССКО-АНГЛИЙСКОГО БИЛИНГВИЗМА

В статье рассматриваются особенности использования пунктуационных маркеров в английской письменной речи русскоязычными билингвами. Результаты данного исследования позволяют обозначить общие черты, характерные для пунктуационного «стиля» неносителей языка, а также выявить ситуации, представляющие для них наибольшую сложность. Сравнивая пунктуацию, расставленную русскоязычными билингвами, с оригинальным текстом, а также оценивая альтернативные варианты в плане допустимости с точки зрения нормы, автор приходит к выводу, что трудности, испытываемые русскоязычными билингвами при расстановке знаков препинания, связаны либо с неспособностью правильно идентифицировать смысловые отношения в тексте, либо с интерференцией правил родного языка. При этом, чтобы подтвердить значимость последнего фактора, проводится сравнение пунктуационного «стиля» испытуемых в английском и русском языках.

Для современной лингвистики характерно обращение к изучению не только самих языковых единиц, но и «отношений между знаками и их интерпретаторами, т.е. – говорящим, пишущим, слушающим, читающим» [1, с. 3].

Антропоцентричность современной лингвистической парадигмы создает предпосылки для нового рассмотрения, казалось бы, всесторонне изученных языковых явлений, таких как, например, пунктуация.

В настоящее время актуальным аспектом изучения пунктуации являются ее коммуникативные функции. В этом плане исследуются причины несоответствия пунктуационной теории и существующей пунктуационной практики в различных сферах письменной деятельности (в текстах различных функциональных стилей, в обыденной письменной коммуникации, в интернет-коммуникации, в идиостилиях отдельных авторов и т.д.), а также проблемы изучения механизмов порождения и восприятия пунктуации [2; 3; 4; 5].

Тезис о том, что процессы порождения и восприятия пунктуации следует рассматривать как неразрывное единство, высказывался в более ранних трудах по пунктуации, в частности, в работах А.Б. Шапиро [6] и Б.С. Шварцкопфа [7]. В исследованиях последних лет данные положения находят подтверждение на экспериментальном уровне. На материале различных языков доказывается, что реакция на знак препинания как при чтении текста «про себя», так и при чтении вслух зависит от того, как сам читающий использует знаки препинания в письменной речи [4; 8].

Изучение процессов порождения и восприятия пунктуации в свете ее коммуникативно-прагматической значимости понимается как раскрытие зависимости употребления знаков препинания от интенций пишущего. Данный аспект проблемы особенно актуален при исследовании английской пунктуационной системы, поскольку она, по общему признанию, отличается относительной гибкостью в плане обязательности/факультативности использования знаков препинания. Некоторые исследователи называют процесс расстановки знаков препинания в английском тексте искусством (art), а не наукой [9, с. 11]. Если в более ранних работах по английской пунктуации авторы только констатировали ее относительную гибкость по сравнению, например, с русским языком [10; 11], то в работах последних лет делаются попытки объяснить данную специфику экстралингвистическими, социокультурными причинами, в частности, особенностью англосаксонской культуры, которой свойственны «эгоцентризм, проявление индивидуализма, самоопределение в выборе свобод, которые приводят к возникновению субъективно оформленных построений в языке и объясняют индивидуализацию выбора пунктуационной модели предложения» [12, с. 11]. Так, в исследовании динамики развития пунктуационных систем русского и английского языков Н.Н. Орехова делает предположение о том, что приверженность к традициям и способность разрешать противоречия на основе компромисса, свойственные британскому менталитету, повлияли на процесс нормализации пунктуационной системы, поскольку, «отсутствовал резкий разрыв с интонационно-риторической традицией, и, как следствие, английская пунктуация в большей степени антропоцентрична» [13, с. 18].

Одно из широко признанных в настоящее время положений состоит в том, что пунктуация выступает как одно из вспомогательных средств письменной речи, которая рассматривается как процесс коммуникации между

пишущим и читающим. Для того чтобы процесс коммуникации был успешным, необходимо соблюдение «пунктуационной нормы», обеспечивающее единство подхода к пунктуированию у пишущего и читающего [13; 14]. В противном случае знаки препинания могут выступать в качестве фактора, затрудняющего процесс коммуникации. Возможность такой ситуации значительно возрастает при восприятии текста на иностранном языке, поскольку понятия о пунктуационной норме у автора англоязычного текста и русско- и белорусскоязычного билингва, читающего данный текст, могут существенно отличаться. Более того, у каждого из них имеется индивидуальный подход к пунктуированию.

Вопрос о пунктуации как о потенциальной области просодико-смысловой интерференции для русскоязычных билингвов затрагивался рядом авторов [15; 16]. В их работах отмечалось, что знаки препинания либо полностью игнорируются пишущими на иностранном языке, либо имеет место отрицательная интерференция и пишущий пользуется правилами, присущими родному языку [16]. Проведенный сравнительный анализ качества устного воспроизведения английских поэтических текстов носителями языка и русскоязычными билингвами показал, что билингвы не всегда адекватно реагировали на знаки препинания: при этом их прочтение характеризовалось большим количеством пауз, а также замедленным темпом в местах, не отмеченных пунктуационными маркерами или концом строки (строфы) [15].

Одним из этапов осуществляемого нами исследования английской пунктуации явился эксперимент, направленный также на выявление особенности порождения знаков препинания в английском тексте у русскоязычных неносителей языка.

Двум группам испытуемых, в качестве которых выступили студенты, владеющие английским языком на уровне выше среднего (Upper-Intermediate), были предложены тексты, с выведенными внутрифразовыми знаками препинания. Участникам эксперимента было предложено расставить знаки препинания в тексте. При этом первая группа должна была расставить знаки, опираясь только на письменный текст, в то время как второй группе было предложено расставить знаки препинания после прослушивания записи чтения вслух данного текста. В обоих случаях у испытуемых было время ознакомиться с текстами и снять возможные трудности лексического характера.

Расстановка знаков препинания в тексте без звуковой поддержки давала возможность как выявить общие тенденции пунктуирования, свойственные русскоязычным билингвам, так и проследить индивидуальные особенности пунктуационного «стиля». При прослушивании текста расстановка знаков препинания, по нашему предположению, должна была пройти более успешно, так как смысловое членение данного текста уже было произведено диктором, читающим данный текст. Мы учитываем при этом, что в данном случае присутствует опасность восприятия любой паузы, сделанной диктором, в

качестве сигнала к пунктуационному членению предложения, что также может явиться источником пунктуационной ошибки, поскольку отсутствие прямой корреляции между паузацией и пунктуацией доказано многочисленными исследованиями на материале разных языков [17; 18]. Наличие пунктуационного знака и в русском, и в английском языках в подавляющем большинстве случаев является сигналом к синтагматическому членению, при этом количество знаков препинания, сопровождающееся синтагморазделом в обоих языках, приблизительно одинаково (около 90%). Вместе с тем на долю знаков препинания приходилось лишь около половины от общего количества синтагморазделов [19, с. 91].

Далее тексты с проставленной пунктуационной разметкой сравнивались с оригинальным текстом. При этом случаи несовпадения с английским эталоном (АЭ) также рассматривались в рамках их допустимости с точки зрения пунктуационной нормы английского языка (табл. 1). Вывод о допустимости/недопустимости поставленного или пропущенного пунктуационного знака делался на основе изучения имеющихся в литературе рекомендаций по употреблению английской пунктуации, трактующих отделение той или иной конструкции пунктуационно как обязательное или факультативное [20; 21; 22]. К оценке правильности пунктуационной разметки текста русскоязычными билингвами также привлекались информанты – носители английского языка.

Т а б л и ц а 1

Сопоставление знаков препинания, расставленных испытуемыми, с АЭ, %

Испытуемые	Знаки препинания				
	Полностью совпадают с АЭ	Совпадают по локализации		Не совпадают с АЭ	
		в пределах нормы	отклонение от нормы	в пределах нормы	отклонение от нормы
И ₁	23	13	7	10	47
И ₂	43	14	5	5	33
И ₃	41	8	5	17	29
И ₄	26	13	0	13	48
И ₅	33	14	10	14	29
И ₆	33	18	3	10	36
И ₇	26	11	4	15	44
И ₈	32	18	7	11	32
И ₉	38	13	8	8	33
И ₁₀	38	5	12	12	33

Как следует из данных, полученных при обобщении результатов первой группы испытуемых, задание представило значительную трудность для всех участвующих в тесте. Полное совпадение с оригинальной пунктуацией в среднем было зарегистрировано приблизительно в 33% случаев (усредненное

значение по всем испытуемым). Отдельную группу составили случаи частичного совпадения – когда расстановка знаков препинания совпадала по локализации, но отличалась по употребленному типу знака препинания. Наиболее распространенным было употребление запятой вместо тире или двоеточия, а также парных запятых вместо тире или скобок. В случаях с парными знаками данные варианты признавались возможными, в то время как использование запятой вместо тире или двоеточия вели к некорректной идентификации семантико-синтаксических связей в предложении и считались нарушающими норму.

Среди наиболее типичных ситуаций, когда наличие/отсутствие знака препинания не совпадает с оригинальным вариантом, но является допустимым с точки зрения нормы, можно назвать отделение обстоятельственных оборотов времени и вводных слов типа *nowadays*, *of course*, *perhaps* в позиции начала предложения, а также отделение частей в сложносочиненном предложении.

Ошибки, представляющие отклонения от нормы, можно условно подразделить на две группы. Во-первых, это случаи, когда испытуемые не смогли правильно идентифицировать семантико-синтаксические отношения между частями предложения, т.е. когда имеет место проявление смысловозначительной функции знаков препинания. Например:

To stop them straying, the cars are colour-coded (оригинальный вариант)
'Чтобы не допустить отклонения от маршрута, машины окрашиваются в «кодовые» цвета';

To stop them, straying the cars are colour-coded (испытуемые 1, 5).

Во-вторых, имеют место ошибки, возникшие вследствие автоматического переноса правил пунктуации русского языка на английский язык:

It can be said that you get what you pay for (оригинальный вариант)
'Можно сказать, что вы получаете то, за что заплатили';

It can be said, that you get, what you pay for (испытуемые 1, 3–6).

Как известно, пунктуационное отделение придаточных предложений от главного в русском языке обязательно независимо от типа придаточного предложения, в то время как в английском языке отделение знаками препинания придаточных дополнительных предложений является явным грамматическим нарушением. Следует отметить, что данный тип ошибок зарегистрирован у всех испытуемых, а в некоторых предложениях такая отрицательная интерференция привела к перенасыщенности знаками препинания («overpunctuation»): в то время как в оригинальном тексте было 20 пунктуационных знаков, у отдельных русскоязычных испытуемых насчитывалось от 27 до 30.

Для того чтобы более полно проанализировать результаты по второй группе испытуемых, экспериментальный текст, предлагаемый для прослушивания, был подвергнут аудитивному анализу, в ходе которого фонетисты-эксперты расставили границы просодического членения и обозначили характер воспринимаемых пауз как эквивалент типа членения. Идентифика-

ция типов членения проводилась в рамках градаций степени самостоятельности/связанности синтагм, установленных на основе ряда экспериментально-фонетических исследований [23; 24]. Аудиторам предлагались для идентификации и обозначения: автономизирующее синтагматическое членение (||), относительно свободное синтагматическое членение (|), синтагматическое членение средней степени (|) и слабое (неполное) синтагматическое членение (|). Сравнение данных аудитивного анализа текстов с оригинальной пунктуационной разметкой показало, что в 95% случаях при наличии пунктуационного знака в письменном тексте аудиторами регистрировалось синтагматическое членение. В то же время лишь 41% от общего количества синтагморазделов маркировано пунктуационно. Тем не менее, учитывая, что в тех местах, где в письменном тексте присутствовали знаки препинания, членение было более ярким (свободный и автономизирующий тип), а в позициях, не отмеченных знаками препинания, тип стыка между синтагмами в более чем 85% является средним (нейтральным), отражающим более тесную связь между частями фразы, можно было предположить, что в большинстве случаев испытуемые-билингвы смогут определить, требуют ли синтагморазделы пунктуационного отделения на письме в зависимости от того, насколько тесно связаны между собой элементы высказывания. Следует также отметить тот факт, что слабый (промежуточный) тип стыка ни разу не регистрировался в тех местах, где были употреблены знаки препинания.

Как следует из результатов, приведенных в табл. 2, процесс расстановки знаков препинания у испытуемых второй группы был более успешным как с точки зрения совпадения с АЭ, так и по соответствию норме.

Т а б л и ц а 2

Сопоставление знаков препинания, расставленных испытуемыми после восприятия текста на слух, с АЭ (%)

Испытуемые	Знаки препинания				
	Полностью совпадают с АЭ	Совпадают по локализации		Не совпадают с АЭ	
		в пределах нормы	отклонение от нормы	в пределах нормы	отклонение от нормы
И ₁	41	17	7	21	14
И ₂	38	20	5	20	17
И ₃	37	19	7	22	15
И ₄	48	29	4	14	5
И ₅	43	13	12	16	16
И ₆	52	22	8	13	5
И ₇	48	17	5	17	13
И ₈	37	17	4	21	21
И ₉	38	23	4	23	12
И ₁₀	44	17	5	28	6

У испытуемых практически отсутствовали ошибки, вызванные непониманием содержания. Вместе с тем ошибки, связанные применением правил пунктуации русского языка, наблюдались и у данной группы дикторов, в частности, отделение придаточных дополнительных предложений, несмотря на то, что при устной интерпретации данных конструкций членение было представлено средним типом стыка. Случаи отклонения от АЭ приходились также на те участки фразы, в которых синтагмораздел, маркированный как свободный тип стыка, не сопровождался знаком препинания, но, как правило, данный тип стыка был зарегистрирован в тех позициях, где употребление знака препинания не противоречило пунктуационной норме английского языка.

Следует отметить, что данный текст воспроизводился профессиональными дикторами, способными максимально точно интерпретировать смысловые отношения, заложенные в тексте автором. Несмотря на это, большинство испытуемых не сумели соотнести дифференциацию смысловой связи с дифференциацией пунктуационных знаков – у большинства испытуемых единственным задействованным знаком препинания была запятая, причем данная особенность была характерна для обеих групп – только 35% испытуемых использовали другие знаки препинания. В целом, однако, можно сделать вывод, что использование озвученного варианта текста явилось фактором, значительно способствующим правильной расстановке знаков препинания носителями языка.

В рамках данного исследования представлялось важным также проверить, насколько взаимосвязаны подходы к пунктуированию текстов на родном и иностранном языках. Для этого участникам эксперимента было предложено составить краткое письменное сообщение на заданную тему на русском языке – о работе такси в Республике Беларусь (текст на английском языке был посвящен работе такси в разных странах мира). Далее данные тексты анализировались с точки зрения соответствия употребленных в них знаков препинания норме пунктуации русского языка. В целом проведенный анализ подтверждает высказанное ранее предположение о том, что пунктуационный «стиль», свойственный пишущему в его родном языке, влияет на то, как он использует пунктуацию при составлении текста на иностранном языке. Так, большинство испытуемых, англоязычные тексты которых оказались «перегруженными» знаками препинания, строго следовали правилам употребления пунктуационных знаков при составлении текста на родном языке, а те, у кого было зарегистрировано минимальное количество знаков препинания в экспериментальном тексте, проявили аналогичную небрежность при пунктуировании русскоязычного текста. Вместе с тем у отдельных испытуемых отмечалась прямо противоположная тенденция – соблюдение правил пунктуации в русском языке и одновременно игнорирование пунктуационных маркеров в текстах на английском языке. На наш взгляд, такое несоответствие можно объяснить неуверенностью – не зная правил употребления правил пунктуации английского языка, испытуемые не

решились на перенос правил родного языка и предпочли проигнорировать спорные моменты.

Можно предположить, что процесс устной интерпретации письменного текста, когда формат «автор – текст – читающий» трансформируется в формат «автор – текст – читающий – слушающий», может представлять еще большую трудность для носителей языка. В этом случае читающий выступает в роли посредника, и перед ним стоит задача не только корректно декодировать информацию, содержащуюся в тексте, для себя, но и передать ее адекватно, т.е. таким образом, чтобы авторские интенции стали ясны слушающему.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Майзенгер, Н.В.* Позиционно-содержательная и прагматическая значимость знаков препинания в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.В. Майзенгер. – Барнаул, 2004. – 19 с.
2. *Аврамова, А.Г.* Лингвистические особенности электронного общения: на материале французского, английского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А.Г. Аврамова. – М., 2005. – 227 л.
3. *Манькова, Л.А.* Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.А. Манькова. – Волгоград, 2008. – 164 л.
4. *Власов, М.С.* Теоретико-экспериментальное исследование процессов порождения и восприятия «естественной» пунктуации (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.С. Власов. – Бийск, 2008. – 248 л.
5. *Ярица, Л.И.* Пунктуационные нормы и тенденции их изменения в некодифицированных текстах: на материале конспектов студентов томских вузов : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.И. Ярица. – Томск, 2009. – 255 л.
6. *Шапиро, А.Б.* Современный русский язык. Пунктуация: учеб. пособие для пед. ин-тов по специальности «Русский язык и литература» / А.Б Шапиро. – 2-е изд., испр. – М.: Просвещение, 1974. – 287 с.
7. *Шварцкопф, Б.С.* Современная русская пунктуация: система и ее функционирование / Б.С. Шварцкопф. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
8. *Steinhauer, K.* Prosodic Boundaries, Comma Rules, and brain Responses: The Closer Positive Shift in ERP as a universal marker for Prosodic Phrasing in Listeners and Readers / K. Steinhauer, A.D. Friederici // Journal of Psycholinguistic research. – 2001. – Vol. 30 (3). – P. 267–292.
9. *Гордон, И.* Практическое пособие по пунктуации английского языка / И. Гордон. – М.: Высш. шк., 1981. – 72 с.
10. *Александрова, О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса: на материале английского языка / О.В. Александрова. – М.: Высш. шк., 1984. – 211 с.
11. *Арапиева, Л.У.* Теория и практика знаков препинания в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л.У. Арапиева; МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1985. – 23 с.

12. *Шелкова, С.В.* Пунктуационная модель сложного предложения как отражение онтологических связей: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С.В. Шелкова. – Барнаул, 2004. – 19 с.
13. *Орехова, Н.Н.* Пунктуационная система языка: оформление и динамика развития: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Н.Н. Орехова. – Воронеж, 2001. – 37 с.
14. *Шубина, Н.Л.* Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Н.Л. Шубина. – СПб, 1999. – 454 л.
15. *Вишневская Г. М.* Соотношение паузации и пунктуации в чтении поэтического текста (к проблеме иноязычного акцента) // Фонетика устного текста: межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: Г.М. Вишневская (отв. ред.) [и др.]. – Иваново, 1987. – С. 19–28.
16. *Николаева, Н.Е.* Практика преподавания английской пунктуации и проблема интерференции / Н.Е. Николаева, Т.Н. Шишкина // Фонетическая интерференция: межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: Г.М. Вишневская (отв. ред.) [и др.]. – Иваново, 1985. – С. 105–113.
17. *Кривнова, О.Ф.* Паузирование при автоматическом синтезе речи / О.Ф. Кривнова, И.С. Чардин // Теория и практика речевых исследований: материалы конференции. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова; Ин-т языкознания РАН, 1999. – С. 104–129.
18. *Надеина, Т.М.* Фразовая просодия как фактор речевого воздействия / Т.М. Надеина; Ин-т языкознания РАН; Моск. гос. ун-т сервиса. – М., 2003. – 145 с.
19. *Шпаковская, И.Н.* Конкретно-языковые и типологические особенности соотношения синтагматического и пунктуационного членения при чтении вслух / И.Н. Шпаковская, Ю.А. Корневская // Чтение как объект изучения в лингвистике и методике иноязычного образования: сб. ст. по материалам круглого стола, посвящ. вопросам чтения как вида речевой деятельности и его роли в преподавании иностранного языка в вузе / под ред. Е.Б. Карневской. – Минск: МГЛУ, 2010. – С. 88–93.
20. *Allen, R.* Punctuation / R. Allen. –Edinburg: Oxford Univ. Press, 2001. – 80 p.
21. *Chamber's Guide to Punctuation.* – Chamber's Harrap Publishers Ltd, 1999. – 89 p.
22. *King, G.* Punctuation / G. King. – Glasgow: Harper Collins Publishes, 2000. – 185 p.
23. *Карневская, Е.Б.* Просодическая организация высказывания и его семантико-синтаксические особенности / Е.Б. Карневская, Т.А. Дерман // Функциональная реализация системы языка (грамматика, лексикология, стилистика и фонетика германских и романских языков): сб. науч. ст. / Минск. гос. пед. ин-т иностр. языков ; редкол. : Е.К. Щука (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 1983. – С. 192–198.

24. Карневская, Е.Б. Просодические средства внутрифразового смыслового членения в английском языке / Е.Б. Карневская, Т.М. Насонова // Исследования английской звучащей речи : сб. науч. ст. преподавателей, аспирантов и магистрантов кафедры фонетики английского языка / Е.Б. Карневская (отв. ред.). – Минск : МГЛУ, 2007. – С. 55–63.

The article deals with specific features of using punctuation marks in English texts by non-native speakers. Comparative analysis of the texts punctuated by non-native speakers and the original text reveals common tendencies of Russian speakers' punctuation style as well as the situations posing difficulties for the non-native speakers.

Поступила в редакцию 21.12.10

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А.А. Марданов

ФИКТИВНОСТЬ ИСТОРИИ КАК ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ
КОНЦЕПЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖУЛИАНА БАРНСА

Статья написана в рамках изучения авторского своеобразия произведений Джулиана Барнса, художественной идеей которых является невозможность существования факта, непреложной истины, а также искажение истории при каждой интерпретации ввиду ее текстуальной природы, что делает ее похожей на литературу. Альтерация истории происходит также потому, что она является идеологическим конструктом (корректировка по причине идеологии и властных отношений). Барнс провозглашает приоритет субъективной версии над объективным фактом, вариативность, невозможность отражения объективной реальности посредством одной версии – только совокупность множества версий может наиболее полно отразить объективную реальность. Не должно существовать единого носителя истины. Сопутствующими мотивами являются цикличность истории и необходимость коллективной памяти, чтобы избегать ошибок прошлого. Агностицизм Барнса также проявляется в ненависти к датам ввиду их фиктивности и относительности.

Художественной идеей произведений Барнса является фиктивность истории. Ее искажение – неизбежный элемент работы историков, так как она «...доступна только в текстовой форме» [1, с. 143], поэтому история представляет собой не факты, а их субъективную интерпретацию, поскольку все, что воспринимается с помощью языка, фиктивно по определению. «История не мыслится как данность, а приобретает характер рукописи, текста, который можно дописывать, домысливать, видоизменять и в конечном итоге создавать по своему желанию» [2, с. 292]. Ю. Виноградова, изучавшая историографический метароман¹, также отмечает, что причина искажения в том, что «между событием и историком стоит текст, который кем-то создан. Даже историк – непосредственный наблюдатель события передает только свою рефлекссию о нем. ...Событие оказывается зашифрованным в тексте, а историк предстает как его дешифровщик» [3, с. 50]. Историк не извлекает из текста внетекстовую реальность, а сам создает ее. Как сказал Р. Барт, историк «...организует свой собственный дискурс, поправляет и изменяет его по ходу дела» [4, с. 428]. Следовательно, в текстовой природе истории заключается ее связь с литературой². Поэтому Барнс часто иронично говорит о непостижимости истории, невозможности ее уловить: «...те, кто пробовал поймать поросенка, теряли равновесие и падали... Наше прошлое порой ведет себя с нами так, как этот поросенок» [6].

Главным для Барнса является вопрос, «каким образом осознается прошлое?». По его мнению, история – это, не то, что действительно произошло, а то, что рассказывают историки, поскольку именно они

¹ Термин введен Л. Хатчен в книге «Поэтика постмодернизма» (“A Poetics of Postmodernism”, 1988).

² «...историк... столь же вдохновенно сочиняет исторический текст, как поэт или драматург» [5].

не только находят «факты», но и, самое главное, устанавливают их значения, интерпретируют. Лейтмотивом произведений Барнса является отсутствие окончательной правды, непреложной истины, поскольку все предельно субъективно, и количество истин равняется количеству версий. Процесс фиктивного заполнения пробелов в истории Барнс называет «фабуляцией», выдумыванием, сочинительством: «...мы сочиняем. Мы придумываем свою повесть, чтобы обойти факты, которых не знаем или которые не хотим принять; берем несколько ...фактов и строим на них новый сюжет. Фабуляция умеряет нашу панику, и нашу боль; мы называем это историей» [7, с. 191]. История, таким образом, «...является еще одним литературным жанром: прошлое – это автобиографический вымысел...» [8]. Даже биография – это роман, а воспоминания – искусственность вымысла: «наши воспоминания – это то, что мы себе придумали, признайте же вы это» [9]. И. Ильин, ссылаясь на К. Мэррея, Н. Фрая, Х. Уайта, П. Рикёра и Ф. Джеймсона, также говорит, что «...человек строит свою личность (идентичность) по канонам художественного повествования...» [10, с. 279].

В своих произведениях Барнс отмечает нестабильность исторических знаний, вариативность исторического дискурса: «ничто не является непреложным: такова природа истории» [11, с. 127]. Вариации в его романах происходят не только с историческими событиями, но и с персонажами, которые в течение повествования выступают в совершенно разных ипостасях. Кроме того, исторический дискурс, по Барнсу, представляет собой идеологический конструкт. Процесс заполнения неизвестных или замены неудобных эпизодов истории вымыслом опосредован политикой, идеологией, властными отношениями классов. Например, в романе «История мира в 10 ½ главах» (“A History of the World in 10 1/2 Chapters”, 1989), главной темой которого является осознание прошлого, проблема его истинности, говорится, что перед отплытием кораблей Колумба была обещана премия тому, кто первым увидит Новый Свет. Первым его увидел простой матрос, но премию и славу получил Колумб – «...голубь снова выпихнул ворона из истории» [7, с. 191]. В другом произведении он пишет: «... позже, уже в нашем столетии, политические руководители нашей страны весьма успешно будут вымарывать людей из истории, убирая их с фотографий» [12, с. 104]. Барнс акцентирует изменение истории со временем, превращение фактов в заблуждения и – наоборот, в зависимости от изменения идеологии и политической ситуации: «...знания никогда не остаются статичными и то, что сегодня достоверно, может превратиться в завтрашние суеверия» [13, с. 59]. Противоречивость истории, таким образом, также обусловлена волей к власти.

Новый историзм Барнса представляет оппозицию факта и вымысла, невозможность отличить правду от вымысла; раскрывает субъективность, альтернативность и противоречивость истории; акцентирует искажение факта при каждом его пересказе, потерю всякого источника, заменяет принцип законченности принципом открытости: «... всякий раз, когда я рассказываю какую-нибудь историю, она оказывается совсем другой.

И уже не помню толком, как они в большинстве родились. Не знаю, что правда, а что нет. Не знаю, откуда я взялся» [14, с. 93]. Отвергается единое историческое знание, сама возможность существования исторического факта: «все мы знаем, что объективная истина недостижима, что всякое событие порождает множество субъективных истин, а затем мы оцениваем их и сочиняем историю, которая якобы повествует о том, что произошло «в действительности»... Сочиненная нами версия фальшива, это изящная невозможная фальшивка...» [7, с. 273].

Барнс провозглашает приоритет субъективной версии над общепринятой объективной. Моносемии, решительным утверждениям он предпочитает предположения, версии, вариативность, поскольку все знания и утверждения, по его мнению, условны и неокончательны. Читателю предоставляется набор мнений, из которых он должен выбрать для себя свою версию. Отсюда у Барнса стремление к минимализму и схематизации в изображении персонажей. Его творческая задача по решению проблем истинности, по его словам, заключается в том, чтобы «...отражать окружающий мир во всей его правоте и противоречивости» [15]. В историографическом метаромане Барнса говорится о субъективной интерпретации прошлого, разлагающей один факт на несколько версий. При этом одна версия не может быть достаточной для объяснения объективной реальности. В «Истории мира...» он представил десять версий всемирного потопа в десяти новеллах от имени разных персонажей. Тот факт, что одна из них была от имени древесного червя, подчеркивает презумпцию равнозначности и правдоподобности каждого мнения, независимо от авторитета источника. В романах «Попугай Флобера» (“Flaubert’s Parrot”, 1984) и «Любовь и т.д.» (“Love, etc”, 2000) он использовал абсолютно одинаковое выражение, подтверждающее эту идею: «история блохи может быть столь же блистательна, как и история Александра Македонского – все зависит от исполнения» [16]. Все версии должны быть наделены равным статусом надежности. Не должны существовать носители абсолютной истины. Только взаимосвязь версий может наиболее полно отобразить объективную реальность.

Барнс демонстрирует переписывание истории и многовариантность факта на бытовом уровне, на отношениях между персонажами, например, в романе «Артур и Джордж» (“Arthur and George”, 2005) – с помощью клеветы, вытесняющей объективный опыт множеством ложных версий. «Факты» о Джордже так разнятся, что он превращается в мифического литературного персонажа. Все, что написано о нем в газете, – неправда: ему не двадцать восемь, а двадцать семь, его отец не индус, а парс, его мать не англичанка, а шотландка [17]. Эта ложная информация, представляемая как факт, распространяется в виде сплетен, умножая тем самым количество версий. Таким образом, даже существование субъекта не является единичным и стабильным, а заменяется каждый раз новым вариантом, множится на количество его восприятий, различающихся в зависимости от осведомленности воспринимающего субъекта: «что думаете вы – это одно, но совсем другое, что думает свет» [13, с. 269]; поэтому Барнс подвергает

сомнению реальность самого субъекта [11, с. 31]. Одни и те же сведения о субъекте интерпретируются противоречиво: например, то, что Джордж не пьет и не курит, одни истолковали как положительное качество, а другие (предубежденные) – превратно: он не курит, потому что сосредоточивается на более извращенных и бесчеловечных занятиях.

Главным является не сам факт, поскольку сам по себе он смысла не имеет и «...обладает лишь языковым существованием (как элемент дискурса)...» [4, с. 438], а то, как он воспринимается и осмысливается. Например, где граница, когда изморось превращается в дождь, а дождь – в ливень? Свойства объектов реальности находятся в воспринимающем субъекте, а не в них самих. Например, в романе «Как все было» (“Talking It Over”, 1991) присутствует метафора о реставрации картины, которая отлично передает главную идею творчества Барнса: в процессе работы реставратор, снимая один слой за другим, чтобы добраться до слоя картины, на который смотрел художник, сам решает, на какой стадии остановиться. Ввиду того, что определение истинного слоя зависит от опыта и индивидуально-личностных характеристик реставратора, истинного слоя уже объективно не существует. Если ее разрезать на четыре части и раздать их разным реставраторам, каждый, в зависимости от того, как он ее чувствует, остановится на разном слое, сочтя его за истинный. Процесс реставрации картины является у Барнса метафорой мироустройства: «никакой настоящей картины там, под слоями грязи, нет. То самое, что я всегда утверждаю касательно реальности. Можно скрести и слюнявить, мять и тереть, покуда... не достигнем того, что представляется нам неоспоримой истиной... Это лишь мое слово против того, что утверждают все остальные» [18].

Среди причин ложной интерпретации выступает ситуативность (кто-то что-либо не расслышал и сформировал неверное представление), например, по одной версии, персонаж, невнятно озвучивший причину своего приезда в Париж, приехал по делам фирмы, производившей натуральный воск для натирания полов «Cire réaliste», по второй – его взяли штурманом ралли: «Je suis, sire, rallyiste» [18, с. 48], а по третьей версии, он просто пьет пиво «рейли»: «Je suis sur Reuillys» (во всех случаях намек на слово «сюрреалист») [18, с. 49]; индивидуально-психологические особенности восприятия¹ (если одно и то же вино разлить в две бутылки и дать дегустатору, он определит разницу); власть стереотипов; забывание – память (очередной мотив произведений Барнса) не является надежным хранителем информации, из-за чего история превращается в миф, факты – в версии. Барнс часто размышляет о коллективной памяти, способах ее передачи, ее отличии от индивидуальной памяти, акцентирует ее избирательность, множасьую версии: «...существует ли на свете такая вещь, как коллективная память, представляющая собой нечто большее, чем сумма памяти отдельных людей? А если существует,

---

¹ Часто Барнс поднимает вопрос о том, возможно ли существование идентичных индивидуальностей и, следовательно, возможно ли существование одинакового субъективного восприятия; возможно ли подорвать такую категорию как индивидуальность. Ответ всегда отрицательный: «...два удара в бильярде похожи не больше, чем две человеческие души» [19].

то ограничена ли она теми же рамками или, в самом деле, чем-то богаче индивидуальной?» [20, с. 105]. Коллективную память можно передавать молодым поколениям с помощью таких мест, как военное кладбище (о чем он говорит в нескольких произведениях): когда ребенок вырастет, он приведет туда своего ребенка, который испытает то же самое чувство утраты, горя, страха.

С мотивом памяти связан мотив цикличности истории. Она, по его мнению, кружит на месте, но никогда не совершает абсолютно идентичный круг, не попадает на ту же орбиту. В разных эпохах возникают повторения, под разными названиями. Барнс приводит аналогию с садом, в котором площадь остается неизменной, но каждый год появляется новый урожай. Чтобы цикличность не была губительной¹, чтобы не повторять ошибок прошлого, понимать все связи и причинность и пребывать в движении, необходима память: «тот, кто не помнит о своем прошлом, обречен на то, чтобы повторять его. *Rétrovisseur* (зеркало заднего вида. – А.М.) необходимо не только для безопасности дорожного движения, но и для выживания человеческого рода» [9].

В прозе Барнса заметно повышенное внимание и ненависть к датам. Он подвергает сомнению их точность, считает их такими же вариативными, как сами факты, поэтому он, высмеивая необходимость их помнить и озабоченность ими историков, говорит о терроре истории: «мы боимся истории; мы позволили датам запугать себя» [7, с. 190], «ненавижу даты. Даты – это выскочки, даты – всезнайки» [7, с. 117]. Иногда у него целые абзацы посвящены датам и напоминают исследование нумеролога. Возможно, это результат внутреннего конфликта: с одной стороны, он понимает мифичность дат, с другой стороны, он испытывал их террор, когда, работая лексикографом, обозревателем, литературным редактором, телевизионным критиком и, особенно, политическим корреспондентом, был вынужден точно их указывать. Благодаря ответственной журналистской работе и вынужденному сотрудничеству с так называемыми «факт-чекерами»² у него сформировалось повышенное внимание к точности повествования³, целесообразность которой он подвергал сомнению в художественных произведениях, пародийно переосмысляя точность публицистического стиля. Например: «первый снимок на пленке показывает 12 часов 13 минут, мы уже были женаты три минуты. А на последнем снимке – 12 часов 18 минут, мы женаты уже восемь минут» [19]. Он часто иронизирует по поводу точных дат: «...даты придают истории подлинность» [23, с. 39], «надо быть точным с датами» [23, с. 40–41], «...всегда лучше указать точную дату, как по-вашему?» [12, с. 108], «помни дату, Джордж, помни дату» [13, с. 65].

¹ Д. Сантаяна: «тот, кто не помнит своего прошлого, осужден на то, чтобы пережить его вновь» [21].

² О них он говорит в сборнике статей «Письма из Лондона» (“Letters from London”, 1995): «они выколачивают из тебя всю душу, а потом спасают твою задницу. Также они подозрительно относятся к обобщениям и риторическим преувеличениям и предпочли бы, чтобы последнее предложение выглядело так: «Они выколачивают из тебя четверть души и в 17,34 процента случаев спасают твою задницу» [22, с. 11].

³ В статьях все данные в цифрах (количество голосов, которые получили кандидаты, суммы штрафов, тираж газет, громкость (в децибелах) и длительность (в секундах) аплодисментов) он приводит с точностью до единицы.

Описывая какие-либо события, он приводит точные данные: «...пусть это желтый кадмий, если вы так хотите, хотя кадмий открыли только в 1817 году. Желтая краска такого состава не существовала до 1750» [5]; схематично упоминая исторических личностей или события, он сопровождал их датами, «Елизавета и Виктория... 1558 и 1837... ...Вульф в Квебеке... 1759... Фокс, пойманный живьем... 1605... Нельсон..., Трафальгар 1805. Эдвард Восьмой потерял нацию, 1936, отречение» [16, с. 12]. Такая нарочитая точность является пародией на публицистический стиль, опосредованной идеей Барнса, ставящей под сомнение само существование факта, неоспоримой истины.

Таким образом, философско-эстетическая концепция переосмысления исторического нарратива, утверждения альтернативности, многовариантности, фиктивности, процессуальности, субъективного искажения исторического дискурса, диффузии стабильности и объективности истины, превосходства субъективных версий над единой объективной создает своеобразный авторский диапазон тем, индивидуальную систему художественных образов, возникшую по субъективным причинам, вопреки постструктуралистским представлениям об абсолютной власти языка и обезличенности текста. С помощью этих стабильных смысловых повторов (мотивов), объединяющих произведения автора в единый комплекс и способствующих их атрибуции, Барнс реализует свои индивидуальные идеи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hutcheon, L. A Poetics of Postmodernism / L. Hutcheon. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988. – 268 p.*
2. Западное литературоведение XX века : энциклопедия. – М. : ИНИОН РАН, Центр гуманитар. науч.-информ. исследований ; Intrada, 2004. – 560 с.
3. *Райнеке (Виноградова), Ю.С. Исторический роман постмодернизма (Австрия, Великобритания, Германия, Россия) / Ю.С. Райнеке (Виноградова). – М. : Науч. центр славяно-германских исследований ИС РАН, 2002. – 112 с.*
4. *Барт, Р. Дискурс истории / Р. Барт // Система моды : Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – С. 27–441.*
5. *Леденева, Т.В. Постмодернизм и современная культура / Т.В. Леденева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://student.km.ru/ref_show_frame.asp?id.html. – Дата доступа: 15.09.2010.*
6. *Барнс, Дж. Попугай Флобера / Дж Барнс [Электронный ресурс]. – М. : АСТ, Ермак, 2003. – (Bestseller). – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/djulian_barns/popugay_i_flobera/read_online.html?page=1.html. – Дата доступа: 26.12.2010.*
7. *Барнс, Дж. История мира в 10 ½ главах: сб. / Дж. Барнс; пер. с англ. В. Бабкова. – М. : АСТ; ЛЮКС, 2005. – 348, [4] с. – (The Bestseller).*

8. *Barnes, J. Flaubert's Parrot / Julian Barnes* [Electronic source]. – Mode of access: www.kiwitan.com/.../Barnes,%20Julian%20-%20Flaubert%20Parrot.doc. – Date of access: 15.12.2007.
9. *Барнс, Дж. Любовь и т.д. / Дж. Барнс* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.erlib.com/Джулиан_Барнс/Love_etc/1.html. – Дата доступа: 26.12.2010.
10. *Ильин, И.П. Постмодернизм: словарь терминов / И.П. Ильин.* – М. : ИНИОН РАН ; – Intrada, 2001. – 384 с.
11. *Barnes, J. England, England / J. Barnes.* – London : Picador, 1999. – 266 p.
12. *Барнс, Дж. Бдительность / Дж. Барнс // Лимонный стол: сб. / Дж. Барнс, пер. с англ. – М. : АСТ; АСТ МОСКВА; Транзиткнига, 2006. – С. 108–126.*
13. *Барнс, Дж. Артур и Джордж / Дж. Барнс; пер. с англ. И. Гуровой. – М. : АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 539, [5] с.*
14. *Барнс, Дж. До того как она встретила меня / Дж. Барнс; пер. с англ. И. Гуровой. – М. : АСТ; Транзиткнига, 2005. – 252, [4] с. – (The Bestseller).*
15. *Барнс, Дж. Биография [Электронный ресурс] / Рос. лит. Сеть. – Режим доступа: <http://www.barns.net.ru/lib/sa/author/100002.html>. – Дата доступа: 25.12.2010.*
16. *Barnes, J. Love etc. / J. Barnes.* – London : Picador. – 2001. – 250 p.
17. *Barnes, J Arthur and George / J. Barnes* [Electronic source]. – Mode of access: <http://readr.ru/julian-barnes-arthur-george.html>. – Date of access: 02.10.2010.
18. *Барнс, Дж. Эксперимент / Дж. Барнс // По ту сторону Ла-Манша: сб. / Дж. Барнс; пер. с англ. – М. : АСТ; ЛЮКС, 2005. – С. 48–69.*
19. *Барнс, Дж. Как всё было / Дж. Барнс; пер. с англ. И. Бернштейна [Электронный ресурс]. – М. : Изд-во АСТ, 2002. – 252 с. – Режим доступа: http://www.ipages.ru/index.php?item_id=5038.html. – Дата доступа: 22.11.2008.*
20. *Барнс, Дж. Навечно / Дж. Барнс // По ту сторону Ла-Манша: // сб. / Дж. Барнс; пер. с англ. – М. : АСТ; ЛЮКС, 2005. – С. 94 – 118.*
21. *Сантаяна, Д. Афоризмы [Электронный ресурс] / Д. Сантаяна. – Режим доступа: <http://aphorism-list.com/a.php?page=santajana.html>. – Дата доступа: 17.11.2010.*
22. *Барнс, Дж. Письма из Лондона / Дж. Барнс; пер.с англ. Л. Данилкина. – М. : АСТ ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 444 [4] с.*
23. *Барнс, Дж. История Матса Израельсона / Дж. Барнс // Лимонный стол. – АСТ ; АСТ МОСКВА; Транзиткнига, 2006. – С. 30–56.*

The article is written within the scope of the research of the author's originality of Julian Barnes' works, the artistic idea of which is the assertion of the fictitiousness of history (due to its textual nature), the priority of subjective versions over a fact, the impossibility of the absolute truth.

Поступила в редакцию 01.02.11

Т.Ф. Мостобай

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСТВА ДЖ. ФАУЛЗА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

В статье проанализирована диахрония критического осмысления творчества Джона Фаулза с 1960-х по 2000-е гг. Отмечены особенности критики на его произведения за каждое десятилетие, обозначены основные вехи в «фаулзоведении» и их вклад в раскрытие художественного мира писателя. Акцент делается на западном литературоведении, вместе с тем обрисован круг значимых исследований литературоведов постсоветского пространства. Предложены перспективные варианты дальнейших исследований творчества Дж. Фаулза.

В настоящее время Джон Фаулз – одна из самых обсуждаемых фигур в литературоведении постсоветского пространства. Начиная с 1986 г., было защищено около 25 диссертационных исследований, написаны десятки аналитических обзоров и сотни статей, посвященных различным аспектам произведений писателя. Это связано с тем, что творчество Фаулза, помимо таких характеристик, как талантливое повествование и глубокое нравственное содержание, обладает богатой интертекстуальностью, и его проза балансирует между традиционным реалистическим английским романом и крайними экспериментальными формами, часто вызывая противоречивые реакции литературоведов. Стабильна лишь тематика его произведений. Среди основных – проблемы экзистенциальной аутентичности, свободы выбора, искусства в его соприкосновении с жизнью и масс-культурой и способы взаимодействия изначально чуждых друг другу «я».

Мы будем упоминать наиболее значительные работы, на которые чаще всего ссылаются известные литературоведы, так как весь корпус критики, анализирующий те или иные стороны творчества писателя, слишком велик.

Итак, Дж. Фаулз по-настоящему завоевывает внимание академических критиков после публикации своего третьего романа, «Женщина французского лейтенанта» (*The French Lieutenant's Woman*, 1969), иронического псевдоисторического романа, разрушающего устоявшиеся литературные конвенции. До этого Фаулз рассматривался главным образом как писатель для масс. В 1970-х гг. появляется несколько десятков публикаций небольшого формата и ряд серьезных литературоведческих работ, рассматривающих романы автора в положительном ключе. Главным образом, исследователи сосредоточивались на философской подоплеке и главенствующей проблематике творчества автора и его литературном новаторстве.

Среди таких работ – труд американского исследователя Вильяма Палмера «Художественная проза Джона Фаулза. Традиция, искусство и личность» (1974) [1], где основной акцент делается на философской наполненности творчества автора и доминирующих проблемах, затронутых в его творчестве. Третья глава под названием «Одиночество личности» целиком посвящена образам и ситуациям, которые воплощают фаулзовскую трактовку экзистен-

циализма. Палмер утверждает, что «в своей художественной прозе Фаулз осмысляет то, что можно назвать экзистенциальным императивом: попытка современного человека установить личностную идентичность в мире, враждебно настроенном по отношению к индивидуальному «я»¹ [1, р. 3].

Исследователь рассматривает философско-литературные основы, на которых автор строит свой мир, и концентрируется на рефлексии Фаулза по поводу жанра романа и роли романиста, отношениях между искусством и жизнью, порнографическом импульсе в человеческих созданиях, возможностях существования, интересубъективности и социуме середины XX в. Все эти вопросы, на взгляд Палмера, – основные проблемы, волнующие писателя. И они продолжают главенствовать в его дальнейшем творчестве.

Касательно спорного вопроса о принадлежности автора к тому или иному литературному лагерю, Палмер высказывается следующим образом: «Как современный писатель, Джон Фаулз – аномалия, практически литературное противоречие. Он и традиционный писатель, и инновационный создатель метапрозы... Он одновременно и принимает, и отвергает литературное прошлое, вместе с тем ставя под сомнение авангардные попытки заново определить жанр романа» [1, р. 3].

Также в контексте философии экзистенциализма рассматривает творчество Фаулза Питер Вульф [2]. Он занимается анализом каждого из вышедших на тот момент романов писателя и прослеживает в них этический аспект во взаимосвязи с проблемой реализации личности посредством творчества. Это исследование художника и его творений, которое утверждает, что Фаулз, как и любой хороший романист, раскрывает самого себя через открытие его персонажами своей сущности.

Что касается многочисленных малоформатных публикаций семидесятых, то в них можно выделить два магистральных направления аналитической мысли: касательно соотношения традиций и литературных новаций, использованных Фаулзом в «Женщине французского лейтенанта», и этикомифологической наполненности романа «Маг».

В 1980-х гг., одновременно с возникновением острого интереса к постмодернизму как эстетическому и мировоззренческому феномену, начинают издаваться монографии, выходят сотни публикаций меньшего формата, посвященные оказавшемуся на пике актуальных тенденций писателю. А выход провокационной «Мантиссы» (Mantissa, 1982), заигрывающей со всеми возможными принципами постмодернизма, и загадочного «Маггота» (A Maggot, 1985) еще более подогревает интерес академических исследователей к творчеству Фаулза. И если ранняя критика прежде всего была заинтересована в явном влиянии экзистенциализма на первые творения Фаулза и его смелом обращении с литературными конвенциями, то теперь литературоведы осмысливают творчество писателя в контексте постмодернизма и с позиций постмодернистских практик. Кроме того, появляется множество интердисциплинарных исследований.

---

¹ Здесь и далее перевод мой. – Т.М.

Монографический труд «Джон Фаулз» английского исследователя Питера Конради [3] можно, скорее, отнести к ранней критике, так как он еще не соотносит творчество Фаулза с постмодернистской системой координат, но, учитывая год издания, рассмотрим его здесь.

Как и Палмер, и Вульф, Конради указывает на ключевое влияние философской концепции экзистенциализма в ее французском варианте на каждое из произведений автора: «Роман Фаулза – это всегда новая погоня за собственной аутентичностью, место, где личности протагониста предстоит подвергнуться многочисленным испытаниям, где обнажают ее суть и выставляют на строгий суд» [3, р. 18]. Конради последовательно рассматривает каждое из художественных творений Фаулза, изданных на тот момент, фактически создав хронологически организованные комментарии. Он сосредоточился на герменевтике их смысловых структур, а также проследил их жанровую специфику и литературные взаимосвязи. Он видит писателя одновременно и как реалиста, и как экспериментатора, а его творчество – как гибридное в самой своей основе.

Американцы Барри и Тони Олшен также издают подобные комментарии в 1980 г., основываясь на изданной в 1978 г. монографии Б. Олшена «Джон Фаулз», а Джеймс Обри продолжает традицию и в 1991 г. выдает еще один вариант, где комментарии скомбинированы с биографией писателя (J.R. Aubrey. John Fowles: A Reference Companion).

Помимо непосредственно литературоведческих трудов было создано большое количество междисциплинарных работ, и это также сильно отличает критику 1980-х по Фаулзу от более ранней. В основной их массе использован психоаналитический подход, а также гендерный и прочие: это работы Фокнера, Вудкока, Барнум, Тарбокс, Онеги, Руньён и др.

В 1990-х гг. литературоведы получают возможность оценить уже все изданные при жизни художественные тексты писателя, так как после «Маггота» (A Maggot, 1985), как известно, ничего, помимо эссеистики, не издавалось. Также продолжается тенденция рассматривать произведения Фаулза в русле междисциплинарных исследований, и благодаря его творчеству даже создается новое направление в подобной критике.

Новозеландский литературовед Джеймс Эчесон написал монографию, посвященную Фаулзу [4], в русле литературоведения, обогащенного культурологическим анализом. Он уделил львиную долю внимания опять же экзистенциальному подтексту произведений писателя, введя при этом его творчество в общелитературный и в определенной степени современный автору культурологический контекст. Эчесон отмечает следующий ключевой момент: «Фаулз особенно заинтересован в достижении экзистенциальной аутентичности – процессе, посредством которого личность меняет свои конформистские убеждения на те, которые согласуются с тем, что на самом деле представляет собой человек» [4, р. x]. Он также осмысляет каждое из произведений писателя с феминистической и гендерной точки зрения, включая в свое исследование расшифровку элементов малой европейской культуры.

Несмотря на иногда встречающуюся формальную принадлежность исследователей к той или иной литературоведческой школе, западные исследователи не ограничивают себя определенной методикой работы с художественным текстом. Их монографии представляют собой комбинацию различных подходов, что позволяет, с одной стороны, достаточно глубоко проанализировать непосредственно сами произведения, а с другой – вывести для них целый ряд контекстов, как литературных, так и философско-культурологических.

Что касается эффективности междисциплинарных исследований, то они позволяют значительно глубже понять отдельные аспекты либо все творчество в целом, однако не могут заменить полноценного литературоведческого анализа, являясь, скорее, вспомогательными средствами.

До середины 1990-х гг. подавляющая часть критических материалов по творчеству Дж. Фаулза игнорирует его эссеистическую часть. С появлением экокритики ситуация кардинально меняется.

В 1996 г. в Лайм Реджисе состоялся симпозиум, посвященный Фаулзу, под названием «Любовь, Утрата, Пейзаж» (Love, Loss, Landscape), по результатам которого в 1999 г. был опубликован сборник эссе под редакцией Джеймса Обри «Джон Фаулз и природа: четырнадцать точек зрения на пейзаж» [5]. Эти работы анализируют художественное, а также эссеистическое творчество писателя в русле экокритики, новом направлении англоязычной критики конца 90-х гг. XX в. Экокритика призывает к «вдумчивому, непредвзятому изучению литературы и природного окружения, того, как природа представляется, понимается или игнорируется в текстах» [5, p. 13–14]). К примеру, Тарбокс демонстрирует важность «островного» способа мышления для понимания произведений Фаулза, Барнум использует теорию Юнга, прослеживая взаимосвязь отношения писателя к природе и влияния этого отношения на творческий процесс и т.д. Традицию экокритического подхода к творчеству писателя поддержал и Томас Вилсон (T. Wilson. *The Recurrent Green Universe of John Fowles*, 2006), анализируя как художественные произведения, так и эссеистику писателя.

Экокритика, как и другие междисциплинарные подходы, не дает полного представления о творчестве Фаулза как литературном продукте, однако выводит новые его грани – в частности, обращает, наконец, пристальное внимание на эссеистику писателя и его поэзию (Д. Випонд).

В 2000-х гг. особое внимание начинают уделять биографическому подходу к изучению наследия Дж. Фаулза. Во многом толчок к этому был дан публикацией дневников писателя в 2003 и 2006 гг. Так, Эйлин Ворбёртэн издает свой фундаментальный труд «Джон Фаулз: жизнь в двух мирах» (E. Warburton. *John Fowles: A Life in Two Worlds*, 2004), где ей удается установить многочисленные связи между личным опытом писателя и его произведениями, глубоко проникнув в их идейно-художественное наполнение.

Пожалуй, самым спорным вопросом в «фаулзоведении» и на сегодняшний день остается правомерность приписывания писателю принадлежности к тому или иному литературному лагерю. Практически каждый критик делает попытку определить, к какому направлению принадлежит творчество писателя: одни настаивают на его постмодернистских началах, другие – на реалистических, третьи говорят о нем как о связующем звене между модернизмом и постмодернизмом.

Сюзан Онега, испанский литературовед, которая в своей емкой статье [6] прослеживает историю критического осмысления произведений автора, собирая наиболее значимые, с ее точки зрения, мнения о Фаулзе, проводит многочисленные литературные параллели и ставит писателя в поистине широкий контекст.

По мнению Онеги, смелое восстановление мифического компонента творчества писателя как способа преодолеть модернистский «inward turn» составляет наиболее важный и постоянно повторяющийся элемент художественной прозы Дж. Фаулза [6, р. 30]. Надо [7, р. 45], Хатчен [8, р. 81] и Лодж [9, р. 76] разделяют ее позицию, полагая, что Фаулз является ключевым звеном, соединяющим модернизм и постмодернизм в Великобритании.

Дэвид Лодж в 1971 г. относит Фаулза к одним из «романистов на перепутье» [9], в числе которых он также называет Лоуренса Даррела, Айрис Мердок, Джона Хоукса, Терри Саутерна, Курта Воннегута, Джона Барта и др. Лодж описывает положение подобных Фаулзу писателей следующим образом: «Ситуацию, в которой сегодня находится романист, можно сравнить с человеком, стоящим на перепутье. Дорога, на которой он стоит... – это реалистический роман, компромисс между художественным и эмпирическим модусами» [9, р. 100]. Лодж называет реалистический роман наиболее традиционным для английской литературы, при этом он, роман, восходит к викторианцам и эдвардианцам и, временно отклонившись от курса из-за экспериментов модернистов, был впоследствии восстановлен Оруэллом, Грином, Во и др.

Используя понятие Лоджа, В. Палмер также называет Дж. Фаулза «романистом на перепутье», отмечая его комбинирование традиций жанра с экспериментальными свойствами современной прозы: «В «Коллекционере» он только приближается к перепутью, пока уверенно следуя эпистолярно-психологической традиции Сэмюэля Ричардсона. Но в «Маге» и «Женщине французского лейтенанта», все еще будучи способным оглядываться на традиции, он уходит в новых экспериментальных направлениях, двигаясь к экзистенциальной метапрозе» [1, р. 29]. Фаулз и сам говорил, что «прекрасно осознает проблемность перепутья между соблазном миметической прозрачности и желанием расшатать и обновить наследуемые конвенции, в которых зажат современный писатель» [6, р. 41].

Малькольм Брэдбери ставит Фаулза в один ряд с Ангусом Вилсоном, Айрис Мёрдок, Мьюриэл Спарк, Дэвидом Стори и Брайаном Стэнли Джонсоном в соответствии с общим признаком – следованию идеалам свободного романа и попытке отстоять идею наличия главных персонажей и

восстановить элементы реализма, причем это осуществляется в атмосфере «беспокойного эксперимента» [10, p. 18].

Тем не менее ряд исследователей относят Фаулза к типичным постмодернистам. Так, Джон Барт в своем эссе за 1980 г. «Литература восполнения» предлагает длинный список «постмодернистских» писателей, в большинстве своем американских и континентальной Европы, причисляя к ним лишь одного британского романиста – Джона Фаулза [11, p. 65]. Как постмодернистского писателя Фаулза рассматривали Р. Бёрден и Т. Д'Ан (1983), использовавшие коммуникативный подход к его творчеству, Симон Лавди (1985). Джон Ниэри [12] также настаивает на постмодернистских основах творчества Фаулза, утверждая, что он придерживается такого метода языкового и мировоззренческого отображения реальности, как *via negativa*, пользуясь «самообнуляющимся негативным языком» («self-cancelling negative language» [12, p. 5]), типичным для постмодернистов, а его проза отталкивается от понятия «ничто» («nothingness»). Махмуд Салами производит анализ произведений Фаулза с позиций теории деконструкции и отстаивает мнение о том, что нарративные эксперименты Фаулза позволяют назвать писателя постструктуралистом [13]. Типично называть писателя постмодернистом во многих изданиях справочного характера.

Таким образом, в западном «фаулзоведении» можно выделить следующие вехи: ранняя критика 1960–70-х гг. занимается в основном изысканиями в области философской и общей идейно-художественной направленности произведений Фаулза, а также анализирует эксперимент писателя над викторианским романом; 80-е характеризуются введением творчества Фаулза в контекст постмодернизма и попытками определить его творческий метод, кроме того, тогда же было положено начало интердисциплинарному подходу к его произведениям; 90-е, помимо продолжения уже установленных традиций, ознаменовались созданием целого направления в литературоведении, основанного на творчестве Джона Фаулза – экокритики; в 2000-х гг. добавляется тенденция рассматривать произведения писателя с использованием биографического подхода.

Давая же оценку русскоязычной критике, можно отметить следующую особенность: есть небольшое количество работ глобального характера, наподобие литературоведческих западных, с хорошим анализом и отсутствием жестких рамок, что позволяет увидеть текст в более широком контексте – первым таким трудом была диссертация В.Л. Фрейбергса – «Творческий путь Дж. Фаулза», защищенная в Риге (1986). Динамика – творческая эволюция романов Джона Фаулза – прослежена спустя десять лет в диссертационном исследовании И.В. Горобченко («Романы Джона Фаулза. Творческая эволюция», 1996). О.В. Лебедева посвятила свой труд «Поэтике новелл Джона Фаулза» (2005).

подавляющее же большинство исследователей фокусируются на конкретных темах. Так, обширный корпус работ посвящен раскрытию эстетических принципов Фаулза и теме искусства в его произведениях. Первая из них вышла одновременно с трудом Фрейбергса – это диссертация И.В. Каба-

новой «Тема художника и художественного творчества в английском романе 60–70-х годов (Дж. Фаулз, Б.С. Джонсон)» (1986). Затем, в 1992 г. в Москве издается работа А.А. Пирузяна на тему художественного воплощения эстетических принципов писателя в его прозе, а в 2000-х проводятся еще два исследования, анализирующих проблемы искусства и их отражение в художественном тексте и образ художника в творчестве Фаулза (Н.В. Лобкова, 2003; И.Б. Каргузова, 2006). При этом Лобкова в своей диссертации «Взаимодействие языков искусств в творчестве Дж. Фаулза» (2001) анализирует творчество писателя в контексте постмодернистской эстетики и философии.

Ряд работ посвящен такой особенности творчества Фаулза, как интертекстуальность. Так, Д.С. Папкина исследует своеобразие и функциональную нагрузку шекспировских аллюзивных включений в прозе писателя (2004), отечественная исследовательница Е.М. Циглер анализирует способы и виды переработки культурного наследия в прозе Фаулза, Берджесса, Картер и Байатт и демонстрирует повторяемость мотивов, сюжетов и образов прошлого в литературе постмодернизма, классифицируя виды литературных заимствований на примере творчества указанных писателей (1999).

Было создано также множество междисциплинарных трудов, где исследуются философские, мифологические, культурологические, лингвостилистические, гендерные и другие аспекты творчества Джона Фаулза: это диссертации А.А. Акатовой (2007), Э.Г. Годованной (2004), Е.А. Дайс (2007), И.Ю. Кочешковой (2004), М.И. Марчук (2003), В.Г. Тимофеева (2003), И.Е. Токаревой (2006), Т.В. Федосовой (2005), Е.В. Яценко (2006) и др.

Как видно, в русскоязычном литературоведении также есть тенденция рассматривать Фаулза как постмодернистского писателя. Однако, к примеру, Л. Андреев отвергает искусственное ограничение творчества писателя рамками постмодернизма и настаивает на определении литературного метода Джона Фаулза как «художественного синтеза», или «реалистически-постмодернистского синтеза» [14, с. 22], который вкратце был охарактеризован А. Дмитриевым: «Реализм, который вобрал в себя приемы тоталитарных направлений – от авангарда до постмодернизма» [14, с. 34].

Фактически, большая часть русскоязычных диссертаций содержит анализ одного-двух аспектов творчества Джона Фаулза, за исключением упомянутых исследований, и налицо тенденция массового обращения к околотитулярным изысканиям.

В качестве перспективных исследований в «фаулзоведении» можно было бы предложить направление, обобщающее творческое наследие писателя в контексте современной ему эпохи. К примеру, мог бы быть интересен анализ его творчества в контексте экзистенциального романа второй половины XX в. или исследование модификаций постмодернистского исторического романа, родоначальником которого в Великобритании считается именно Фаулз, в этот же период. На сегодняшний день это актуально в силу того, что масштабных трудов в сфере обращения к широкому контексту немного, а вопрос о месте Джона Фаулза в литературе XX в. по-прежнему остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Palmer, W.* The Fiction of John Fowles: Tradition, Art, and the Loneliness of Selfhood / W. Palmer. – Columbia, MO: Univ. of Missouri Press, 1974. – 113 p.
2. *Wolfe, P.* John Fowles, Magus and Moralist / P. Wolfe. – Lewisburg ; London : Assoc. Univ. Presses, 1979. – 178 p.
3. *Conradi, P.* John Fowles / P. Conradi. – London ; N.Y. : Methuen, 1982. – 109 p.
4. *Acheson, J.* John Fowles / J. Acheson. – N.Y. : St. Martin's Press, Scholarly and Reference Division, 1998. – 113 p.
5. John Fowles and Nature: Fourteen Perspectives on Landscape / ed. by J.R. Aubrey. – Madison ; New Jersey : Fairleigh Dickinson Univ. Press, 1999. – 273 p.
6. *Onega, S.* Self, World and Art in the Fiction of John Fowles / S. Onega // Twentieth Century Literature. – 1996. – Vol. 42. – № 1. – P. 29–56.
7. *Nadeau, R.* Writings from the New Book on Nature / R. Nadeau. – Amherst : Univ. of Massachussets, 1991. – 345 p.
8. *Hutcheon, L.* The «Real World(s)» of Fiction: The French Lieutenant's Woman / L. Hutcheon // English Studies in Canada. – № 4. – 1978. – P. 81–94.
9. *Lodge, D.* The novelist at the crossroads / D. Lodge // *Bradbury, M.* The novel today: contemporary writers on modern fiction. – Oxford : Alden Press, 1977. – 256 p.
10. *Bradbury, M.* The novel today: contemporary writers on modern fiction / M. Bradbury. – Oxford : Alden Press, 1977. – 256 p.
11. *Barth, J.* The Literature of Replenishment: Postmodernist Fiction / J. Barth // The Atlantic Monthly. – 1980. – P. 7–71.
12. *Neary, J.* Something and Nothingness: The Fiction of John Updike & John Fowles / J. Neary. – Carbondale, IL: Southern Illinois Univ. Press, 1992. – 233 p.
13. *Salami, M.* John Fowles's Fiction and the Poetics of Postmodernism / M. Salami. – Rutherford ; N.Y. : Fairleigh Dickinson Univ. Press, 1992. – 302 p.
14. *Андреев, Л.Г.* Художественный синтез и постмодернизм / Л.Г. Андреев // *Вопр. литературы.* – 2001. – № 1. – С. 3–38.

The article analyses the diachrony of John Fowles' interpretation by literary critics in the 1960-2000s. Some key landmarks in the studies of Fowles and their contribution to the clarifying of the writer's fiction world are outlined, and emphasis is placed on Western academic literary studies. The writer is also regarded in the context of various views on attributing him to postmodernism, realism, etc.

Поступила в редакцию 01.01.11

НАШИ АВТОРЫ

- Артемова Ольга Александровна – аспирант кафедры белорусского языка и литературы МГЛУ. Тел. 294-71-14.
- Бадюля Андрей Степанович – аспирант кафедры грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.
- Басовец Ирина Михайловна – аспирант кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. 288-25-71.
- Голодов Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. Тел. (8-4912) 28-03-93.
- Грищенко Наталья Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии испанского языка МГЛУ. Тел. 284-81-16.
- Казловская Людмила Павловна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков ИГС Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Тел. 220-24-09.
- Кирюшкина Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. Тел. (8-0232) 57-98-28.
- Курилович Ольга Федоровна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой интенсивного обучения иностранным языкам № 1 МГЛУ. Тел. 284-39-62.
- Марданов Андрей Александрович – преподаватель кафедры мировой литературы и культурологии Полоцкого государственного университета. Тел. (8-0214) 42-87-03.
- Мирский Анатолий Антонович – кандидат филологических наук, зав. кафедрой грамматики и истории немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.
- Мостобай Татьяна Федоровна – преподаватель кафедры иностранных языков Полоцкого государственного университета. Тел. (8-0214) 42-87-16.
- Смирнов Александр Игоревич – аспирант кафедры стилистики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.
- Станкевич Вадим Игоревич – аспирант кафедры лексикологии французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.
- Суркова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ. Тел. 222-33-66.
- Сысоева Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. 288-25-71.
- Третьякова Галина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.
- Тропец Татьяна Владимировна – преподаватель кафедры итальянского языка МГЛУ. Тел. 294-76-63.
- Шпаковская Ирина Николаевна – ст. преподаватель кафедры английского языка гуманитарных факультетов БГУ. Тел. 227-18-95.
- Щербакова Лариса Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№1 (50), 2011

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *А.М. Горлатов*

Редакторы: *Л.М. Малинина, А.И. Гуторова*
Корректор *С.О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 11.02.11. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 9,53. Уч.-изд. л. 10,67. Тираж 100 экз. Заказ 06.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования “Минский государственный лингвистический университет”. ЛИ №02330/0548503 от 16.06.2009 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172